

ISSN 0132-1366

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

КОНТРОЛЬНЫЙ ЭНЗ.

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

4

1982

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД
ИЮЛЬ—АВГУСТ

4

1982

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Орехов А. М.</i> «Пролетариат» — первая партия польского рабочего класса (к 100-летию со дня основания)	3
<i>Волокитина Т.</i> Георгий Димитров и некоторые вопросы развития Отечественного фронта Болгарии (1944—1948)	14
<i>Гетманова Н. Г., Кузьмин М. С.</i> Советско-чехословацкие культурные и научные связи в 1934—1938 годах	22
<i>Десятков С. Г.</i> Балканы в планах английской политики экономического «умиротворения» гитлеровской Германии	33
<i>Гришина Р. П.</i> Мелкобуржуазная Радикально-демократическая партия в расстановке политических сил в Болгарии (декабрь 1921 — май 1923 гг.)	39
<i>Носов Н. Е.</i> Новый труд по истории феодализма в России	52
<i>Дроснева Э.</i> (НРБ). Житие Иоакима Осоговского как исторический источник	61
<i>Злыднева Н.</i> Творчество Ивана Генералича	71
<i>Булатова Р. В.</i> Акцентуация приставочных postverbal δ -основ в сербохорватском языке	82

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

<i>Кишкин Л. С.</i> Чешские связи И. Е. Репина	98
--	----

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Вознесенский В. Д.</i> Советско-болгарские отношения и связи. Документы и материалы. Т. II	110
<i>Семенова Л. Е., Л. В. Власова.</i> Молдавско-польские политические связи в последней четверти XVII — начале XVIII в.	111
<i>Осипова Н.</i> Зарубежные славянские литературы на страницах «Вестника ЛГУ» (70-е годы)	114

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

<i>Горфункель А. Х. И. В. Поздеева, И. Д. Кашкарова, М. М. Леренман. Каталог книг кириллической печати XV—XVII вв. Научной библиотеки Московского университета</i>	116
<i>Осипова М. А. Е. Sekaninová. Sémantická analýza predponového slovesa v ruštině a slovenčine</i>	119
<i>Кунин А. В., Мокиенко В. М. К. Андрейчина, С. Влахов, С. Димитрова, К. Запriansова. Русско-болгарский фразеологический словарь. 5695 словарных статей. Под редакцией С. Влахова</i>	121

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>О'Мара П. (Ирландия). Ирландская Ассоциация славистов (ИАС)</i>	124
<u>Владимир Дорوفеевич Королюк</u>	126

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), В. А. ДЬЯКОВ,
 В. В. ЗЕЛЕНИН (зам. главного редактора), В. И. ЗЛЫДНЕВ, В. Г. КАРАСЕВ,
 Д. Ф. МАРКОВ, А. И. НЕДОРЕЗОВ, С. В. НИКОЛЬСКИЙ,
 Ю. А. ПИСАРЕВ, Л. Н. СМИРНОВ, Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора),
 Я. В. ШМЕРАЛЬ

Адрес редакции: 121069, Москва, Г-69, Трубниковский пер., д. 30а.

Телефон 290-27-40

Зав. редакцией *Е. В. Пономарёва*

«ПРОЛЕТАРИАТ» — ПЕРВАЯ ПАРТИЯ ПОЛЬСКОГО РАБОЧЕГО КЛАССА (к 100-летию со дня основания)

В Польше и Советском Союзе, тесно связанными узами дружбы и братского сотрудничества, широко отмечается 100-летие польского рабочего движения, взаимодействия рабочего класса обеих стран в борьбе за торжество социализма.

Социально-революционная партия «Пролетариат» оставила глубокий след в польском освободительном движении. Генетически с ней связано польское коммунистическое движение новейшего времени. Историческая заслуга партии «Пролетариат» состоит в том, что в эпоху становления и развития капитализма на польских землях она пропагандировала идеи научного социализма, дала рабочему классу программу революционного действия и подняла знамя борьбы за социальное и национальное освобождение трудящихся.

Библиография по истории партии «Пролетариат» насчитывает многие десятки позиций. Это внушительное число монографий и исследовательских статей по отдельным вопросам, фундаментальные публикации документов, воспоминания членов партии и современников. Написаны повести, романы и драматические произведения, посвященные пролетариатам. Тема партии «Пролетариат» прозвучала в живописи, скульптуре, на экране. Все это убедительно свидетельствует о том, что благородные помыслы пролетариатцев, их неравная борьба за социальную справедливость, самопожертвование во имя высоких моральных принципов составляют фундаментальную духовную ценность польского народа.

Возникновение первой политической партии польского рабочего класса было подготовлено всем ходом социальной истории Польши, прежде всего, достигнутым уровнем классовой борьбы пролетариата, развитостью польской социалистической мысли и появлением в ее рамках пролетарского течения («рабочего социализма»), глубокими традициями национально-освободительной борьбы.

В 70—80-е годы XIX на расчлененных польских землях стремительно развивался капитализм. Утверждению новой социально-экономической формации сопутствовала радикальная перестройка структуры польского общества; складывались его основные классы-антиподы — буржуазия и пролетариат. Характерная черта капитализма на польских землях — ускоренный количественный рост пролетариата. О динамике этого явления, например, в Королевстве Польском свидетельствуют такие показатели: в 1871 г. здесь насчитывалось 75,6 тыс. фабрично-заводских рабочих, в 1879 г. уже 122,1 тыс., а в 1884 г. — 150 тыс. [1, с. 111]. За счет все новых категорий людей, продававших свою рабочую силу (рабочие ремесленных мастерских, надомники, рабочие транспорта, строительства, коммунальных услуг и торговли, сельскохозяйственные рабочие), раздвигались социальные границы рабочего класса. Крупные скопления фабрично-заводского пролетариата образовались во второй половине XIX в. в Лодзинском, Домбровском, Варшавском промышленных рай-

онах (Королевство Польское), в Верхней и Нижней Силезии (польские земли, отошедшие по разделам к Пруссии) и Тешиньской Силезии («австрийский захват»).

Авангардная роль рабочего класса в освободительной борьбе польского народа выростала, как и в других европейских странах, «исторически... из материальных условий крупного капиталистического производства» [2, с. 15—16]. В процессе своего формирования польский крупно-промышленный пролетариат овладевал первой формой классовой борьбы — экономической. Идеи политической борьбы вносили в классовое пролетарское движение социалисты из той части интеллигенции, которая по своему объективному общественному положению и духовным стремлениям переходила на позиции рабочего класса. Революционная интеллигенция критически осваивала идеологический капитал предшествующих поколений борцов за социальную справедливость; она стала проводником марксистской идеологии, пробуждала и развивала классовое сознание польского пролетариата [3].

Становление борьбы за социализм на польских землях пришлось на середину 70-х — начало 90-х годов XIX в. Отчетливо прослеживаются три фазы этого процесса [4, с. 359—360]: начало пропаганды идей научного социализма узким кругом интеллигентов-социалистов; разработка идейно-организационных принципов движения (создание первых программных документов и концепций); возникновение политических партий пролетариата, идущих в авангарде рабочего класса, всех трудящихся. Из-за существенных различий социально-экономических и политических систем государств, аннексировавших Польшу, социалистическое движение на польских землях развивалось несинхронно. В Королевстве Польском в указанный период оно прошло четыре этапа: зарождение конспиративных кружков, тяготеющих к научному социализму (1875—1877); появление первых раннепролетарских организаций и формирование их программных концепций (1878—1881); создание первой политической рабочей партии, накопление практического опыта революционной борьбы и освоение научного социализма (1882—1886); наконец, кристаллизация двух идейно-политических течений в рабочем движении (1887—1893) — явление, свойственное международному социалистическому рабочему движению той эпохи. Иную периодизацию имеет польское социалистическое движение в Галиции. Там начало социалистической пропаганды приходится на 1876—1878 гг. (деятельность Б. Лимановского и издание рабочей газеты «Прада»), подготовка первых региональных программных документов — на 1878 г., а политическая организация рабочего класса — Галицийская рабочая партия была создана в 1890 г. На польских землях в составе Германии социалистическое движение зародилось в 1881—1886 гг., попытки создания социалистических организаций предпринимались (без видимого успеха в результате действия бисмарковского исключительного закона против социалистов) в 1887—1890 гг., а политическая партия рабочего класса ППС-«прусского захвата» была создана в 1893 г. Приведенное сопоставление показывает, таким образом, что по темпам развития социалистическое движение на польских землях в составе Российской империи шло впереди. Это обуславливалось относительно более высоким уровнем экономического и социального развития и широкими связями польского освободительного движения с общероссийским.

Примечательно, однако, что самый первый польский социалистический кружок, ориентировавшийся на рабочий класс, возник за пределами Королевства Польского, осенью 1874 г. Именно тогда в Петербурге, на волне революционного народничества и был организован А. Венцовским кружок, поставивший своей целью подготовку пропагандистов для работы в Польше [5, с. 25]. В 1874—1879 гг. этот кружок являлся своеобразной школой подготовки самых первых кадров польских социалистов-революционеров: они создали первые конспиративные кружки рабочих в Королевстве Польском и подготовили первые программные документы движения.

В 1874—1875 гг. польские социалистические кружки появились также в Москве, Одессе, Киеве. Они стремились координировать свои действия и начать социалистическую пропаганду в Королевстве Польском. В период осени 1876 — начала 1877 г. сложился первый кружок социалистов в Варшаве. Они проникли в среду рабочих и заложили основы социально-революционной организации, которая повела индивидуальную (в бесплатных читальнях пролетарских районов города) и групповую (на тайных сходках рабочих) пропаганду социализма, подготовила агитационно-пропагандистскую литературу на польском языке и устроила нелегальные кассы сопротивления (забастовочный фонд), творчески осваивая опыт западноевропейского и русского движений [3]. Кассы сопротивления стали важной ступенью в развитии социальной активности польского рабочего класса: их можно рассматривать как исходный пункт *организованного* рабочего движения в Королевстве Польском [4, с. 25]. С тех пор социалистическое движение в этом регионе развивалось фактически непрерывно: на смену кассам сопротивления пришло «Социально-революционное общество поляков» (август 1878 — февраль 1880 г.), а затем Варшавская гмина (март 1880 — март 1881 г.).

К 1878 г. относится первая попытка построения идейной платформы польских социалистов — так называемой Варшавской программы. Историческую перспективу нации она связывала с созданием социалистического общества («торжество принципов социализма является необходимым условием счастливого будущего польского народа...») [6, с. 23]. Одновременно с некоторыми принципиальными теоретическими положениями марксизма (из «Манифеста Коммунистической партии») в этом документе ясно просматриваются черты утопического и мелкобуржуазного социализма (например, анархизм, выразившийся в нигилистическом отношении к социализму в государственных формах). Новая идеологическая декларация — так называемая Брюссельская программа (октябрь 1879 г.) — была подготовлена группой публицистов журнала «Рувность» (издавался в Женеве в 1879—1881 гг.), и также заимствовала основные идеи «Манифеста Коммунистической партии» [7, с. 65—70]. В новой декларации сознательно не ставился национальный вопрос; о сочетании борьбы за социальное и национальное освобождение (такой тезис специально формулировался в Варшавской программе) не говорилось вовсе. В качестве непосредственной цели рабочего класса выдвигалась социальная революция, которая и должна была, по мнению редакторов Брюссельской программы, одновременно устранить все формы социального и политического угнетения, в том числе и национального. Таким образом, решение всех злободневных общественных проблем однозначно подчинялось лишь социальному освобождению пролетариата. Так сложилась концепция, оказавшая очень большое воздействие на все последующее развитие польской социалистической мысли. Она сразу же вызвала оживленную дискуссию в революционных кругах как в стране, так и в эмиграции, а также в польских кружках («гминах») в России.

В эти годы редакционный комитет журнала «Рувность» играл роль идеологического центра польского социалистического движения. На страницах журнала обсуждались главным образом три крупные проблемы: 1) образ будущего социалистического общества; 2) отношение социалистов к польскому национальному вопросу и патриотизму; 3) отношение к русскому революционному движению и перспективам польско-русского революционного союза. На международном митинге, организованном журналом в Женеве 29 ноября 1880 г. в связи с 50-летием польского восстания 1830—1831 гг., вновь было заявлено о том, что польский патриотизм как стремление к национальной независимости Польши есть порождение шляхетской идеологии и потому реакционен [8]. Как известно, в приветственном письме в адрес организаторов митинга К. Маркс, Ф. Энгельс, П. Лафарг и Ф. Лесснер высказали иную точку зрения: они считали, что борьба за независимость Польши имела революционизирующее значение в историческом развитии Европы. Тем не менее молодые польские социалисты пошли в данном вопросе собственным путем.

Забываясь о последовательно классовом облике рабочего движения и его идейной чистоте, опасаясь потери им самостоятельности в случае возможного национально-освободительного восстания, они не увидели диалектической связи проблем социального и национального освобождения трудящихся. Возникла дилемма — либо классовое революционное рабочее движение во имя социализма, либо реставрация польского шляхетско-буржуазного государства. На той стадии политического мышления, когда польские социалисты еще только самоопределялись как идеологи пролетарского движения, отмежевание от национальных лозунгов, по традиции связываемых с доктриной шляхетских революционеров, представлялось естественным [3, с. 268]. И польской социалистической мысли понадобились многие годы, чтобы преодолеть этот стереотип.

В противовес программным разработкам публицистов «Рувности» в августе 1881 г. появилось воззвание Социалистического общества «Люд польский», находившегося под идейным патронатом Б. Лимановского. Оно признавало ценность устремлений левицы польских национально-освободительных восстаний, увязывало общедемократические и социалистические требования с требованием национального освобождения Польши, но вместе с тем мыслило реализацию поставленных целей отчасти эволюционным, реформистским путем («мирным развитием»), а отчасти посредством революционного действия [9]. Патристическое по духу и социалистическое по содержанию, воззвание «Люда польского» было тем не менее далеким от марксизма, так как его составители не признавали классовой борьбы двигателем общественного развития, а также роли пролетариата как гегемона социальной революции [3, с. 314]. Поэтому с точки зрения определения путей развития революционной борьбы на польских землях оно уступало другим программным документам польского социалистического движения.

Учитывая наличие революционной ситуации в России, польские социалисты наибольшие надежды связывали с развитием рабочего движения в Королевстве Польском. При этом неизбежно возникала проблема польско-русского революционного союза, ибо логика политической борьбы с царизмом и капиталом требовала единства действий национальных революционных отрядов в пределах монархии Романовых. Видный русский народник Я. В. Стефанович в 1880 г. обратился к польским социалистам со следующим призывом: «В настоящее время мы должны соединиться в одну организованную партию. Это необходимо в интересах всем нам общего дела. Там, где враг один для двух борющихся с ним армий, — последним прямой расчет соединиться. Россия и Польша скованы одною и тою же цепью; разбить эти оковы будет легче дружным усилием обеих вместе» [10, с. 22].

Ответом на этот призыв было известное обращение «К товарищам русским социалистам!», датированное 3 ноября 1881 г., которое в научной литературе расценивается как наиболее последовательный программный документ польского социалистического движения кануна возникновения партии «Пролетариат» [11, с. 429]. Можно предположить, что его основным автором был Л. Варыньский (1856—1889). Главной задачей социалистов как в западных странах, так и в России провозглашалось пробуждение социалистического сознания трудящихся масс и создание самостоятельных классовых политических организаций для их защиты. Польские социалисты заявили о полной поддержке разгоревшейся в России революционной борьбы. Так как различия социально-политических условий в России, Австро-Венгрии и Германии делали невозможным создание единой польской организации, говорилось в обращении, польские революционеры обязаны действовать вместе с революционерами каждой из этих стран. Выражалась уверенность, что только солидарные действия «организованных рабочих масс различных национальностей в пределах Русского государства» обеспечат окончательную победу над царизмом [12, с. 40]. Наконец, выдвигалось предложение о создании общероссийской социалистической партии из национальных организаций и выработке единой политической программы. Вопрос

о форме объединения не ставился, но можно думать, что польским социалистам наиболее приемлемым казался принцип федерации [11, с. 427].

Обращение зафиксировало важный рубеж в идеологическом развитии польских социалистов — под впечатлением беспримерной борьбы «Народной воли» с царизмом они признают неизбежность политической борьбы с существующей общественной системой (за установление демократических свобод и свержение самодержавия), что свидетельствовало о преодолении прежних заблуждений анархистского толка. Вместе с тем, общий уровень документа снижается признанием террора как средства политической борьбы (в народовольческой трактовке) и неприятием национального (польского) вопроса как лозунга практического действия.

Борьба с самодержавием и капиталом вплотную подвела польских социалистов к пониманию того, что приблизился момент, когда возникла необходимость переходить от массовой пропаганды и агитации к созданию централизованной, сплоченной политической организации революционеров. Реализацию этой исторической задачи взял на себя Людвик Варыньский.

В деятельности партии «Пролетариат» ясно различимы следующие периоды: первый (подготовительный) — с конца 1881 г. по август 1882 г.; второй — с 1 сентября 1882 г. по 16 сентября 1883 г.; третий — с середины сентября 1883 г. по 28 июня 1884 г.; четвертый — с лета 1884 г. по 17 сентября 1885 г. и пятый — с осени 1885 г. по лето 1886 г. Каждый из периодов соответствует деятельности определенного круга партийных лидеров, под влиянием которых находились подпольные кружки (первый — Л. Варыньский и Г. Дулемба; второй — Л. Варыньский; третий — С. Куницкий, А. Дембский и Л. Янович; четвертый — М. Богусевич; пятый — В. Вислоцкий и Б. Велегурская). По подсчетам исследователей, 68% всех членов партии «Пролетариат» составляли фабричные и ремесленные рабочие [1, с. 392]. Высокий процент рабочих в революционных организациях характерен для нового — пролетарского — этапа польского освободительного движения, который начался на рубеже 70—80-х годов. В сферу деятельности партии входила прежде всего и главным образом Варшава, затем Лодзь, Згезж, Белосток, Томашув Мазовецкий, Модлин (Ново-Георгиевск) и некоторые др. Кроме того, в разное время кружки «Пролетариата» действовали в Вильно, Петербурге, Москве, Пинске. Пролетариатцы поддерживали связи с социалистическими кружками в Галиции и землях «пруссского захвата», а также с отдельными представителями западноевропейского рабочего движения.

За неполные пять лет работы в нелегальных условиях партия, во-первых, создала разветвленную сеть кружков, комитетов и местных организаций, представлявших интересы рабочего класса и революционно настроенной интеллигенции в общественном движении Королевства Польского; во-вторых, подготовила и провела несколько политических акций, получивших общественный резонанс; в-третьих, подняла на качественно более высокий уровень социалистическую пропаганду и агитацию. В частности, «Пролетариат» в эти годы опубликовал 25 социалистических брошюр (наиболее известные из них — «Манифест Коммунистической партии» и «Кто с чего живет?» Ш. Дикштейна) и около 20 прокламаций, в том числе две программного характера [1, с. 394—395]. Партия издавала также нелегальную газету «Пролетариат» (в Варшаве), легальную — «Роботник» (в Кракове), теоретический журнал «Валька кляс» (в Женеве). Помимо того, в 1884—1886 гг. печатным органом партии «Пролетариат» считалась газета «Пшесвиг», издававшаяся в Женеве. Агитационно-пропагандистская и периодическая печать служила важным средством формирования политического сознания членов партии. Все это позволяет в самых общих чертах представить модель социалистической рабочей партии, действующей в условиях отсутствия политических свобод.

В конце декабря 1881 г., когда Л. Варыньский тайно вернулся из эмиграции, варшавское революционное подполье находилось в состоянии глубокой депрессии; революционная организация была полностью

разгромлена царской охранкой, никакой координации в действиях немногочисленных социалистов не было. Уцелел небольшой кружок Казимежа Пухевича (1858—1884), сторонника умеренной «экономической» борьбы рабочего класса [5, s. 182]. Еще один кружок — студентов университета, объединившихся вокруг талантливого социолога и публициста Станислава Крусиньского (1857—1886), — занимался лишь изучением теоретических проблем социализма и работал над польским переводом первого тома «Капитала» К. Маркса; связей с рабочими кружок не имел и даже сторонился их [13, s. 105—106].

Благодаря целенаправленной и энергичной работе Л. Варыньского оживилась социалистическая пропаганда среди варшавских рабочих. Ее особенностью было то, что она пустила корни на самых крупных промышленных предприятиях Варшавы. Сохранившиеся документы тех лет позволяют предположить, что уже в первой половине 1882 г. Л. Варыньский сплотил наиболее политически подготовленных рабочих-социалистов (таких, например, как Генрык Дулемба) в так называемый Рабочий комитет, который и направил все свои усилия на организацию рабочей партии в Королевстве Польском (ср. [5, s. 188]).

Партия «Пролетариат» сложилась на основе идейно-политической консолидации трех социалистических групп: руководимого Л. Варыньским Рабочего комитета; кружка К. Пухевича и так называемой Польско-литовской социально-революционной партии — группы студентов-поляков, обучавшихся в высших учебных заведениях Петербурга. Эта последняя возникла осенью 1881 г. на обломках разгромленной Петербургской польской гмины и видела свой идеал в национальной независимости Польши, переустройстве ее на социалистических началах (фабрики — рабочим, земля — крестьянам, политический переворот в интересах трудящихся) [11, с. 349—359]. Судя по программному документу, эта группа испытывала сильное влияние народолюбства, поддерживала непосредственные контакты с «Народной волей», признавала вслед за нею оборонительный террор и считала своей ближайшей задачей создание заговорщической организации для подготовки революционных кадров, способных в нужный момент поднять антиправительственное восстание.

Л. Варыньский, К. Пухевич* и представитель петербургской группы Станислав Куницкий (1861—1886) разработали программный документ, озаглавленный «Воззвание Рабочего комитета социально-революционной партии „Пролетариат“» [13, s. 114]. Окончательный его текст помечен 1 сентября 1882 г. Отсюда и принято начинать отчет истории первой польской политической партии рабочего класса.

Воззвание партии «Пролетариат» многократно рассматривалось в историографии. Современные исследователи единодушны в оценке этого документа: в нем конструировалась новая концепция освободительной борьбы польского народа. Анализируя классовые отношения на польских землях, авторы программы констатировали, что польскому обществу присущи все черты капитализма. Рабочий класс лишен всяких прав, притесняем и эксплуатируем буржуазией. Однако, говорилось в программе, он уже понимает причины своего угнетенного положения и требует «полного экономического, политического и морального освобождения» [7, s. 188], что свидетельствовало о пробуждении и росте классового сознания польского пролетариата. Опираясь на сформулированные основоположниками научного социализма идеи, авторы программы выдвинули тезис: «польский пролетариат полностью отделяется от привилегированных классов и вступает с ним в борьбу как самостоятельный класс, совершенно отличающийся в своих экономических, политических и моральных стремлениях» [7, s. 194]. Тем самым подчеркивалось, что борьбу за социализм польский пролетариат будет вести на классовой основе, что он сам, собственными силами способен совершить социальный переворот, подорвать буржуазные устои. В связи с этим в программе высказывалась верная мысль об общности политических интересов польских рабочих и крестьянских масс, хотя она и не получила тогда последовательного и законченного развития. Наконец, в программе утверждались принципы пролетарского

интернационализма: «на почве борьбы с эксплуататорами польский пролетариат, как класс эксплуатируемый, солидаризируется со всеми эксплуатируемыми независимо от их национальности» [7, с. 195].

О последовательном социалистическом характере программы партии «Пролетариат» свидетельствует решение проблемы отношения к собственности. В соответствии с основополагающими документами Международного Товарищества Рабочих формулировалось требование о переходе земли и средств производства в собственность социалистического государства, о замене института наемного труда коллективным на основе социалистического принципа вознаграждения. Безусловным шагом вперед по сравнению с более ранними программными заявлениями польского социалистического движения было признание авторами воззвания 1 сентября 1882 г. возможности строительства социализма только в государственных формах.

Программу партии «Пролетариат» нельзя, однако, считать вполне зрелым идеологическим документом. Думается, она должна быть оценена как важный этап освоения научного социализма польскими революционерами из поколения Л. Варыньского и отражает одновременно трудности преодоления анархистских, мелкобуржуазных, в том числе народнических, теорий общественного развития. В частности, творцы программы «Пролетариата» обошли вопрос о ближайших экономических требованиях (сокращение рабочего дня, повышение заработной платы, улучшение страхования рабочих, уменьшение косвенных налогов), которые могли бы стимулировать борьбу польского пролетариата. В области политической программа не выдвигала конечных целей партии (замены буржуазного строя социалистическим), хотя и упоминала о социалистическом государстве. Такой парадокс можно, по-видимому, истолковать инерцией прежнего, анархистского мышления, согласно которому — на пути к социализму экономический переворот будет предшествовать перевороту политическому.

Л. Варыньский и его соавторы не преодолели выработанный стереотип в национальном вопросе. В программе партии «Пролетариат» утверждалось, что идеологи национально-освободительных восстаний, призывавшие к единству поляков в борьбе с захватчиками, затемняли классовое сознание трудящихся. Из этой посылки, в соответствии со сложившимся уже представлением, делался вывод, будто пролетариату необходимо не только полное экономическое и политическое освобождение, но и разрыв со всеми традициями национальной борьбы. Тем самым революционная направленность польских национально-освободительных движений недооценивалась. Понимание того, что рабочий класс, формируясь в динамичную антисамодержавную силу, может объединить на борьбу с царизмом все непролетарские слои, включая крестьянство, интеллигенцию и мелкую буржуазию, не отказываясь при этом от своей классовой политической программы, не стало достоянием польской революционной мысли на данном этапе ее развития.

Национальный вопрос в программе «Пролетариата» решался только в плане уравнивания в правах национальностей и вероисповеданий. Между тем, для социалистов страны, лишенной собственной государственности и испытывающей национальное угнетение, вопрос о национальном освобождении был в высокой степени актуален. Автор статьи разделяет точку зрения тех ученых, которые отсутствие в программе «Пролетариат» требования независимости Польши объясняют не национальным нигилизмом первых польских социалистов, как это иногда еще делается в работах некоторых современных историков, а распространенной в то время концепцией социальной революции. Считалось, что в ходе крушения самодержавия в России (ожидавшегося в ближайшее время) восстановление независимости Польши не будет реально достижимым, а рассчитывать можно лишь на ликвидацию национального гнета и уравнивание национальностей в правах. Восстановление же Польши ставилось в зависимости от социального переворота одновременно во всех или, как минимум, в европейских странах, и прежде всего в Германии, России и Австро-Венгрии.

Несмотря на несовершенство отдельных ее элементов, программа партии «Пролетариат» стала крупным явлением польской социалистической мысли. Как идеологический документ польского рабочего движения она выдерживает сравнение с аналогичными документами рабочих партий, возникавших в ту эпоху во многих европейских странах.

Важной вехой в становлении партии «Пролетариат» следует (признать так называемый виленский съезд польских социалистов, состоявшийся в конце января 1883 г. На нем были представлены польские революционные кружки Варшавы, Петербурга, Москвы, Киева и Вильно. Съезд закрепил тенденцию к соединению варшавской революционной группы с периферийными кружками. Окончательно стало ясно, что в партию не войдут сторонники С. Крусиньского, не согласные с радикальными методами борьбы против самодержавия, а группа К. Пухевича пойдет на раскол. После виленского съезда обозначилось превосходство революционного направления в польском социалистическом движении. Единомышленники К. Пухевича создали свою организацию и опубликовали программу (апрель 1883 г.), в которой заявили о необходимости подготовки польского рабочего класса к борьбе за улучшение материального положения и полностью обошли вопрос о политической борьбе с существующим строем [7, с. 202—204]. Однако ориентация на «экономизм» в ту пору не получила признания в революционном движении Королевства Польского, и организация Пухевича, не найдя необходимой социальной опоры, довольно скоро самораспустилась. Что касается «крусиньчиков», то они так и остались изолированной группой интеллигентов-социалистов, занимавшихся исключительно научными изысканиями. Помимо польского перевода «Капитала», им принадлежит заслуга идейного развенчания теории «органического труда» и варшавского позитивизма, легальная пропаганда (в публицистике) материалистического взгляда на процессы общественного развития.

29 января 1883 г. «Варшавская полицейская газета» опубликовала распоряжение обер-полицейстера о принудительном санитарном освидетельствовании женщин-работниц. Такой беспрецедентный акт, оскорбительный для человеческого достоинства, вызвал взрыв возмущения в пролетарских кварталах города. Л. Варыньский принял решение немедленно обратиться к рабочим с призывом оказывать сопротивление властям. 1 февраля было отпечатано и широко распространено воззвание, подписанное Рабочим комитетом партии «Пролетариат». Прокламация оправдала ожидания социалистов: власти не решились привести в исполнение свое распоряжение; само появление партии было для них полной неожиданностью. По сути дела за фактом распространения прокламации стоит целое явление общественной жизни: революционная рабочая партия организовала акцию политического протеста варшавского пролетариата [1, с. 396]. Престиж социалистов в рабочих кругах вырос в связи с этим чрезвычайно высоко. «Пролетариат» энергично отреагировал на уступку властей: 26 февраля Рабочий комитет издал новую прокламацию, обращенную к работницам, в которой единодушное сопротивление унижительным мерам расценил как победу рабочих и призвал к усилению борьбы с капиталистами и правительством, защищающим их интересы.

Окончательно партия «Пролетариат» конституировалась в марте 1883 г. на нелегальном совещании партийных активистов, когда был избран первый состав Центрального комитета (Л. Варыньский, Т. Рехневский, С. Куницкий, А. Дембский, Г. Дулемба, Э. Плоский и А. Ентус) [4, с. 159—160].

На весну — осень 1883 г. приходится пик деятельности партии. Работе социалистов способствовала ситуация в общественной жизни края в связи со студенческими волнениями в Варшавском университете 4—7 апреля (так называемая Алухтинская сходка) и забастовкой 8 тыс. рабочих Жирардовской мануфактуры 11—17 апреля. Волнения в университете возникли неожиданно. Социалисты к этому не были готовы, но по ходу событий стремились внести элементы организованности в стихийные действия студенческой молодежи. В Жирардовской забастовке

социалисты не приняли участия: им не хватало опыта и решительности, а признанный лидер партии Л. Варыньский находился в это время за границей. С возвращением Варыньского сеть кружков партии стабилизировалась, упорядочилась структура партии в целом [3, с. 169—171]. С помощью народовольцев удалось устроить собственную нелегальную типографию, которая обеспечивала своевременный выход прокламаций и рассчитанной на массового читателя газеты «Пролетариат» (с сентября 1883 г. по май 1884 г. вышло пять номеров газеты; шестой, подготовленный к печати, конфисковала полиция). Стоит подчеркнуть, что на страницах своего печатного органа пролетариатцы высказались в пользу диктатуры пролетариата как формы государственной власти трудящихся («Диктатура пролетариата будет первым актом переворота» [14]). В программном воззвании 1882 г. этого тезиса еще не было. Укажем также на воззвание 12 июня 1883 г. «К работающим на пашне. Манифест Центрального комитета социально-революционной партии». Этот получивший довольно широкое распространение документ свидетельствует об осознании пролетариатцами необходимости союза пролетарских масс и трудящегося крестьянства. В нем говорилось: «В момент революции мы будем с вами... мы одни будем говорить: земля должна принадлежать тем, кто ее пашет, фабрики — тем, кто в них работает» [5, с. 219].

Третий период деятельности партии «Пролетариат», начинающийся после ареста Л. Варыньского, характерен возрастающим сотрудничеством польской партии и «Народной воли». В научной литературе детально реконструированы подготовка и ход переговоров между двумя партиями, проанализированы принятые в процессе заключения польско-русского революционного союза документы [4; 15; 13]. Таких документов три [12, с. 44—53]: «Общие основания программы и организационной деятельности Центрального комитета социально-революционной партии „Пролетариат“» (1 февраля 1884 г.); «Конфиденциальное соглашение Исполнительного комитета „Народной воли“ с Центральным комитетом партии „Пролетариат“ по поводу их взаимных отношений» (март 1884 г.) и «Ответ Исполнительного комитета „Народной воли“» (1 марта 1884 г.). Тяготение польского и русского революционных движений к союзу отражало естественную необходимость координировать усилия по достижению общей стратегической цели — свержения деспотизма.

Важнейшим итогом переговоров было предельно ясное заявление Парижского съезда народовольцев (конец января 1884 г.) о том, что «Народная воля» признает «самостоятельность и свободное развитие каждого народа» [12, с. 47], следовательно, и польского народа. Признавалось право польской партии действовать в пределах своего края самостоятельно. Со своей стороны ЦК «Пролетариата», считая, что польский рабочий класс сможет «вырвать власть из рук русского правительства только при помощи революционных сил остальных частей Российской империи», обязывался приступить к «государственному перевороту» лишь по сигналу ИК «Народной воли» [12, с. 46].

Документы «Пролетариата», разработанные в связи с заключением союза с «Народной волей», отразили воздействие народовольческой доктрины на деятелей польской партии, занявших доминирующее положение после ареста Л. Варыньского. Это объясняется тем, что новые лидеры (С. Куницкий, А. Дембский, в значительной мере Л. Янович и др.) формировались как революционеры в среде, тесно соприкасавшейся с народовольческими кружками. Имело значение и то, что острые проблемы общероссийского революционного движения непосредственно затрагивали и польских социалистов, в частности споры по программным и организационным вопросам в «Народной воле», дегаевщина, удручающе повлиявшая на революционные круги, наконец, фронтальный полицейский террор против любого проявления общественного движения. Отсюда снижение общидеологического уровня «Конфиденциального соглашения», а равно и других документов политической мысли пролетариатцев — прокламаций и публицистики двух последних номеров газеты «Пролетариат». А именно: 1) убежденность в невозможности создать достаточно

разветвленную, массовую социалистическую организацию как признанную и авторитетную представительницу польского рабочего класса; в качестве альтернативы выдвигалась идея узкой («кадровой»), тайной организации беспредельно преданных делу социалистов, которые приняли бы на себя всю тяжесть подготовки революции и дезорганизовали существующий государственный механизм; 2) логическим следствием указанной альтернативы была концепция заговора и захвата власти узкой группой революционеров; 3) в качестве тактического средства политической борьбы принимался террор во всех его модификациях. Доведенные полицейскими преследованиями до крайней степени ожесточения, пролетариатцы все более склонялись к применению крайних средств, в которых они видели единственный способ активизации угасавшей борьбы. Такова была социально-психологическая мотивация террора.

Четвертый период истории партии «Пролетариат» — это деятельность группы социалистов, которых возглавила юная Марья Богушевич (1865—1887). Осенью 1884 г. удалось частично восстановить разрушенную арестами организацию и образовать новый ЦК партии (М. Богушевич, М. Манцевич, Р. Фельсенгартен, В. Вильчинский и М. Войнич) [13, s. 517]. Постепенно стали действовать и рабочие кружки, но большого размаха уже не достигли. На крупных промышленных предприятиях рабочих-революционеров было очень мало. Были восстановлены организации в Лодзи, Томашове и Згеже. Группа М. Богушевич испытывала острый недостаток в интеллигентах-пропагандистах, особенно на периферии. Вследствие этого на передний план выдвигались функционеры из рабочих, слабо знакомые с идеями научного социализма. В рабочих кружках преобладали террористические настроения. Рабочие думали, что террором можно принудить фабрикантов к уступкам и смягчить эксплуатацию, что физическое устранение полицейских агентов является эффективным средством сопротивления правительственным репрессиям. Социалисты понимали ошибочность подобных настроений, старались препятствовать стихийным террористическим актам [16, s. 32].

Наиболее значительной акцией группы М. Богушевич была организация массовой демонстрации безработных на Замковой площади Варшавы 18 февраля 1885 г. и распространение прокламации в связи с этим [13, s. 563—573]. Политический характер акции, ее направленность против порожденной капитализмом социальной несправедливости, отягощенной феодальными пережитками и деспотизмом, не подлежат сомнению. Именно так оценивали демонстрацию современники. Это было совершенно новое явление общественной жизни Королевства Польского, да и Российской империи в целом.

Заключительный период истории партии «Пролетариат» связан с деятельностью группы В. Вислоцкого и Б. Велигурской. В ЦК партии в это время входили, кроме них, еще М. Ульрих, В. Букшнис и О. И. Разумейчик [4, с. 232—233]. Новые руководители организации уже не сдерживали террористические настроения [13, с. 734—735]. Пропагандистская работа в кружках в виду этого отодвинулась на дальний план. Последним шагом партии надо считать неудачное покушение рабочего В. Ковалевского на провокатора, внедрившегося в организацию (19 июня 1886 г.). Последовавшие за этим репрессии полностью разрушили «Пролетариат».

Царизм жестоко расправился с польскими революционерами. К шести дознаниям по делу партии (1883—1886) было привлечено более 380 человек, а с 11 ноября по 7 декабря 1885 г. в Варшаве проходил закрытый судебный процесс (печально знаменитый процесс 29-ти), главной фигурой которого стал, несомненно, Л. Варыньский. Он выступил защитником идейных принципов партии, в истинном свете показал стремления польских социалистов, отважно бросивших вызов обществу, против которого они вели неравную борьбу и которое хотели усовершенствовать на принципах свободы, равенства и братства. Многие из них поплатились за свои благородные идеи долгими годами лишения, ссылки, каторги, а пятеро — С. Куницкий, П. Оссовский, Я. Петрусинский, В. Кова-

левский и активно сотрудничавший с пролетариатами русский революционер Петр Васильевич Бардовский — жизнью.

Значение партии «Пролетариат» в истории польского освободительного движения исключительно велико. «Пролетариат» был первой политической партией на польских землях после восстания 1863 г., противопоставившей лоялизму и соглашательству польских имущих классов, а также зарождавшемуся буржуазному либерализму стремление к социально-политическому и национальному освобождению трудящихся. Пропагандируя идеи социальной справедливости, «Пролетариат» внес реальный вклад в дело самоопределения польского рабочего класса.

Партия «Пролетариат» сформулировала программу действий рабочего класса применительно к условиям Королевства Польского, соответствовавшую задачам тогдашнего этапа развития польского общественного движения, указала пути и средства ее осуществления; усовершенствовала формы политической деятельности революционной рабочей организации, приемы агитации и пропаганды; развила методы внутрипартийной работы и принципы организационной структуры движения. Важной заслугой партии «Пролетариат» было принятие на идеологическое вооружение принципа пролетарского интернационализма. В новых исторических условиях, — когда польский рабочий класс вышел на арену политической борьбы, — «Пролетариат» поставил и реализовал идею союза с освободительным движением сопредельных с Польшей народов, и в первую очередь — с российским освободительным движением.

ЛИТЕРАТУРА

1. Polska klasa robotnicza. Zarys dziejów. Tom I, cz. 2. Lata 1870—1918. Królestwo Polskie, Białostoczczyzna. Robotnicy polscy w Cesarstwie Rosyjskim. Warszawa, 1978.
2. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39.
3. Яжборовская И. С., Бухарин Н. И. У истоков польского социалистического движения. М., 1976.
4. Орехов А. М. Становление польского социалистического движения: структура, программные концепции, деятели (1874—1893). М., 1979.
5. Targalski J. Ludwik Waryński: Próba życia. Warszawa, 1976.
6. Жигунов Е. К., Рашковский Е. Б. Ранние программы польского социалистического движения: К истории становления мировоззрения партии «Пролетариат». — Советское славяноведение, 1965, № 6.
7. Polskie programy socjalistyczne 1878—1918. Warszawa, 1975.
8. Стецкевич С. М. Позиция К. Маркса и Ф. Энгельса в польском вопросе в начале 80-х годов XIX в. и польское социалистическое движение. — Вестник Ленинградского ун-та: История. 1968, № 14.
9. Centralne Archiwum KC PZPR, 305/1/, podt. 5.
10. Стефанович Я. Злоба дня: Действующим и готовым действовать сотоварищам моим мое дружее послание. [Женева], 1880.
11. Снытко Т. Г. Русское народничество и польское общественное движение 1865—1881 гг. М., 1969.
12. Archiwum Ruchu Robotniczego, V. Warszawa, 1977.
13. Baumgarten L. Dzieje Wielkiego Proletariatu. Warszawa, 1966.
14. Proletariat, 20 X 1883, № 3.
15. Очерки революционных связей народов России и Польши: 1815—1917 гг. М., 1976.
16. Bohuszewiczówna M. Pamiętniki. Wrocław, 1955.

ВОЛОКИТИНА Т.

ГЕОРГИЙ ДИМИТРОВ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ФРОНТА БОЛГАРИИ (1944 — 1948)

В теоретическом наследии Г. Димитрова исключительно важное место занимают проблемы национального фронта антифашистских демократических сил. Тесно увязывая свои теоретические воззрения с революционной практикой, Г. Димитров неоднократно подчеркивал, что коммунисты должны превратить революционную теорию в подлинное оружие практической революционной борьбы коммунистических партий [1, с. 20].

Практическим воплощением идеи сплочения всех патриотических сил нации и их мобилизации на борьбу против монархо-фашистской диктатуры, за политическое и социальное освобождение страны явилось создание в 1942 г. в Болгарии Отечественного фронта, у истоков которого стоял Г. Димитров. «В памяти каждого антифашиста и патриота Г. Димитров и Отечественный фронт неотделимы» [2, с. 18].

Выступая на II съезде Отечественного фронта в 1948 г., Г. Димитров отмечал, что его основы заложены в многолетней борьбе болгарской компартии за создание единого рабоче-крестьянского фронта, против опасности войны, за дружбу и сотрудничество с СССР и другими демократическими странами, против губительной внутренней и внешней политики монархо-фашизма, привязывавшей Болгарию к колеснице германского империализма. Его истоки — в борьбе за расширение единого рабоче-крестьянского фронта до народного антифашистского фронта в защиту свободы и национальной независимости страны. «Отечественный фронт, — говорил Г. Димитров, — является выстраданным нашим народом самостоятельным выводом из его собственного исторического опыта. Он возник в нашей стране как подлинный и единственный руководитель ее судеб» [3, с. 265, 266].

Велика заслуга Г. Димитрова в создании общенациональной платформы сплочения антифашистских сил. Таковой стала программа Отечественного фронта от 17 июля 1942 г. «Обращает на себя внимание, — писал советский исследователь Л. Б. Валев, — прежде всего название этого объединения. Основатель и вдохновитель Отечественного фронта уже этим названием хотел подчеркнуть, что речь идет о самом существовании Болгарии как свободной и независимой страны, о судьбе болгарской нации» [4, с. 281].

Вокруг разработанной под руководством и при личном активном участии Г. Димитрова программы болгарским коммунистам удалось объединить не только рабочий класс, трудовое крестьянство, прогрессивную интеллигенцию и патриотическую часть армии, но и мелкую буржуазию города и ту часть национальной буржуазии, которая была заинтересована в ликвидации господства германских монополий.

Программа от 17 июля провозглашала курс на борьбу против внутреннего и внешнего фашизма, переход Болгарии на сторону антигитле-

ровской коалиции и установление народной власти. «Партия, — подчеркивал Г. Димитров, — считала осуществление этой программы необходимым и решающим этапом дальнейшего развития нашей страны по пути глубоких политических, экономических и социальных преобразований» [3, с. 320].

9 сентября 1944 г. в результате победоносного народного восстания власть перешла к народу в лице правительства Отечественного фронта. В новых условиях руководящей силе Отечественного фронта — БРП(к) предстояло реально оценить обстановку, выделить первостепенные задачи, не упуская при этом перспективу развития революционного процесса, твердо и последовательно добиваться реализации намеченной программы. В связи с этим возникла настоятельная необходимость выяснения ряда вопросов, связанных непосредственно с функционированием и развитием Отечественного фронта в новых условиях. Хорошо понимая это, Г. Димитров уже в одной из первых своих после 9 сентября радиogramм в ЦК БРП(к), оценивая обстановку в стране и предстоящие неотложные задачи, особо подчеркнул значение Отечественного фронта как «единственного мощного общественно-политического фактора..., как боевого союза действительно национальных, народно-демократических, политических и общественных сил народа». «Без Отечественного фронта и его повстанческого движения, — писал Г. Димитров, — не была бы возможна победа 9 сентября. Но точно так же без укрепления Отечественного фронта невозможны ни успешное участие нашей страны в победоносном завершении войны, ни обеспечение прочного и справедливого мира для Болгарии. Невозможна и реализация демократической программы Отечественного фронта. А без твердого и последовательного осуществления этой программы в области внешней и внутренней политики, в экономической, общественной и культурной жизни страны нельзя даже думать всерьез о построении новой, демократической Болгарии» [3, с. 49].

Такое заявление столь авторитетного политического деятеля имело исключительно важное значение, особенно если учесть специфическую социальную-психологическую обстановку в стране, когда в условиях «колоссального революционного взрыва»¹ многие члены партии, в том числе и ее руководящего звена, считали, что следующим шагом явится немедленный переход к коренному переустройству общества и даже установление советской власти². В связи с этим существование Отечественного фронта представлялось им кратким, связанным лишь с военным временем.

Г. Димитров выразил по поводу подобных настроений сильную озабоченность. В радиogramме Тр. Костову из Москвы 24 сентября 1944 г. он еще раз подчеркнул, что Отечественный фронт нельзя рассматривать как «временную коалиционную комбинацию». Он является «продолжительным боевым союзом против общего врага, за создание демократической Болгарии». Димитров советовал «крепко внушить (эту мысль. — Т. В.) ...всей партии и ее деятелям» [7, с. 14].

Выводы Г. Димитрова о характере народно-демократической власти, роли Отечественного фронта в развитии революционного процесса во многом способствовали выработке руководством БРП(к) правильного политического курса, утверждению точки зрения, что для Болгарии путь к социализму лежит через последовательное решение задач «отечественно-фронтового» периода. С учетом этого, говорил на VIII пленуме Тр. Костов, его никак нельзя считать «потерянным временем» [8, с. 598].

Из тактических соображений в документах БРП(к) вплоть до конца 1947 г. вопрос о социалистической перспективе развития страны не ставился [9, с. 172], хотя постоянно подчеркивался глубокий характер осуществлявшихся после 9 сентября перемен. Вся пропагандистская

¹ Именно так оценил обстановку в стране после 9 сентября 1944 г. VIII пленум ЦК БРП(к), состоявшийся в феврале—марте 1945 г. [5, с. 3].

² «Мы открыто заявляем союзникам, что стремимся и идем к советской власти. Мы вступили в процесс борьбы за эту власть», — заявил в публичном выступлении один из коммунистов в г. Хасково в ноябре 1944 г. [6, ф. 1, оп. 1, а. е. 2, л. 5].

работа партии строилась на выявлении принципиальных отличительных особенностей народно-демократической власти. Характеризуя власть Отечественного фронта как демократию нового типа, установленную революционными методами действия, опирающуюся на широкие народные массы, вовлекающую их непосредственно в управление государством, облегчающую развитие по пути глубоких экономических и политических реформ [10, 1944 20 IX], коммунисты проводили размежевание между «отечественнофронтской» и буржуазно-демократической властью, указывали, что проводившиеся преобразования в стране гораздо существенней, нежели простая демократизация в рамках буржуазных представлений [11, с. 125].

Компартия решительно выступила против отождествления некоторыми кругами болгарского общества Отечественного фронта с Народным блоком³, подчеркивая, что Отечественный фронт представляет собой «новый тип демократии», «народную, прогрессивную демократию» [12, ф. 1, оп. 15, а. е. 2, л. 6].

Объединяя движущие силы прогрессивного развития страны, Отечественный фронт являлся массовым народным движением. И на эту его сторону неоднократно обращал внимание Г. Димитров, особенно после 9 сентября [13, т. 11, с. 293; т. 13, с. 467, 500]. Это движение имело организованный характер: в стране были созданы комитеты Отечественного фронта.

В ходе вооруженного восстания комитеты Отечественного фронта, в соответствии с директивой ЦК БРП от 26 августа 1944 г., становились органами новой власти. Этому во многом способствовал большой авторитет комитетов, то, что именно они активно участвовали в ликвидации внутреннего фашизма, в чистке государственного аппарата, содействовали формированию народной милиции, укреплению боевого духа армии, решали острейшую проблему снабжения населения всем необходимым и т. д. Сохранившаяся старая система общинной власти не могла обеспечить такого размаха деятельности на местах, да она и не имела такого влияния и авторитета в массах, как комитеты Отечественного фронта.

Однако по разному рода причинам, прежде всего внешнеполитического порядка [8, с. 599], прежний курс на превращение комитетов Отечественного фронта в органы государственной власти был пересмотрен. Уже в сентябре 1944 г. перед комитетами была поставлена задача стать «опорой новой, народной власти на местах», подчеркнута их функция контроля и содействия работе государственных и общественных органов [10, 1944 18 IX].

Практика тем не менее показала, что на местах еще длительное время наблюдалось смешение этих функций Отечественного фронта с прямыми административными функциями государственных органов. Это вызывало немалые осложнения в отношениях между партиями — участниками Отечественного фронта, поскольку состав комитетов, хотя и должен был комплектоваться по принципу паритета, за редким исключением, отличался преобладанием в них членов БРП(к)⁴. Партнеры коммунистов по Отечественному фронту опасались, что коммунисты используют свое преимущество в комитетах и «узурпируют» власть [14, ф. 28, оп. 1, а. е. 25, л. 56]. Отсюда острые дискуссии в Национальном комитете Отечественного фронта и на страницах печати о роли и функциях комитетов, конфликты между ними и отдельными министерствами, требования партнеров по кончить с «двоевластием», пресечь «управленческие замашки» комитетов и пр. [14, ф. 28, оп. 1, а. е. 78, л. 11].

³ Народный блок — союз нефашистских буржуазных и мелкобуржуазных партий, находившийся у власти в 1931—1934 г. Основной задачей блока являлась нормализация политического положения в стране путем реабилитации буржуазно-парламентского строя.

⁴ В целом по стране, как говорилось на 1-ом съезде комитетов Отечественного фронта в марте 1945 г., в 7292 комитетах сотрудничали 14 120 членов БРП(к), 8682 члена БЗНС, 854 члена БРСДП, 410 членов Народного союза «Звено», 2189 беспартийных и так называемых «независимых» политических деятелей.

Окончательно точка в длительной дискуссии об узаконивании в той или иной форме комитетов Отечественного фронта была поставлена осенью 1946 г. при обсуждении проекта новой конституции Болгарии. Г. Димитров отметил в своем выступлении, что комитеты Отечественного фронта являются органами общественного движения народа, что они «не могут быть непосредственно государственными органами». [Комитеты] «будут прочной опорой Народной республики и сейчас, и в далеком будущем, но не как конституционные органы» [15, т. 3, л. 28].

Являясь массовым движением, Отечественный фронт одновременно был блоком составлявших его политических партий. «И одно, и другое, — подчеркивал Г. Димитров, — необходимо. Это две стороны одной медали» [13, т. 12, с. 102]. В момент образования Отечественного фронта в него, помимо БРП, вошли члены БЗНС «Пладне», левого крыла БРСДП, политической группы «Звено»⁵, представители прогрессивной интеллигенции. Позднее, осенью 1945 г., в его ряды была принята часть Радикальной партии. Главной объединяющей силой в Отечественном фронте являлась БРП(к) — партия, выступившая инициатором создания фронта, активно участвовавшая в борьбе за свержение монархо-фашизма, принесшая в этой борьбе огромные жертвы.

Г. Димитров уделял немало внимания разъяснению руководящей роли Компартии в переходный период. 24 сентября 1944 г., обращаясь в ЦК партии, он подчеркивал: «...Ответственность нашей партии перед народом и страной, а также и перед Советским Союзом как правящей и ведущей партии в Отечественном фронте чрезвычайно большая... Мы должны говорить и действовать не как обыкновенные и безответственные провинциальные агитаторы, а как трезвые, реально смотрящие [на вещи] большевистские политические и государственные деятели. Последовательно проводя нашу линию, мы должны быть абсолютно лояльными с нашими партнерами в правительстве и в Национальном комитете Отечественного фронта, честно исполнять свои обязанности и тактично реагировать на враждебные проявления» [7, с. 13—14].

Считая руководящую роль Компартии одним из принципиальных условий нормального функционирования политической системы народной демократии и осуществления ее исторической миссии [16, с. 122], Г. Димитров определил конкретные предпосылки для этого. Среди них — повышение идейно-теоретического и морального уровня членов партии, борьба за чистоту партийных рядов, подготовка из числа коммунистов специалистов в различных областях экономической, культурной и общественной жизни и, как прямое следствие этого, совершенствование управления государством, руководства предприятиями, учреждениями, стимулирование культурного развития страны [13, т. 11, с. 384].

Со всей серьезностью эти вопросы были поставлены на VIII пленуме ЦК БРП(к). Г. Димитров находился тогда в Москве, однако принимал самое непосредственное участие в подготовке решений пленума. В частности, по его рекомендации в проект резолюции об организационном состоянии и задачах партии вошел пункт о партийном просвещении, о марксистско-ленинском воспитании коммунистов, повышении идейно-теоретического уровня кадров, о работе на идеологическом и культурном фронтах [17, с. 420].

Исключительно большое внимание Г. Димитров обращал на качественный состав БРП(к) [7, с. 23]. Он считал обязательным для каждого коммуниста постоянное пополнение знаний, умение давать принципиальную оценку собственным действиям, правильно реагировать на товарищескую критику, нетерпимо относиться к болтовне и революционной фразе, вести неустанную борьбу против чванства, зазнайства отдельных партийных руководителей [13, т. 11, с. 384—385].

Возможность выполнения Компартией своего исторического призвания Г. Димитров непосредственно связывал с умением ясно и доходчиво

⁵ В октябре 1944 г. группа «Звено» была преобразована в партию Народный союз «Звено».

разъяснять линию партии, перспективы общественного развития — «куда идем, за что боремся и чего как партия, как народ желаем достичь» [13, т. 12, с. 56].

С этим тесно был связан вопрос об установлении деловых контактов и единства действий с партнерами по Отечественному фронту. И к коммунистам Г. Димитров предъявлял в этом плане особые требования, подчеркивая, что БРП(к) именно как правящая и руководящая партия особенно заинтересована в укреплении единства Отечественного фронта. «... Настоятельно советуем вам, — радировал он в ЦК партии в декабре 1944 г., — быть и в дальнейшем твердыми в своих действиях, но умеренными, проявлять максимальную маневренность и гибкость в отношениях к союзникам и особенно к „звенарям“, избегать слишком громкого агрессивного тона, не подчеркивать внешне слишком сильно руководящую роль коммунистов в правительстве и в Отечественном фронте, не предпринимать шагов, которые не являются абсолютно необходимыми, но могли бы способствовать сколачиванию антикоммунистического блока. ...Мы еще далеко не так сильны, чтобы быть единственным решающим фактором в стране и диктовать нашу волю союзникам» [7, с. 33—34]. Эту же мысль Г. Димитров развил на IX пленуме ЦК партии в декабре 1945 г.: «Мы управляем вместе с другими партиями. Мы не можем без них, так же как и они не могут без нас... Мы должны научиться разумно сотрудничать с нашими союзниками, ... воспринимать их такими, какие они есть, а не какими мы желаем их видеть» [13, т. 11, с. 382].

Естественно, что сотрудничество в Отечественном фронте предполагало «ясность, определенность, откровенность, честность и верность, когда речь идет об обеспечении национального существования и благоденствия... народа, будущего... страны», и со стороны союзников [13, т. 11, с. 212]. «За» или «против» единства Отечественного фронта, «за» или «против» БРП(к) и ее руководящей роли — в зависимости от ответа именно на эти вопросы Компартия проводила размежевание между своими союзниками и противниками [13, т. 11, с. 383].

Внутри Отечественного фронта отношения между партиями складывались не просто. Далеко не сразу удалось преодолеть стремление руководства крестьянской партии БЗНС играть первую роль в управлении страной. После выборов в Народное собрание осенью 1945 г., в результате которых в стране углубилась дифференциация классовых сил [18, с. 239], подобные настроения в БЗНС вновь оживились, хотя и в несколько видоизмененной форме: «земледельцы» постоянно стремились подчеркнуть исключительное значение своей партии и БРП(к) и отметить «второстепенную роль» «Звена» и БРСДП. Это сильно раздражало последних.

В «Звене» шло укрепление позиций правых сил, открыто выступавших против политики БРП(к), особенно в экономической области. При реализации правительственной программы эти партии нередко демонстрировали незаинтересованность в решении отдельных задач, уклонялись от позитивной деятельности, рассчитывая на то, что допущенные коммунистами ошибки снизят их авторитет в массах. Критика в адрес БРП(к) нередко носила характер откровенных выпадов и была далеко не конструктивной [12, ф. 1, оп. 17, а. е. 21, л. 10; ф. 205, оп. 3, а. е. 183, л. 11; а. е. 275, л. 7; а. е. 288, л. 25; 14, ф. 68, оп. 1, а. е. 2, л. 16].

Естественно, что в подобной обстановке БРП(к) предъявила к партнерам серьезные претензии, потребовала сообща решать сложные вопросы, делить вместе ответственность за судьбу родины. Парируя традиционные «аграристские» выводы БЗНС о наличии якобы непреодолимых противоречий между городом и деревней, между интересами крестьянства и рабочего класса, БРП(к) заняла твердую позицию и в вопросе о недопустимости установления своеобразных «сфер влияния» для каждой из партий Отечественного фронта. Коммунисты решительно отвергли утверждение «земледельческой» прессы, что Рабочая партия будет действовать исключительно в городах, а БЗНС — в деревне.

Г. Димитров обратил внимание руководства БРП(к) на опасность по-

добных установок, имея в виду возможность ослабления рабоче-крестьянского союза, главной опоры и стержня Отечественного фронта. Г. Димитров говорил, что Компартия должна иметь «собственную опору и свои организации в деревне», что монопольное положение БЗНС в крестьянской массе коммунисты никогда не признают [7, с. 15].

Учитывая дифференциацию внутри непролетарских партий Отечественного фронта, болгарские коммунисты проводили последовательную политику поддержки левых сил, всячески содействуя их идейной переориентации в направлении к социализму. В значительной мере эти процессы развивались при личном участии Г. Димитрова, который в ноябре 1945 г., после 22-летнего пребывания в эмиграции, вернулся на родину. Находясь на посту руководителя партии, а после выборов в Великое Народное собрание в октябре 1946 г. — и правительства, он развернул кипучую деятельность, добиваясь претворения в жизнь программы Отечественного фронта, осуществления всего того, что было обещано народу.

1947 год принес большие перемены. Под влиянием усилившегося агрессивного курса международного империализма во главе с США в странах народной демократии начались активизация и сплочение сил реакции. Это вызвало усиление ответных решительных действий революционных сил.

После совещания руководителей девяти коммунистических и рабочих партий в Польше в октябре 1947 г. XIII пленум ЦК БРП(к) поставил на повестку дня вопрос о строительстве социализма в Болгарии. Новая обстановка, выдвижение задач социалистического характера определили необходимость перестройки деятельности комитетов Отечественного фронта и самой его структуры. 22 октября 1947 г. состоялось расширенное заседание Национального комитета Отечественного фронта. Рассматривался вопрос о перспективах развития Отечественного фронта. Была подчеркнута необходимость отказа от принципа паритета при формировании комитетов Отечественного фронта и введения практики избрания их членов. Политическим партиям предстояло развертывать свою деятельность в рамках программы Отечественного фронта и от его имени.

На заседании была обсуждена и принята декларация о международном и внутреннем положении страны и задачах комитетов Отечественного фронта, в которой поддерживались выводы, сделанные на XIII пленуме Компартии, об ускорении революционного процесса в стране. Было подчеркнуто, что в мире сформировались два лагеря — империалистический и антиимпериалистический, демократический — и что «место Болгарии — в лагере демократии». При нынешней международной обстановке, говорилось в декларации, от болгарского народа требуется максимальное единство и сплочение всех демократических, антиимпериалистических сил. Исходя из этого, формулировалась задача «дальнейшего укрепления Отечественного фронта через преобразование его в единую общественно-политическую организацию антиимпериалистических сил с выборным руководством и с общей обновленной программой» [19, 1947, 26 X]. Программу фронта предстояло изменить и дополнить с учетом новых задач в области государственного, экономического, социального и культурного строительства Болгарии и перспектив ее дальнейшего социалистического развития.

Необходимость преобразования Отечественного фронта объяснялась потребностью максимальной концентрации сил для выполнения больших и сложных общенациональных задач. Введение принципа избираемого руководства Отечественного фронта, отказ от паритета вели к устранению элементов коалиционности, которые были присущи фронту с момента его создания.

«...Предстоящее превращение Отечественного фронта в единую общественно-политическую организацию, — говорил Г. Димитров, — максимально укрепит единство народа, которое является гарантией всех наших будущих успехов. Колесо исторического развития беспощадно раздавит всех врагов, которые дерзнут попытаться разрушить это единство, а тех, кто упорно сидят на двух стульях, отбросит в сторону как ненужную старую вещь» [17, с. 243].

В связи с преобразованием Отечественного фронта возник вопрос о судьбе входивших в него партий. В некоторых кругах болгарского общества ходили упорные слухи, что партии будут распущены. Г. Димитров назвал подобные взгляды «вредным заблуждением». «Наличие отдельных партий Отечественного фронта и при единой общественно-политической организации оправдано, — говорил он на II съезде Отечественного фронта в феврале 1948 г. — Их задача — энергично способствовать приобщению к Отечественному фронту тех слоев общества, в которых они имеют влияние и связи, и тем самым содействовать дальнейшему укреплению Отечественного фронта, скорейшему достижению полного морально-политического единства нашего народа... То новое, что принесет это преобразование Отечественного фронта его партиям, состоит в их обязательстве развивать свою деятельность в рамках программы Отечественного фронта и подчиняться предусмотренной в его уставе обязательной дисциплине» [13, т. 13, с. 503].

Преобразование Отечественного фронта в единую общественно-политическую организацию Отечественного фронта осуществилось на его II съезде, где были приняты новая программа и устав, закрепивший основной отныне принцип в деятельности Отечественного фронта, — демократический централизм. Новая программа главной в деятельности Отечественного фронта выдвинула задачу воспитания и перевоспитания болгарского народа в духе идей социализма. Председателем Национального совета единой организации был избран Г. Димитров.

Сотрудничество в рамках единой организации способствовало политическому сближению партий Отечественного фронта. В соответствии с решением Исполкома Национального совета от 26 мая 1948 г. на комитеты Отечественного фронта и его организации возлагались разъяснение вопросов внешней и внутренней политики и проведение мероприятий общенационального или местного масштабов. Отдельные партии были призваны мобилизовывать своих членов на активную работу в организациях Отечественного фронта. Из его членов партии черпали свои резервы [20, с. 305].

Все это привело к серьезным изменениям в некомунистических партиях Отечественного фронта. Осенью 1948 г. на идейной основе марксизма-ленинизма произошло объединение БРП(к) и БРСДП. В октябре 1948 г., отказавшись от сословного принципа в идеологии и политике, воспринял программу строительства социализма БЗНС. В начале 1949 г. приняли решение о самороспуске и полном переходе своих кадров в единую общественно-политическую организацию Отечественного фронта Народный союз «Звено» и Радикальная партия. В связи с этим один из лидеров «Звена» К. Георгиев писал: «Отечественный фронт сыграл роль настоящей идейно-политической школы, которая под руководством коммунистической партии дала возможность подавляющему большинству нашего народа и интеллигенции проникнуться убеждением, что только по пути социализма нам удастся преобразить нашу страну» [12, 1949 2 II].

Развитие и функционирование Отечественного фронта в Болгарии подтвердило жизнеспособность идей Г. Димитрова о необходимости объединения трудящихся для борьбы против реакции, за прогрессивное развитие страны.

И ныне в политической системе Болгарии Отечественный фронт является наиболее массовой всенародной общественно-политической организацией. Его роль в общественной жизни неуклонно возрастает, что объясняется целым рядом объективных факторов. Прежде всего — это растущее единство и сплоченность общества как результат развития и совершенствования социалистических общественных отношений, повышения благосостояния и социалистического сознания масс, расширения социальной базы народной власти. Другим фактором является необходимость развития всех основных элементов социалистической демократии в условиях строительства развитого социализма в Болгарии.

В Программе БКП, поставившей перед болгарскими коммунистами и всем народом историческую задачу построения развитого социалисти-

ческого общества, Отечественному фронту отведено важное место и роль. Он будет развиваться, говорится в Программе, как самая широкая общественно-политическая организация и всенародное движение, будет все более ярким воплощением единства народа, самой массовой общественной опорой партии и народной власти, школой коммунистического, патриотического и интернационалистского воспитания народа, участия трудящихся в управлении обществом [22, с. 109, 111].

Отечественный фронт, как об этом мечтал Г. Димитров, олицетворяет сегодня общие цели и стремления народа, идейное и морально-политическое единство болгарского народа, строящего развитое социалистическое общество.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Федосеев П. Н.* Георгий Димитров — революционер-ленинец. — В кн.: Георгий Димитров — выдающийся революционер-ленинец. М., 1974.
2. *Шарланов Д. Г.* Димитров за социалната природа на Отечественния фронт. — Исторически преглед, 1972, № 2.
3. *Димитров Георги.* Отечественният фронт. София, 1971.
4. *Валев Л. Б.* Георгий Димитров и создание Отечественного фронта в Болгарии. — В кн.: Георгий Димитров — выдающийся революционер-ленинец. М., 1974.
5. *Димитров И.* БКП за характера на народнодемократичната власт (1944—1948). Кратък исторически обзор. — История и география, 1965, № 2.
6. Окръжен партиен архив — Стара Загора.
7. Непубликувани радиограни на Георги Димитров до ЦК на БРП(к) (август — декември 1944). — Известия на Института по история на БКП. София, 1972, т. 27.
8. *Костов Тр.* Избрани статии, доклади, речи. София, 1964.
9. *Чичовска В.* Примерът на съветската страна и възгледите за перспективите на социализма в България (1944—1947). — Летопис на дружбата. Т. 5. София, 1975.
10. Работническо дело.
11. Съвременник, 1946, № 3.
12. Централен партиен архив при ЦК на БКП.
13. *Димитров Г.* Съчинения. София, 1951—1955.
14. Централен държавен архив на НРБ.
15. Народна Република България. Президиум на Народното събрание. Материали по Конституцията на НРБ от 1947 г.
16. *Боев В.* Георги Димитров за принципите на управление на социалистическото общество. — В кн.: Георги Димитров. 1882—1972. Юбилеен сборник. София, 1972.
17. *Димитров Георги.* Писма. 1905—1949. София, 1962.
18. *Исусов М.* Политическите партии в България. 1944—1948. София, 1978.
19. Отечествен фронт.
20. *Бонев В.* За единния, народния и Отечественния фронт. София, 1971.
21. Изгрев.
22. *Байчински К.* Георгий Димитров о роли Отечественного фронта в укреплении и развитии народной демократии. — В кн.: Георгий Димитров — выдающийся революционер-ленинец. М., 1974.

ГЕТМАНОВА Н. Г., КУЗЬМИН М. С.

СОВЕТСКО-ЧЕХОСЛОВАЦКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ И НАУЧНЫЕ СВЯЗИ В 1934—1938 ГОДАХ

Советскими историками подготовлен ряд трудов, освещающих культурные связи СССР с Чехословакией [1—5]. Однако эти исследования доведены лишь до начала 30-х годов. Большое внимание этой проблеме уделяют историки и искусствоведы ЧССР. Тем не менее до сих пор не получили достаточного освещения культурные и научные связи между обеими странами в 30-е годы.

С первых же дней после Октябрьской революции Советское правительство уделяло большое внимание вопросу восстановления связей со славянскими государствами. В свою очередь рабочий класс и прогрессивная интеллигенция Чехословакии, преодолевая сопротивление своего буржуазного правительства, сразу после образования ЧСР повели борьбу за нормализацию политических отношений, развитие экономических и культурных связей с Советской Россией. В этой борьбе важную роль сыграла деятельность Общества экономического и культурного сближения с новой Россией (в 1931 г. переименованного в Общество экономического и культурного сближения с СССР, а с 1936 г. — в Общество экономических и культурных связей с СССР), объединившего в своих рядах прогрессивную общественность ЧСР. В работе Общества с момента его основания (1925) активное участие принимали такие известные деятели литературы, искусства, науки ЧСР как Зд. Неядлы, И. Ольбрахт, С. Нейман, И. Секанина, В. Прохазка и др. [2].

В результате широкого народного движения за установление дипломатических отношений с СССР внутри страны и осложнившейся международной обстановки после прихода фашизма в Германии к власти правительство Чехословакии в июне 1934 г. признало СССР де-юре.

В связи с этим знаменательным событием, имевшим важное значение для народов обеих стран, Общество экономического и культурного сближения с СССР опубликовало в журнале «Земе Совету» обращение к чехословацкой общественности. В нем подчеркивалось, что народы Чехословакии приветствуют развитие дружеских отношений с СССР, отмечалось международное значение установления дипломатических отношений между ЧСР и СССР для упрочения всеобщего мира. Обращение призывало к поддержке деятельности Общества [1, т. 3, с. 10—11].

Сразу же после установления дипломатических отношений с СССР Общество экономического и культурного сближения с СССР выступило с широкой программой развития дружественных отношений между народами Чехословакии и СССР, которая, в частности, предусматривала углубление всесторонних культурных контактов.

В сентябре 1934 г. Общество и Чехословацко-Русский торговый институт обратились с меморандумом к министру иностранных дел Чехословакии Э. Бенешу. В нем были намечены мероприятия, долженство-

важные способствовать развитию экономических и культурных отношений между ЧСР и СССР, расширению информации об СССР. Руководство Общества считало, что оно призвано развивать «отношения с СССР на широкой внепартийной основе». Меморандум рекомендовал Э. Бенешу создать Институт советской культуры в Праге, а также предпринять шаги для постепенного введения обучения русскому языку в средних и специальных школах, пересмотреть школьные учебники по истории СССР и создать в вузах кафедры по изучению советской Конституции, права, экономики [1, т. 3, с. 57—62].

Значительным событием в культурных связях СССР и ЧСР в 1934 г. явилось участие писателей и поэтов Чехословакии в работе I съезда советских писателей. Присутствовавшие на этом съезде и активно выступавшие в прениях прогрессивные чешские литераторы П. Илемницкий, А. Гофмейстер, Ф. Вайскопф, вернувшись домой, проделали большую работу по ознакомлению общественности с литературой Советской страны, на собраниях делились своими впечатлениями о пребывании в Москве.

В конце 1934 г. в Праге вышел специальный номер журнала «Доба», посвященный I съезду советских писателей. В журнале были опубликованы статьи чехословацких делегатов съезда, отметивших, что он явился показателем крупной и прогрессивной роли, которую начинает играть советская литература в международном масштабе [1, т. 3, с. 161; 8, 10 IX; 6, s. 94—95].

Чехословацкая общественность проявила живой интерес к советской музыкальной культуре. Большой популярностью пользовались произведения Д. Шостаковича, С. Прокофьева, И. Дзержинского, Н. Мясковского, С. Василенко. По просьбе Государственного театра в Брно ВОКС послал ему партитуру и другие материалы для постановки балета «Красный мак» Р. Глиэра. Спектакль имел огромный успех, театр получил предложение дать его в Вене и на международном конгрессе в Зальцбурге. Кроме «Красного мака» театр в Брно включил в свой репертуар оперы «Тихий Дон» И. Дзержинского и «Екатерина Измайлова» Д. Шостаковича. В Братиславе была поставлена опера Д. Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда» [9, д. 278, л. 17; 7, s. 305]. Чехословацкая студенческая филармония в декабре 1934 г. приняла решение поставить в Театре на Виноградах в Праге «Русалку» А. Даргомыжского и обратилась в ГАБТ с просьбой командировать тенора и баса для участия в этом спектакле [10, л. 1—2].

Еще до установления дипломатических отношений с СССР общественность Чехословакии проявляла большой интерес к русской и советской драматургии и советскому театру. Театральная общественность Чехословакии внимательно следила за новаторской режиссурой В. Мейерхольда, А. Таирова, Е. Вахтангова [8, 26 V; 6, s. 99, 105]. В 1935 г. репертуар чехословацких театров пополнился рядом пьес советских драматургов и театральными постановками по произведениям советских писателей. В конце мая в Праге состоялись премьеры «Поднятой целины» М. Шолохова, инсценированной и поставленной Яном Бором в театре Вейнбергера, и «Дороги цветов» В. Катаева.

Рабочий клуб в Горни Жлебе близ Варнсдорфа поставил пьесу В. Билль-Белоцерковского «Жизнь зовет». Кроме того городской театр в Оломоуце ставил три советские пьесы — «Оптимистическую трагедию» Вс. Вишневского, «Ингу» Глебова и «Воскресение» Л. Н. Толстого. Между Вс. Вишневским и режиссером О. Стибором, ставившим «Оптимистическую трагедию», установился рабочий контакт. Автор консультировал постановку, предоставляя чешским театральным работникам необходимые материалы: снимки, рисунки, характеристики персонажей. Чехословацкая пресса давала ей весьма высокую оценку. В частности, в одной из рецензий говорилось, «что данная премьера является одной из лучших постановок, какие когда-либо видела чехословацкая сцена, и можно гордиться тем, что театр в Оломоуце сделал этот спектакль премьерой в Европе» [16, 23 IV]. В Брно с большим успехом прошли пьесы «Страх» А. Афиногенова, «Враги» Б. Лавренева, «Аристократы» Н. Погодина [11, 29 IX].

Несколько оживились и научные связи. Чешские ученые стали чаще принимать участие в работе съездов и конференций советских ученых, равно как и международных конгрессов, происходивших в Советском Союзе. В это время 112 институтов, 3 академии, 17 научных обществ, 28 редакций научных журналов имели регулярные связи с советскими научными учреждениями [1, т. 3, с. 50—51; 8, 14 IX: 6, с. 92].

После установления дипломатических отношений с Чехословакией значительно расширились связи ВОКС с различными научными и культурными учреждениями и организациями ЧСР. ВОКС в 1935 г. имел деловые контакты с Институтом народного просвещения им. Масарика, Школой высших педагогических студий в Праге, Обществом моравских педагогов в Брно, Обществом чехословацких математиков и физиков, Чехословацкой сельскохозяйственной академией, Обществом художников «Манес», рядом театров, музеев, периодических изданий и т. д. [9, д. 278, л. 21]. Славянская библиотека министерства иностранных дел ЧСР насчитывала около 100 тыс. томов советских книг, имела почти всю советскую периодику, вышедшую после 1917 г. С сентября 1934 г. по апрель 1935 г. ВОКС отправил в Чехословакию 1321 посылку, среди них — 920 книжных, 252 — с фотоматериалами и др. [11, 15 VIII; 6, с. 92].

После реорганизации Общества в 1934 г. его по-прежнему возглавлял проф. Зд. Неуды. В состав почетного президиума вошли видные политические деятели ЧСР: министр иностранных дел Бенеш, бургомистр Праги Бакса, министр просвещения Крчмарж, ректор университета Драховский. Деятельность Общества значительно оживилась, стала более разносторонней, охватывала широкие круги общественности.

В 1935 г. журнал Общества «Земе Совету» стал выходить более регулярно. Общество приняло активное участие в издании серии монографий, посвященных советскому плановому хозяйству и технике. Им был издан также доклад проф. А. И. Абрикосова о народном здравоохранении в нашей стране. Подобная работа проводилась и филиалами Общества, существовавшими в Брно, Братиславе, Кладно, Оломоуце.

В 1935 г. Общество экономического и культурного сближения с СССР расширило программу своей деятельности, приступив к созданию библиотеки и читальных залов, планируя поездки в СССР журналистов и юристов, организацию лекций об СССР советскими и чехословацкими деятелями науки и культуры [1, т. 3, с. 66].

В 1935 г. группы чехословацких журналистов, учителей, ученых, деятелей кино и театра — всего 10 групп — выезжали в СССР для знакомства со страной [9, д. 278, л. 16—17; 12, с. 9]. Делегация чехословацких журналистов посетила Москву, Ленинград, Харьков, Киев и другие города, осмотрела Днепровскую ГЭС, Краматорский машиностроительный завод. Особое впечатление произвели достижения СССР в области культуры [1, т. 3, с. 69; 11, 8 I, 18 II]. Вернувшись на родину, делегация чехословацких журналистов 30 января выступила на собрании Общества. Зал был переполнен. На собрании присутствовал полпред СССР С. Александровский и многочисленные политические и культурные деятели ЧСР. Член делегации писатель Ф. Кубка, касаясь культурной работы в СССР, отметил роль ВКП(б) в этом деле. «Образование, — заявил Ф. Кубка, — является сейчас в СССР самым ценным явлением. В мощном культурном подъеме принимают участие самые широкие массы населения. Перед нашим сотрудничеством с СССР открываются возможности, о которых раньше и не думали» [1, т. 3, с. 69; 11, 1 II]. Руководители делегации отмечали, что «международная политика СССР является действительным залогом мира, а значит и культурного сближения между народами всего земного шара» [12, с. 5].

Весьма важной вехой в развитии культурных связей Советского Союза с Чехословакией явились переговоры министра иностранных дел ЧСР Э. Бенеша с И. В. Сталиным, В. М. Молотовым и М. М. Литвиновым во время его визита в Москву в июне 1935 г. и подписание советско-чехословацкого договора о взаимопомощи. В частности, в сообщении о переговорах указывалось на «желательность систематического сближения обоих

народов в области науки, литературы и искусства. Было решено поручить соответствующим существующим или имеющим быть созданным организациям в обеих странах приступить к выработке надлежащих конкретных мер для осуществления цели, которую оба правительства ставят себе на пути укрепления интеллектуальных связей народов СССР и Чехословацкой Республики» [13, т. 18, с. 388].

После заключения договора в Чехословакии заметно усилилось внимание общественности к изучению русского языка и народного хозяйства Советского Союза. Русский язык стал изучаться в Пражском университете и торговых школах ЧСР. Кстати, Пражский университет был единственным в Европе, в котором читался специальный курс советской литературы [11, 15 VIII].

В мае 1935 г. издательство «Сфинкс» заключило договор с литературным агентством СССР об издании новых произведений советских писателей в переводе на чешский язык. Издательство планировало выпускать в течение года по 8—10 советских книг. К августу 1935 г. им были выпущены в свет произведения М. Шолохова и Л. Леонова. Издательство «Одеон» публиковало произведения В. Катаева, Д. Фурманова. Издательство «Мелантрих» выпустило серию «русской библиотеки», в которую вошли произведения М. Горького, Л. Леонова, Андрея Белого. Были созданы специальные издательства для выпуска популярных брошюр по экономике, культуре и политике СССР [11, 16 V; 15 VIII; 26 VI].

Широкие научные круги Чехословакии проявляли живейший интерес к достижениям научной мысли в СССР. В эти годы были сделаны дальнейшие шаги по налаживанию контактов между учеными обеих стран. В мае 1935 г. известный советский ученый селекционер И. В. Мичурин был избран членом Чехословацкой сельскохозяйственной академии. Членами-корреспондентами этой же академии были избраны ленинградский ученый К. А. Флаксбергер и саратовский ученый Н. А. Максимов [1, т. 3, с. 157; 11, 20 V, 15 VIII]. В СССР приезжали чехословацкие специалисты для изучения опыта в постановке некоторых научных исследований. Так, лингвист из университета в Брно проф. Б. Гавранек ознакомился с работой научно-исследовательских институтов в Москве, Ленинграде, Киеве, доцент Коринек — с постановкой научной статистики, профессор Чех — математики. В сентябре 1935 г. для изучения работы в советских заповедниках на Кавказе и в Аскания-Нова приезжал заведующий охраной заповедников природы Р. Максимович [12, с. 8].

Следует подчеркнуть большой интерес в ЧСР к развитию сельскохозяйственной науки в Советском Союзе. Об этом свидетельствует письмо Чехословацкой сельскохозяйственной академии Международному аграрному институту с просьбой об углублении сотрудничества с советскими научно-исследовательскими учреждениями. В частности, в нем высказывалась настоятельная просьба о приезде проф. Н. И. Вавилова для чтения лекций о современных проблемах сельского хозяйства в СССР [1, т. 3, с. 235—236].

Большой интерес чехословацкие специалисты проявляли к достижениям советской медицины и здравоохранения. В 1936 г. Центральное объединение чехословацких врачей обратилось в Полпредство СССР с просьбой о содействии в установлении связей и сотрудничества с рядом научных медицинских учреждений [1, т. 3, с. 253, 323].

Большой резонанс среди чехословацких ученых вызвали выступления участников XVII Международного конгресса геологов в Москве, происшедшего в июле 1937 г. На конгрессе присутствовали проф. Карлова университета в Праге Ф. Ульрих, проф. Брненского университета К. Заплетал, а также избранный в состав президиума конгресса известный чехословацкий ученый Л. Чапек. Чехословацкие ученые ознакомились с работой научных учреждений Москвы и Ленинграда и совершили трехнедельную экскурсию на Урал. По словам Ф. Ульриха оборудование ленинградского Радиологического института «выдерживает сравнение с лабораториями в Лондоне и Кембридже». Были установлены непосредственные контакты с видными советскими учеными — академиками В. И. Вернад-

ским, А. Е. Ферсманом, Ф. Ю. Левинсон-Лессингом, И. М. Губкиным, В. Л. Комаровым и др., заключены договоры об обмене литературой, стажировке чехословацких ученых в СССР и по другим вопросам [1, т. 3, с. 253, 254, 350, 351].

По приглашению советских организаций в СССР приезжали чехословацкие ученые и специалисты для чтения лекций. Так, в 1936 г. по приглашению Наркомпроса крупный специалист хеттского языка проф. Пражского университета Б. Грозный прочитал 11 лекций в Ленинграде и Ереванском университете [14, л. 98; 6, с. 119].

Грандиозное строительство, развернувшееся в СССР в годы второй пятилетки, весьма интересовало чехословацких специалистов. Для детального знакомства с ним 19 апреля 1935 г., в нашу страну приехала группа инженеров-строителей Общества чехословацких инженеров и архитекторов (СИА), состоящая из 14 человек. Они посетили Киев, Одессу, Алту, Харьков, побывали на Днепрогэсе. Особенно внимательно они изучали экономику социалистического государства и новостройки. Огромное впечатление на делегацию произвел Московский метрополитен [1, т. 3, с. 110]. Знакомство чехословацких инженеров со стройками второй пятилетки продолжалось и позднее.

В 1936 г. группа специалистов Уралмашзавода во главе с его директором П. С. Владимировым побывала в Чехословакии с целью изучения передовых методов металлургического производства. На основе своих наблюдений П. С. Владимиров в отчете наркому тяжелой промышленности С. Орджоникидзе сделал ряд предложений по использованию зарубежного научно-технического опыта [15].

Событием, имевшим серьезное значение в развитии культурного обмена между Советским Союзом и Чехословакией, явился двухнедельный ответный визит в ЧСР в октябре 1935 г. делегации советских журналистов и писателей, возглавляемой М. Кольцовым. Кроме работников печати в делегацию вошли известные писатели: А. Н. Толстой, С. Третьяков, А. Фадеев, Я. Купала, А. Караваева и др. [1, т. 3, с. 187]. Представитель Союза чехословацких журналистов В. Швиговский в беседе с корреспондентом ТАСС заявил, что приезду советской делегации придается в Чехословакии огромное значение, так как он является дальнейшим шагом на пути культурного и политического сближения двух дружественных стран. В честь делегации были устроены приемы у министра иностранных дел ЧСР Э. Бенеша, бургомистра Праги Баксы и др. На этих встречах как гости, так и хозяева в своих выступлениях подчеркивали огромное значение договора о взаимопомощи для сохранения мира в Европе и развития дружественных отношений между обеими странами, для развития культурных связей [11, 6 X, 8 X; 17, 9 X]. Делегация советских журналистов побывала не только в Праге, но и в Карловых Варах, посетила завод Шкода и другие предприятия. По просьбе общественных организаций Праги и Брно С. Третьяков после отъезда делегации остался на несколько дней для чтения докладов о советской литературе. Его доклады в Брно и Братиславе на тему «Советский писатель в строительстве СССР» прошли с большим успехом, он получил приглашение выступить в Карловых Варах, Оломоуце и других городах.

А. Н. Толстой во время пребывания делегации в Чехословакии завязал ряд творческих контактов. В частности, он договорился с писателем Ф. Кубкой о совместном переводе комической оперы Сметаны «Проданная невеста» для постановки ее на советской сцене [11, 22 X, 2 XI; 17, 20 X, 22 X].

Почти сразу же после отъезда делегации советских журналистов в Чехословакии открылась Неделя советской культуры, проходившая под патронатом Э. Бенеша и советского полпреда С. Александровского. В Неделе советской культуры принимали участие виднейшие организации и деятели науки и культуры ЧСР. В Праге, Оломоуце, Брно и других городах Чехословакии во время Недели, приуроченной к XVIII годовщине Октябрьской революции, происходила демонстрация советских кинофильмов, концерты советской музыки. В Праге была осуществлена поста-

новая опера «Братья Карамазовы», а также пьес В. Катаева, В. Каверина и Н. Погодина. Широкая программа Недели советской культуры была осуществлена в Словакии [1, т. 3, с. 194—195; 18, 30 X].

Конец 1935 г. и почти весь 1936 г. прошел под знаком интенсивного научного и культурного обмена между Чехословакией и Советским Союзом. В ноябре 1935 г. ЧСР посетила делегация советских поэтов, в состав которой входили А. Безыменский, И. Сельвинский, В. Луговской, С. Кирсанов. На I съезде словацких писателей в июне 1936 г. присутствовал И. Эренбург. По договоренности с литературным агентством СССР Национальный театр в Праге в 1936 г. принял к постановке пьесу М. Горького «Васса Железнова». В апреле того же года в Пражском драматическом театре чехословацкие зрители впервые познакомились с пьесой украинского советского драматурга А. Корнейчука «Платон Кречет». А. Корнейчук, присутствовавший на премьере, очень высоко оценил работу режиссера Войты Новака, а также артистов, представивших удачную трактовку идеи и образов пьесы [1, т. 3, с. 250—251; 19, 6 IV]. «Платон Кречет» был встречен публикой восторженно.

Большую популярность в эти годы в Советском Союзе получила музыка чехословацких композиторов, а в ЧСР — советских. В Обществе нередко устраивались концерты советской музыки. В свою очередь Московская филармония и другие музыкальные коллективы организовывали концерты, на которых исполнялись произведения классиков чешской и словацкой музыки — Дворжака, Сметаны и др., а также современных композиторов ЧСР. Энтузиастом и пропагандистом советско-чехословацкого музыкального обмена выступал проф. Зд. Неedly [17, 22 X]. С большим успехом в Праге и в тринадцати городах ЧСР выступала хоровая капелла Всесоюзного радиокомитета под управлением А. В. Свешникова. Вместо намеченных восьми концертов капелла дала пятнадцать. Характеризуя ее выступления, «Прагер прессе» писала: «Выступление советских певцов было для Праги несравненным художественным сюрпризом. Каждый певец советского хора является выдающимся артистом...» [21, 31 V; 16, 5 VII; 20, s. 109—110].

В апреле 1936 г. в Братиславе Обществом экономических и культурных связей с СССР и городским самоуправлением Братиславы была организована выставка советской книги. На ней было представлено 2500 книг, изданных в последние годы, а также периодическая печать, портреты писателей. Эта выставка была затем развернута в Кошицах и других городах. Отмечая интерес к советской художественной литературе в Словакии, писатель Я. Поничан указывал, что на словацкий язык были переведены и изданы произведения А. Неверова, И. Эренбурга, А. Блока, лирика С. Есенина, отрывки из произведений А. С. Пушкина, В. Маяковского, Д. Бедного, Б. Пастернака. Всего в ЧСР к 1937 г. были переведены и изданы произведения более 60 советских авторов. Наиболее популярными из них были М. Горький, М. Шолохов, А. Толстой, Н. Островский, В. Катаев [1, т. 3, с. 259—260, 344, 358].

Одновременно с выставкой в Братиславе состоялся просмотр советского фильма «Мы из Кронштадта» в присутствии авторов — Вс. Вишневского и Е. Дзигана. На следующий день после просмотра фильма его авторы выступили в женском клубе с докладом о советском театре и кино [19, 21 IV].

С большим вниманием продолжала следить педагогическая чехословацкая общественность за успехами народного просвещения СССР. Особенно много места на своих страницах этому вопросу уделял орган чехословацкого объединения педагогов, левый журнал «Учительски новины», который освещал громадные достижения народного просвещения в СССР, связь школы с жизнью, заботу государства о школе. Интересом к советской системе народного образования определялось дальнейшее расширение непосредственных контактов чехословацких и советских педагогов.

В апреле 1936 г. Советский Союз посетила вторая группа чехословацких педагогов в составе 28 человек — членов педагогической секции Общества экономических и культурных связей с СССР. Гости выразили вос-

хищение заботой государства о детях и условиями работы советских учителей [1, т. 3, с. 219, 220, 252]. После возвращения в Чехословакию члены делегации выступали с многочисленными докладами; некоторые доклады передавались по радио. Руководитель делегации К. Гануш прочел 35 докладов, делегаты В. Медонос — 40, И. Оростова — 25 и т. д. Члены делегации на основе привезенной из СССР литературы подготовили специальный номер журнала «Прага — Москва», который в 1936 г. стал органом Общества вместо «Земе Совету». Готовилась и новая делегация педагогов в СССР.

Руководитель группы чехословацких учителей Вацлав Пршигода в письме в ВОКС, делясь впечатлениями о пребывании делегации в СССР, подчеркивал необходимость совместной борьбы против фашизма, усилению которой содействует развитие культурных контактов обеих стран. «В успехе и победе вашей революции, — отмечал он, — мы видим лучший путь для всего народа» [1, т. 3, с. 242; 14, л. 48, 49].

В июле в СССР приехала, организованная Обществом экономических и культурных связей с СССР, делегация чехословацкой интеллигенции, состоявшая из педагогов, юристов, врачей, ученых, писателей и журналистов — всего 45 человек. Они посетили Харьков, Ленинград, Киев, осмотрели Днепрогэс [19, 1 XI].

После подписания Договора о взаимной помощи между СССР и Чехословакией Коммунистическая партия, Советское правительство, учреждения и организации Советского Союза стали последовательно реализовывать его во всех областях — политической, военной, экономической и культурной. Именно в эти годы (1935—1936) в Советском Союзе было много сделано для успешного и плодотворного развития советско-чехословацких культурных связей. Советская печать стала шире информировать трудящихся о политической жизни, экономике и культуре Чехословакии. В январе 1936 г. журнал «За рубежом» целиком посвятил свои страницы ЧСР. В этом номере были опубликованы статьи государственных деятелей Э. Бенеша, К. Крофты, известных представителей чехословацкой культуры, а также отрывки из произведений писателей Й. Чапека, Ф. Кубки и др.; статья советского полпреда в Чехословакии С. С. Александровского и другие материалы.

В марте 1936 г. в ЧСР приезжал председатель ВОКС А. Я. Аросев. В Праге он вел переговоры с государственными деятелями, руководством Общества экономических и культурных связей с СССР, писателями и другими деятелями культуры о путях дальнейшего развития культурных контактов [19, 3 III].

Весной 1937 г. москвичи с большим интересом осмотрели выставку чехословацкого изобразительного искусства. В восьми залах Государственного музея западного искусства было показано около 170 произведений — живописные работы, скульптура, графика, эскизы театральных декораций. Выставка охватывала творчество виднейших мастеров: М. Швабинского, В. Седлачека, Л. Кубы и др. В речи на открытии посланник Чехословакии Богдан Павлу отметил большое значение этой первой выставки искусства Чехословакии в Советском Союзе.

В сентябре того же года в Москве, а затем в Ленинграде с большим успехом прошла вторая выставка изобразительного искусства Чехословакии организованная ВОКС, Обществом художников «Манес» и Всесоюзным комитетом по делам искусств. Было показано около 150 работ чешских и словацких художников и скульпторов, представивших различные направления современного изобразительного искусства ЧСР. Некоторые ее экспонаты были приобретены музеями Москвы и Ленинграда [27, 18 XII; 23, 28 VII, 28 V].

Особенно большой интерес проявлялся в СССР к музыкальной культуре Чехословакии. В апреле 1936 г. Всесоюзный радиокомитет и ВОКС организовали специальный концерт чехословацкой музыки с участием известного чехословацкого дирижера Германа Адлера, работавшего в то время главным дирижером Киевского симфонического оркестра Всесоюзного радиокомитета. Программа концерта была составлена из произведе-

ний Сметаны, Дворжака, Яначека и др. Концерт транслировался чехословацкими радиостанциями.

Посланник Чехословакии в СССР Б. Павлу в декабре 1936 г. с большим удовлетворением сообщал в МИД ЧСР об успехах концертов чешской музыки, состоявшихся в Московской консерватории при участии дирижера Евгения Шенкара. Он отмечал отличное исполнение оркестром Московской филармонии произведений Сметаны и Дворжака [19, 10 IV; 16, 11 IV].

Для ознакомления с постановкой оперы «Проданная невеста» на чехословацкой сцене в июне 1936 г. в Прагу приехали дирижер, режиссер и художник Киевского оперного театра, готовившие этот спектакль на сцене киевского театра. 9 января в Академическом театре оперы и балета в Киеве состоялась премьера «Проданной невесты» Сметаны. Спектакль транслировался по радио в Чехословакию. Зд. Неедлы, присутствовавший на премьере, выступил в феврале 1937 г. с докладом об этой постановке перед собранием членов Общества экономических и культурных связей с СССР, в Обществе Б. Сметаны, в Музее Сметаны. Успех оперы способствовал ее включению в мае 1937 г. в репертуар и ленинградского Государственного малого оперного театра [19, 2 VI, 26 VI; 23, 10 I, 12 I, 5 II].

В свою очередь в феврале 1937 г. в Брно была осуществлена постановка оперы И. И. Держинского «Тихий Дон», которая имела исключительный успех у чехословацких зрителей. Газета «Лидове новины» отмечала, что «исполнение оперы „Тихий Дон“ явилось чрезвычайным событием во всех отношениях», что «это сильное, захватывающее произведение» [1, т. 3, с. 302].

В сентябре 1936 г. в Москве, Ленинграде и Киеве с успехом выступал чехословацкий хор «Типография». Руководитель хора проф. В. Айм в связи с этими гастролями в СССР отмечал: «Путь гастролей нашего хора проходил за эти годы через многие страны Европы, но нигде мы не встречали столь братского, родственного приема и столь чуткой, глубоко понимающей аудитории» [19, 1 IX; 20, с. 111, 112].

В ноябре 1936 г. к власти в Чехословакии пришло правительство, возглавлявшееся аграрием М. Годжей. На политику этого правительства определяющим образом оказывали влияние наиболее консервативная и реакционная часть чехословацкой буржуазии и партия Генлейна. В результате как внутренняя, так и внешняя политика ЧСР значительно сдвинулась вправо. Это неизбежно сказалось и на взаимоотношениях с СССР. Правительство М. Годжи стало саботировать договор 1935 г. о взаимопомощи с Советским Союзом во всех областях отношений, в том числе и в культурной. С начала 1937 г. значительно сократился культурный обмен с СССР официальных государственных учреждений ЧСР, усилились запреты в отношении ряда произведений советских авторов. В феврале 1937 г. Областное земское управление Чехии запретило показ пьес «Гибель эскадры» и «Оптимистическая трагедия»; выступления в ЧСР с лекциями и докладами о СССР известного немецкого писателя-антифашиста Лиона Фейхтвангера и председателя Общества экономических и культурных связей с СССР проф. Зд. Неедлы [9, д. 356, л. 67; 6, с. 107]. В 1938 г. Аграрная партия и ее пресса выступили с нападками на советские фильмы. Полпред СССР в ЧСР С. Александровский 30 мая 1938 г. указал министру иностранных дел Чехословакии К. Крофте на этот недружественный акт властей ЧСР по отношению к Советскому Союзу [13, т. 20, с. 85; 1, т. 3, с. 267].

Антисоветский курс правительства М. Годжи встретил сопротивление со стороны чехословацкого народа, стремившегося к дружбе с СССР. Это не могли игнорировать правящие круги ЧСР — они избегали резкой демонстрации изменения своего отношения к Советскому Союзу, что было особенно заметно в области культурных связей. В частности, можно отметить в этой связи проведение Пушкинских дней в ЧСР в феврале 1937 г., в организации которых формально принимали участие видные деятели правительства, в том числе и премьер-министр М. Годжа. В октябре 1936 г.

в Праге был образован государственный комитет по подготовке к Пушкинским дням, приуроченным к 100-летию гибели поэта. Широкую подготовку проводили театры, радио, высшие учебные заведения Чехословакии, а также Союз друзей СССР [21, 9 VI].

В октябре 1936 г. в Чехословакии были переведены на чешский язык и изданы поэма А. С. Пушкина «Полтава» и роман «Евгений Онегин». В январе 1937 г. вышла посвященная поэту книга «Вечный Пушкин», авторами которой явились известные чехословацкие писатели и поэты. В книге была и статья Э. Бенеша [19, 22 X, 27 X]. В феврале в пражской «Люцерне» состоялся вечер, посвященный памяти А. С. Пушкина, устроенный более чем тридцатью культурными организациями при участии артистов Национального театра, Городского театра и Немецкого театра в Праге. На нем присутствовало свыше 4 тыс. человек. Доклад сделал проф. Зд. Неedly, с чтением произведений А. С. Пушкина выступили известные чехословацкие писатели и поэты [1, т. 3, с. 311].

10 февраля 1937 г. на философском факультете Пражского университета состоялось торжественное собрание, посвященное 100-летию со дня гибели А. С. Пушкина. Это собрание было организовано чехословацким Пушкинским комитетом и Славянским институтом. На открытии Пушкинской выставки 14 февраля в Национальном музее в Праге присутствовали представители ряда чехословацких учреждений и организаций, в том числе МИД и министерства просвещения ЧСР. Выставка была подготовлена Славянской библиотекой в Праге. Экспонаты для выставки были присланы из СССР [23, 12 II, 16 II].

Муниципалитет Праги принял решение о наименовании одной из площадей города именем Пушкина. Министр просвещения ЧСР издал распоряжение о том, чтобы день 10 февраля 1937 г. во всех средних школах и старших классах народных школ был посвящен памяти А. С. Пушкина [23, 24 II]. К Пушкинским дням была приурочена постановка в Пражском оперном театре «Евгения Онегина» П. И. Чайковского. На спектакле присутствовал президент ЧСР Э. Бенеш. Опера имела огромный успех [13, т. 20, с. 85; 1, т. 3, с. 266, 267, 311, 363].

Значительное развитие культурных связей между СССР и Чехословакией, достигнутое к 1937 г., интерес ЧСР к советской культуре, успех Пушкинских дней — все эти обстоятельства усилили интерес к изучению русского языка, отразившийся и в выступлении ряда чехословацких ученых — Б. Гавранека, Д. Новака, Ф. Травничека, Ф. Вольмана — со статьей в органе общества лингвистов «Слово и словесность». Названные профессора университета имени Масарика в Брно предложили ввести преподавание русского языка в средней школе в качестве дополнительного. «Русский язык, — писали ученые, — является ведущим языком народов СССР, средством культурной и политической связи 180 миллионов людей... Русский язык может служить и средством для международных связей» [1, т. 3, с. 336].

В условиях саботажа правительством ЧСР Договора о взаимной помощи между ЧСР и СССР и запретов, связанных с культурным обменом, важное значение имела деятельность Общества экономических и культурных связей с СССР. Его популярность среди чехословацкой общественности росла. Об этом свидетельствовал рост членов Общества и расширение его деятельности. Только за первое полугодие 1937 г. им было организовано 38 лекций и 24 доклада, на которых присутствовала многочисленная аудитория. Так, например, 13 февраля 1937 г. в Праге на вечере, посвященном Советской Украине, собравшиеся с большим интересом выслушали доклад проф. Зд. Неedly, вернувшегося из СССР, об успехах культурной и экономической жизни Украины [1, т. 3, с. 307].

Кроме лекций и докладов Обществом были организованы 12 педагогических семинаров и 4 театральные представления, 3 просмотра советских кинофильмов и 4 концерта советской музыки. Силами Общества и ВОКС было устроено 3 выставки [1, т. 3, с. 333]. В мае 1937 г. в Пльзене демонстрировалась экспозиция, посвященная СССР; в Праге открылась другая — «СССР живет и строит» [1, т. 3, с. 365]. Союзом учителей совместно с Сою-

зом молодых в ноябре 1937 г. в Праге в Музее Б. Сметаны была организована выставка, рассказывающая о советской молодежи, — «Самая счастливая молодежь мира», которая пользовалась большим успехом [1, т. 3, с. 362, 363].

В работу Общества в эти годы активно включились ученые — в результате чего в начале 1937 г. в нем была создана научная секция [9, д. 356, л. 70].

В 1936 г. в Пльзене был образован филиал Общества. В качестве коллективных членов в Общество вступили Рабочая академия, Центральная рабочая школа, Союз западно-чешских художников, Общество инженеров и архитекторов и др. 24 мая 1937 г. Обществом экономических и культурных связей с СССР совместно с Союзом друзей СССР в помещении Центрального музея в Пльзене была устроена выставка, посвященная Советскому Союзу [9, д. 356, л. 70].

В трудном для Чехословакии 1938 г., печально известном позорным мюнхенским сговором, чехословацкий народ с еще большей симпатией и надеждой обращал свой взор на Советский Союз, черпая в дальнейшем развитии связей с ним силу и уверенность в борьбе с фашизмом. Поэтому и в 1938 г. культурные связи и обмен с СССР продолжали расширяться, привлекая не только рабочий класс, но и широкие прогрессивные массы интеллигенции.

Приезжавший в Чехословакию в июне 1938 г. на заседание Пен-клуба председатель Союза советских писателей А. А. Фадеев отмечал, что «трудовое население Чехословакии любит Советский Союз... Все русское пользуется особым почетом» [1, т. 3, с. 471].

Продолжалось интенсивное посещение СССР различными группами чехословацкой интеллигенции. Так, только в августе 1938 г. Советский Союз посетили 120 чехословацких педагогов, врачей и инженеров, [1, т. 3, с. 410, 411].

Особой популярностью в этот период среди чехословацкой общественности пользовались выдающиеся произведения советской кинематографии: «Белеет парус одинокий», «Депутат Балтики», «Мы из Кронштадта» и др. Секретарь Общества В. Борек подчеркивал особую значимость оборонной и революционной тематики советских кинофильмов для чехословацкого народа. Он отмечал, что «их показ поднимает дух патриотизма нашего народа, что особенно важно в связи с переживаемым нашей страной моментом» [1, т. 3, с. 468].

С энтузиазмом передовые чехословацкие писатели встретили воззвание «Друзьям мира и культуры» своих советских коллег. Они с готовностью поддерживали призыв к солидарности в борьбе с фашизмом, за утверждение высоких идеалов подлинной демократии [1, т. 3, с. 410, 411].

Если рабочий класс и прогрессивная общественность Чехословакии стремились к всестороннему укреплению и развитию связей с СССР, то правительство предпринимало меры к свертыванию контактов. Ряд советских фильмов и пьес был запрещен, было установлено полицейское наблюдение за деятельностью Союза друзей СССР в Праге, распущено Общество экономических и культурных связей в Братиславе, осуществлялись и другие недружественные акты по отношению к СССР [1, т. 3, с. 535, 577, 597].

Тем не менее вплоть до захвата Чехословакии фашистской Германией правящим кругам не удалось полностью прекратить культурный обмен между обеими странами, пресечь распространение правды об СССР, интерес к социалистической культуре.

Таким образом, развитие культурных связей между ЧСР и СССР в 1934—1938 гг., отвечая стремлениям обеих стран к взаимопониманию и сотрудничеству в совместной борьбе против реакции и фашизма, способствовало установлению более тесных и дружественных отношений. Кроме того, эти связи позволяли прогрессивной общественности Чехословакии вопреки антисоветской пропаганде убедиться в достоинствах социализма, его преимуществах перед капитализмом и, тем самым, облегчили переход не только рабочего класса, но и значительной части интеллигенции на

позиции активных борцов за социализм. Традиции интернациональных и культурных связей, сложившиеся в предвоенный период, упрочившиеся в ходе совместной борьбы с фашизмом в годы второй мировой войны играли и играют важную роль в укреплении дружбы братских стран, в их общей борьбе за построение социализма и коммунизма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т. 1. М., 1976; Т. 2. М., 1977; Т. 3. М., 1978.
2. *Воробьева Е. Д.* Образование и деятельность чехословацкого Общества экономического и культурного сближения с Новой Россией (1925—1927). Советское славяноведение, 1965, № 2.
3. *Шишкин В. А.* Из истории советско-чехословацких культурных связей 1918—1925 гг.— Вестник истории мировой культуры, 1960, № 6.
4. Литература Чехословакии и советская литература 1920—1930 гг. М., 1980.
5. *Петерс И. А.* Чехословацко-советские отношения 1918—1934. Киев, 1965.
6. *Uherek Z.* O sovětsko-československé kulturní vzájemnosti. 1918—1938. Praha, 1974.
7. Přehled dějin československo-sovětských vztahů v údobí 1917/1939. Praha, 1975.
8. Известия, 1934.
9. ЦГАОР СССР, ф. 5283, оп. 1.
10. ЦГАОР СССР, ф. 3316, оп. 28, д. 973.
11. Известия, 1935.
12. За рубежом, 1936, № 1.
13. Документы внешней политики СССР. Т. 18. М., 1973; Т. 20. М., 1976; Т. 21. М., 1977.
14. ЦГА РСФСР, ф. 2305, оп. 69, д. 2215.
15. ЦПА ИМЛ, ф. 85, оп. 29, д. 653, л. 1, 3, 7—10.
16. Советское искусство, 1936.
17. Rudé právo, 1936.
18. Rudé právo, 1936.
19. Известия, 1936.
20. *Molok F.* Z dějin sov-ětsko-československých hudebních styků v třicátých letech.— Československo-sovětské vztahy. VII—VIII. Praha, 1978/79.
21. Prager presse, 1936.
22. Rudé právo, 1937.
23. Известия, 1937.

ДЕСЯТСКОВ С. Г.

БАЛКАНЫ В ПЛАНАХ АНГЛИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО «УМИРОТВОРЕНИЯ» ГИТЛЕРОВСКОЙ ГЕРМАНИИ

В последние годы, особенно после снижения в 1968 г. срока давности для материалов английских правительственных архивов с 50 до 30 лет, в буржуазной историографии заметно возрос интерес к экономической стороне английской политики «умиротворения» гитлеровской Германии. Между тем, как полемически отмечает один из первых английских исследователей этого вопроса С. А. Макдональд, в процессе «изучения британской внешней политики при Н. Чемберлене долго пренебрегали экономическими аспектами умиротворения, хотя экономическое умиротворение было центральным в британской политике между 1937 и 1939 гг.» [1].

Первая крупная монография по этой проблеме действительно появилась на Западе не в Англии, а в ФРГ. Это была книга Б. Ю. Вендта «Экономическое умиротворение» [2]. С тех пор и в английских, и в американских исследованиях по этой теме (например, в работе С. Ньюмена, написанной уже главным образом на основе новой английской документации [3], много места уделяется проблемам экономического «умиротворения». При этом С. Ньюмен вслед за некоторыми американскими историками утверждает, что в отношениях с фашистским рейхом у английских кабинетов помимо альтернативы сотрудничества с Гитлером или создания антигитлеровской коалиции существовала третья возможность: «политика ограниченного сопротивления в пределах ограниченной британской силы, т. е. всеми средствами за исключением войны. Практически это означало использование британской финансовой и экономической мощи как средства достижения своих внешнеполитических целей» [3, р. 3]. На протяжении всего предвоенного периода, полагает Ньюмен, все британские кабинеты (не случайно его работа имеет подзаголовок — «Изучение преемственности британской внешней политики») использовали «невидимые средства» экономического давления, или «серебряные пули» (silver bullets), как их называли немцы, прежде всего для того, чтобы остановить германскую экспансию в Центральной и Юго-Восточной Европе [3, р. 3, 34]. В связи с возникновением подобной тенденции в буржуазной историографии важно рассмотреть, чем в действительности руководствовались экономические стратеги Великобритании в отношении к Германии и ее политике в Юго-Восточной Европе, проанализировать политический аспект британского «экономического умиротворения» в этом регионе.

Советские историки при изучении предыстории второй мировой войны всегда отмечали, что «именно экономические интересы крупнейших империалистических держав определяли в конечном счете их политическую борьбу и внешнюю политику при всей сложности и зигзагообразности исторического процесса» [4]. Наряду с этой общей оценкой в последнее время

появились работы, в которых влияние экономических факторов прослеживается и в региональном плане (например, в книге В. К. Волкова [5]).

Однако некоторые собственно экономические аспекты проблемы «умиротворения» изучены пока лишь в общих чертах. Не случайно автор одной из последних советских монографий, в которой использована новая английская документация, отмечает, что еще «требуется специальное исследование экономических оснований политики умиротворения» [6].

Вопросами общей экономической стратегии Англии занимались на правительственном уровне прежде всего в специально созданном экономическом департаменте Форин оффис и британском Казначействе, являвшемся по традиции ведущим среди английских экономических ведомств — министерства торговли, Торговой палаты и Английского банка. Здесь выработывались планы и по отдельным странам и регионам.

Именно возглавляемое с 1931 по 1937 г. Н. Чемберленом Казначейство и являлось в системе английского государственного аппарата самым активным поборником предоставления гитлеровской Германии некоей «экономической отдушины».

В 1936 г. между Казначейством и Форин оффис состоялся специальный обмен мнениями по вопросам экономической стратегии. По поручению Н. Чемберлена от Казначейства в этом обмене принял участие главный экономический советник правительства сэр Ф. Лейт-Росс, а от Форин оффис — руководитель экономического департамента Эштон-Гуэткин и его активный помощник Глэдвин Джебб (в будущем лорд Глэдвин, представитель Англии в ООН). Как свидетельствует последний в своих мемуарах, еще за два года до Мюнхена, в 1936 г., руководителями обоих ведомств обсуждалась не более и не менее как «возможность таможенного союза между Соединенным королевством и Германией». В общем заключении было откровенно указано, что, «поскольку германская экспансия в плане растущего экспорта была жизненной, естественным направлением для нее явилась Центральная и Юго-Восточная Европа и что в обмен за прежние германские колонии ей могли предоставить отдушину в виде субсидий» [7, р. 56]. Авторы этого плана прекрасно понимали, на что может использовать британские субсидии активно вооружавшаяся гитлеровская Германия. Расчет строился на том, откровенно признает в своих мемуарах Глэдвин, что, подчинив себе Австрию, Чехословакию и Балканы, фашистская Германия «бросится искать новую отдушину на Украине или, другими словами, она в конечном счете пойдет против Советского Союза, и в этом случае Запад может сделать то, что представляется ему наилучшим» [7, р. 56].

Желание направить германскую агрессию против Советского Союза и стран Юго-Восточной Европы явствует и из специального меморандума, представленного правительству экономическим департаментом Форин оффис в августе 1936 г., т. е. за два года до Мюнхена. В меморандуме отмечалось, что «Германия хочет иметь благожелательное отношение Дунайских и Балканских стран не только в случае войны, но и в мирное время» и что «германская экономическая гегемония в этой области может иметь результатом и политический контроль». При этом, однако, указывалось, что «британская торговля в этой области незначительна и составляет всего 2% от общей торговли Англии». И именно из этого делался вывод, очень далекий от идей какого-либо сопротивления германской экономической экспансии. «Прагматически это значит, — подчеркивали авторы меморандума, — что мы не должны ревниво относиться к расширению германской торговли в Дунайских и Балканских странах» [8].

После захвата гитлеровцами Австрии в мае 1938 г. Форин оффис представил правительству новый меморандум, в котором совершенно хладнокровно констатировал факт, что после аншлюса «германское влияние в Центральной и Юго-Восточной Европе расширилось до такой меры и степени, какая не наблюдалась с 1917 г.». Наиболее важными последствиями были «расширение германского культурного влияния, увеличение потенциальных ресурсов сырья для Германии, особенно продовольствия, руды и нефти; расширение рынка для германского промышленного экспорта,

господство Германии в региональной системе коммуникаций, особенно по Дунаю и на железных дорогах» [9].

В меморандуме анализировались некоторые итоги торговой экспансии гитлеровской Германии в этом регионе. В частности отмечалось, что «германский импорт увеличился с 12,2% в 1934 г. до 16,6% в 1937 г., а ее экспорт с 11,1% до 15%, в то время как британская и французская торговля (экспорт и импорт в совокупности. — С. Д.) согласно статистике осталась на прежнем уровне: 2,5% и 4% соответственно». Однако в заключении авторы меморандума специально подчеркнули, что ответом на аншлюс и усиленное проникновение Германии в Юго-Восточную Европу отнюдь «не должно быть создание антигитлеровской коалиции» [9].

Выступая с этим меморандумом на заседании кабинета новый министр иностранных дел в правительстве Н. Чемберлена лорд Галифакс, правда, указал, что «наиболее сильное оружие Англии в международной сфере составляют экономика и финансы» и что «в настоящей критической ситуации представляется более чем необходимым эффективно использовать это оружие, особенно в Центральной и Юго-Восточной Европе». Но тем не менее и он в сущности ограничился тем, что предложил создать еще один орган по изучению ситуации — межведомственный комитет из представителей Форин оффис, Казначейства, Торговой палаты, департамента экспортно-кредитных гарантий и департамента внешней торговли [10].

Правительство Н. Чемберлена охотно приняло это, отдаляющее активные действия предложение, а во главе комитета поставило сэра Ф. Лейт-Росса, который, по воспоминаниям Глэдвина, всегда стоял за то, чтобы «поддерживать германский жирок» [7, р. 64].

Межведомственный комитет по Центральной и Юго-Восточной Европе действительно не спешил с выводами, спокойно наблюдая за быстрым экономическим проникновением гитлеровской Германии в страны Дунайского бассейна и на Балканы. Лишь после Мюнхена, в конце октября 1938 г., он представил правительству свой первый доклад, который обсуждался в кабинете 10 ноября 1938 г. В докладе отмечалось, что британская торговля с этим регионом крайне незначительна — так доля импортируемых из него товаров составляла всего один процент в общем британском импорте [11]. Кроме того, в докладе комитета Ф. Лейт-Росса указывалось, что большинство товаров, вывозимых в Англию с Балкан, той же номенклатуры, что и товары из доминионов — зерно, табак и т. д., и что расширение их импорта будет противоречить Оттавским соглашениям 1932 г. Правда, в полном соответствии с политикой, которую газетчики окрестили «держат ногу в дверной щели», комитет высказывался за некоторое расширение торговли с Балканами, поскольку это «материально поможет сохранить там наше влияние» [11]. Однако расширять свою торговлю со странами Юго-Восточной Европы британские экономические стратеги собирались ни более ни менее, как через Германию! Именно к этому сводился «хитроумный» британский план создания торгового треугольника Англия — Германия — Балканы, впервые выдвинутый 18 октября 1938 г. именно Ф. Лейт-Россом в переговорах с германской торговой делегацией, направлявшейся через Лондон в Дублин. Сущность предложения Ф. Лейт-Росса состояла в том, что Англия, Франция и Голландия предоставят Германии кредиты для оплаты ее импорта с Балкан, а балканские страны, получив эту валюту через Германию, закупят на нее колониальные товары из Англии, Франции и Голландии [3, р. 56]. Это предложение повторил в ноябре 1938 г. глава экономического департамента Форин оффис Эштон-Гуэткин в переговорах с представителем германского рейхсбанка Эйнке [3, р. 57].

Однако интересно отметить, что западные исследователи не обращают внимания на политический аспект проблемы, кроющийся именно в том, что Англия собиралась субсидировать государства Юго-Восточной Европы через Германию, все равно как если бы владелец магазина колониальных товаров, расположенного напротив гостиницы, стал кредитовать клиентов гостиницы через ее хозяина, а не договариваться с каждым из них в отдельности, как самостоятельным лицом.

Как отмечает советский историк В. К. Волков, «по английскому плану Юго-Восточная Европа превращалась как бы в своего рода трансмиссию в механизме экономического сотрудничества между Германией и Англией» [5, с. 286].

Гитлеровская Германия, однако, не спешила с принятием английского плана создания торгового треугольника. Лишь в конце февраля 1939 г. в Берлине состоялись официальные переговоры Эштон-Гузткина с Герингом, Риббентропом и министром экономики и финансов Функом. Экономическим экспертом с германской стороны на этих переговорах был д-р Вольтат (известный впоследствии по тайным переговорам Вольтата — Вильсона — Хадсона). В ответ на английский проект о торговом треугольнике немцы выдвинули свои контрпредложения, которые сводились к следующему:

1. Конверсия иностранных долгов Германии (по предложению Функа сумма долгов снижалась в 3—4 раза). Взамен немцы обещали начать подготовку к отмене государственного контроля над валютными сделками.

2. Соглашение между отдельными отраслями английской и германской промышленности для устранения конкуренции на рынках третьих стран.

3. Соглашение о немедленном снабжении Германии сырьем (медью из Северной Родезии и хлопком из Индии) в обмен на германские машины и оборудование.

4. Модификация колониальных тарифов.

5. Пересмотр таможенных пошлин, направленных против германского экспорта, в рамках Британской империи.

6. Англо-германское финансовое и промышленное сотрудничество в Юго-Восточной Европе [2, р. 404—405]. Как видим, встречные германские экономические предложения далеко «перекрывали» английскую программу и требовали от Англии почти полного отказа от германских долгов, снижения таможенных пошлин в рамках Британской империи, усиленного снабжения Германии таким ценным сырьем как медь и хлопок, расширение германского экспорта в Индии и т. д. Обещанные же уступки, вроде «подготовки» к пересмотру валютной политики или «сотрудничества» в Юго-Восточной Европе с самого начала носили расплывчатый и неопределенный характер. Гитлеровская Германия явно собиралась добиться абсолютного экономического и политического влияния на Балканах и готова была принять английский план создания торгового треугольника лишь в случае общего пересмотра англо-германских экономических отношений в пользу Германии. Подтверждением таких германских намерений после Мюнхена была поездка Функа по странам Юго-Восточной Европы. Выступая в Болгарии, Турции и Югославии, Функ по существу выдвинул идею создания общего рынка этих стран и Германии прежде всего на основе клиринговых соглашений (поставка Германией промышленных товаров в обмен на сырье и сельскохозяйственную продукцию балканских стран). После визита Функа Германия предоставила Турции и Болгарии долгосрочные кредиты, а 10 декабря 1938 г. подписала соглашение с Румынией о закупке 400 000 т румынского зерна [3, р. 44—45]. Эта экономическая активизация гитлеровской Германии на Балканах после Мюнхена вызвала известные опасения даже у Галифакса. Хотя этот промюнхенский министр иностранных дел Великобритании в письме к Н. Чемберлену от 13 октября 1938 г. писал: «Я убежден, что никогда в будущем у нас не будет возможности, по географическим и другим причинам, проводить большую политику на Балканах против Германии...» [12], тем не менее он настороженно относился к расширению германского влияния в южной части Балканского полуострова: в Болгарии, Турции и Греции. Суть дела заключалась в том, что если через северную часть Балкан Германия выходила на подступы к Советскому Союзу, то через южную она могла выйти к Ближнему Востоку и имперским коммуникациям Великобритании. И тот же Галифакс, ходатайствуя о предоставлении британского займа Турции, указывал кабинету, что «дружба с Турцией отвечала жизненным стратегическим интересам Британии. В результате аншлюса Австрии Германия стала непосредственной соседкой одного из союзников Турции —

Югославии и была отделена от другого, Румынии, только прогерманской Венгрией» [3, р. 42]. Что надо сделать, — задавал вопрос английский министр иностранных дел, чтобы предотвратить германское влияние, распространяющееся через Болгарию и Турцию? Ведь это означало бы выход ее на Средний Восток и линию британских коммуникаций с Индией и Дальним Востоком. Английский кабинет согласился с этими соображениями, и Турция получила британские промышленные и военные кредиты в том же мюнхенском 1938 г.

Обсуждения этого вопроса в британском правительстве ясно показывают, что английская политика на Балканах предполагала раздел Юго-Восточной Европы на своеобразные сферы влияния. Признавая ее северную часть германской зоной, строя через Австрию, Чехословакию, Венгрию канал для гитлеровской агрессии против Советского Союза, английские политики в то же время заботились о «британских берегах» этого канала, предоставляя субсидии Турции и Греции. Термин «канализация гитлеровской агрессии», утвердившийся в советской историографии, имеет очень точное значение. Интересно отметить в этом плане английскую позицию после Мюнхена в отношении Румынии, где имелись довольно крупные английские капиталовложения (в частности 40% румынской нефти принадлежало англо-голландской нефтяной монополии Ройял Датч Шелл) [13]. В тот период, когда после Мюнхена по всей Европе распространились слухи о предстоящем походе гитлеровцев на Советскую Украину, Галифакс при обсуждении в кабинете вопроса о стратегической ценности Греции и Румынии прямо заявил, что «оборона Греции несомненно имеет большую политическую ценность, чем защита Румынии, потому что при существующих обстоятельствах Румыния, по причине ее географического положения и в связи с проблемой национальных меньшинств, более восприимчива к германскому давлению и угрозам, чем Греция» [3, р. 51]. В этой оценке все становится на свои места, если вспомнить, что через территорию Румынии гитлеровская Германия получала выход к южным границам Советского Союза, в то время как через Грецию она могла выйти на британские имперские коммуникации. Мюнхенская Англия готова была в тот период даже оказать непосредственное содействие гитлеровской агрессии через Румынию, и когда румынский король Кароль посетил Лондон осенью 1938 г., ему была обещана британская помощь в строительстве на черноморском побережье Румынии крупной военно-морской базы [3, р. 49]. Не надо было быть военно-морским специалистом, чтобы понять, что база планировалась как противовес Севастополю.

Таким образом, английские правящие круги после Мюнхена собирались не столько противодействовать Германии на Балканах «невидимыми» экономическими средствами, сколько по-партнерски сотрудничать с нею в системе торгового треугольника. С помощью экономического «умиротворения» гитлеровскую агрессию в полном смысле этого слова канализировали, «подводили» к советской границе через Австрию, Чехословакию, Венгрию и Румынию. В Уйтхолле одновременно заботились и о крепких «британских берегах» канала — субсидировали Турцию и Грецию, чтобы германская агрессия не вышла из намеченного в Лондоне антисоветского русла и не пошла на Ближний Восток, в зону крупных интересов британских монополий. Британский империализм был готов, как явствует из ныне опубликованных планов, на уступки Германии прежде всего в тех странах Центральной и Юго-Восточной Европы, где его экономические и политические интересы были сравнительно невелики и через которые лежал путь для гитлеровской агрессии к границам Советского Союза. «Экономическое умиротворение» Германии в Юго-Восточной Европе в сущности означало экономическое партнерство с ней и «полюбовный» раздел Балкан на сферы влияния. И если этим планам не суждено было осуществиться, то причины этого лежали прежде всего в крайнем обострении англо-германских империалистических противоречий, как во всем мире, так и на Балканах. Глобальные устремления германского фашизма наталкивались на столь же глобальные позиции, уже занятые британским империализмом. В 1939 г. весь комплекс англо-германских экономических,

колониальных и политических противоречий стал исключительно взрывоопасным. Проникновение германского капитала в самые удаленные регионы британского влияния наглядно показывало, что фашистский рейх отнюдь не удовлетворится одной Восточной Европой, что он претендует на мировое господство. С января 1939 г. возникли слухи о походе Гитлера уже не на Украину, а против Запада. В апреле 1939 г. лондонский «Экономист» с тревогой писал о предстоящем визите Я. Шахта в Индию и наметившемся соглашении о поставках в эту главную английскую колонию германского машинного оборудования в обмен на индийский хлопок [14]. Германия открыто рвалась на рынки британских колоний, требуя от Англии в обмен на создание торгового треугольника снижения таможенных пошлин на рынках всей Британской империи. В августе 1939 г. гитлеровцы потребовали доступа к ближневосточной нефти [15]. Собственно и на Балканах они не собирались идти ни на какой раздел сфер влияния, откровенно субсидируя Болгарию и Турцию. Так, политика «экономического умиротворения» привела в конечном счете к такого рода экономическим переговорам и контактам, в ходе которых Германия в сущности потребовала «экономической капитуляции» Великобритании.

Пойти на такую капитуляцию правящие классы Англии не собирались. В результате все планы и проекты британских мюнхенцев об экономическом партнерстве с гитлеровской Германией, включая такой их балканский вариант, как создание торгового треугольника, оказались несостоятельными, столкнувшись с реальностью англо-германских империалистических интересов накануне второй мировой войны.

ЛИТЕРАТУРА

1. *MacDonald C. A.* Economic Appeasement and the German Moderates 1937—1939.— Past and Present, 1972, August, 56, p. 105.
2. *Wendt B. J.* Economic Appeasement. Handel und Finanz in der britischen Deutschland Politik (1933—1939). Düsseldorf, 1972.
3. *Newman S.* March 1939: The British Guarantee to Poland (A Study in the Continuity of British Foreign Policy). Oxford, 1976.
4. История второй мировой войны. М., 1974, т. 2, с. 415.
5. *Волков В. К.* Мюнхенский сговор и Балканские страны. М., 1978.
6. *Чикваидзе А. Д.* Английский кабинет накануне второй мировой войны. Тбилиси, 1976, с. 91.
7. *Gladwyn D.* The memoirs of lord Gladwyn. London, 1972, p. 56.
8. Public Record Office (далее PRO), F. O. Memorandum: German Economic Penetration in Central Europe, the Balkans and Turkey, 1936, 17 Aug., F. O. 433/3.
9. PRO, F. O. Memorandum: German Economic Penetration in Central and South-East Europe, 1938, 6 May, C 3249/77218, F. O. 433/5.
10. PRO, British Influence in Central and South-Eastern Europe. Cab. Memorandum, 1938, 24 May, CP 127/38, CAB. 24/277.
11. PRO, Central and South Eastern Europe. Cab. Memorandum, 1938, 10 Nov., CP 257 (38), CAB, 24/280.
12. PRO, Halifax letter to Chamberlain, 1938, 13 Oct., Prem 1/266, 13.
13. *Roskil S. Hankey.* Man of secrets. London, 1974, p. 435.
14. Economist, 1938, 8 Apr., p. 74.
15. DBFP, Third series, v. VI, p. 756—757.

ГРИШИНА Р. П.

МЕЛКОБУРЖУАЗНАЯ РАДИКАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ В РАССТАНОВКЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ В БОЛГАРИИ (декабрь 1921—май 1923 гг.)

Вскоре после государственного переворота 9 июня 1923 г. в Болгарии по инициативе правящих кругов была создана новая партия — Демократический сговор. Узурпаторы, не имевшие массовой социальной базы, хотели превратить Демократический сговор в правительственную партию, которая должна была поглотить все буржуазные партии и занять монопольное положение на политической арене.

В исторической литературе Демократический сговор обычно квалифицируется как партия фашистская или профашистская. При этом, согласно утвердившемуся мнению, в основу платформы Демократического сговора, опубликованной 1 октября 1923 г., были положены программные установки мелкобуржуазной Радикально-демократической партии (РДП). Как и почему партия, проявлявшая тенденцию развиваться в фашистском направлении, взяла на вооружение именно эту программу, хотя годом раньше теми же деятелями, что возглавили Демократический сговор, была разработана программа совсем иная, соответствовавшая их крайне реакционным взглядам? ¹ Объяснение болгарского историка Ст. Радулова, единственного исследователя, обратившего внимание на этот странный факт и увидевшего причину его в стремлении военно-фашистского руководства Болгарии придать буржуазно-демократическую окраску как самому режиму, так и новой партии [1, с. 115—116], далеко не исчерпывает, на наш взгляд, сложности вопроса.

Задача его более полного выяснения представляется важной. Во-первых, для уточнения и углубления характеристики режима, установленного в Болгарии после переворота 9 июня 1923 г. Ибо, хотя и неверно ставить фактическую политику буржуазного правительства в прямую зависимость от программы главенствующей партии, но также неверно и отрывать их друг от друга. Во-вторых, для характеристики самого Демократического сговора: программные положения, выработанные и принятые им, являются одним из первостепенных критериев для этого. Наконец, в-третьих, для оценки роли и значения мелкобуржуазной РДП в развитии политических событий в Болгарии в начале 20-х годов, к которой в литературе наблюдается, по нашему мнению, односторонний подход.

Попытка решить все эти задачи потребовала многоступенчатого исследования. В этом случае автор посчитал наиболее целесообразным поэтапно рассмотреть сюжеты в статьях, связанных единством замысла. Первый предварительный подход к теме нашел отражение в материале, опубликованном в сборнике «История и культура Болгарии» [2]. В настоящей статье автор ставит целью выяснить направление и характер перегруппи-

¹ Речь идет о серии программных статей, опубликованных от имени организации Народный сговор в газете «Слово» в июле — августе 1922 г.

ровки сил в лагере буржуазии, притом главным образом его нефашистской части, в период с начала 1922 г. до государственного переворота 9 июня 1923 г.

Мелкобуржуазная РДП, образовавшаяся в 1902 г., объявила себя защитницей малоимущих и имеющих низкие доходы трудовых слоев населения (рабочих, ремесленников, крестьян, служащих, лиц свободных профессий и т. п.). Около половины ее членов были крестьянами, около 20% — ремесленниками и торговцами, примерно 17% — учителями. В программе РДП, принятой в 1906 г., переплетались требования различного уровня. В известной степени она была действительно радикальной. Социальным идеалом провозглашался своеобразно понятый социализм, к которому стремился мелкий буржуа. Иными словами, в программе РДП нашли отражение поиски «третьего пути» мелкой буржуазией, стремящейся к достижению социалистического идеала путем реформирования, «улучшения» капиталистического общества под руководством мелкобуржуазной же партии.

Развитие послевоенного революционного кризиса привело к значительно изменению условий существования болгарской буржуазии и ее политических партий. Однопартийное правительство А. Стамболийского (1920—1923) взяло курс на ограничение участия буржуазных партий в политической жизни и государственном управлении. Вытеснение представителей экономически по-прежнему самого сильного класса с прежде занимаемых позиций заставляло их искать выход из положения в объединении своих сил, а в плане идейном — в муссировании различных «новых» идей, в том числе идеи надпартийного, надклассового государства.

Раньше всего объединительная политика дала конкретные результаты на правом фланге политического фронта буржуазии: в мае — ноябре 1920 г. Народно-либеральная, Младо-либеральная и Либеральная партии объединились, создав Национал-либеральную партию. Осенью 1920 г. произошло слияние двух также реакционных партий — Народной и Прогрессивно-либеральной, образовавших Объединенную народно-прогрессивную партию (ОНПП).

Предложения сплотиться в единый буржуазный фронт делались и РДП (главным образом со стороны руководства Демократической партии, занимавшей своеобразное срединное положение в лагере буржуазии), в чем, на наш взгляд, проявилась дальновидность буржуазных политиков, своевременно настроившихся на использование хотя бы части политических сил мелкой буржуазии, в данном случае РДП, в своих интересах.

Однако до поры до времени все предложения такого рода РДП отвергала. Ощувив прилив сил в годы революционного кризиса (в 1920—1921 гг. партия насчитывала около 30 тыс. членов [3], т. е. почти в 20 раз больше по сравнению с 1907 г.), она надеялась закрепить за собой самостоятельное и, как считали ее руководители, ведущее положение борца за «истинное народовластие». Впрочем внутренние процессы в партии способствовали оформлению в ней двух течений. Стронники одного выступили даже с идеей роспуска всех буржуазных партий, относя к таковым и РДП, для последующего образования из их кадров одной сильной партии [4]. Стронники другого вообще отвергали объединительную политику, с настойчивостью относились и к более простой идее заключения блоков с буржуазными партиями. Постепенно стала оформляться и группа центра.

Если IX съезд РДП (1920) не смог прийти к согласованному мнению относительно объединения с другими партиями буржуазии, то состоявшийся через год X съезд, обязав партию усилить борьбу против правительства БЗНС, признал необходимым приступить к «группированию демократических сил» [5]. Этот шаг стал возможным в связи с поправлением левого течения РДП. Но само решение было паллиативным, поскольку предложение о сотрудничестве (не о слиянии!) адресовалось только социал-демократической партии — БРСДП(о), как партии «одинаковой по социальному составу» с РДП и ей «близкой по социально-политическим задачам» [6]. Две эти партии, писала газета «Радикал», могут и должны стать основой сплочения демократических сил.

Первоначально предполагалось блок ограничить по составу. Это, несомненно, было результатом усилий «левых» радикалов, не желавших в тактике блокирования выходить за рамки концентрации мелкобуржуазных сил, оппозиционных власти БЗНС, и надеявшихся, с одной стороны, сохранить линию разграничения с буржуазными партиями, а с другой стороны, повести за собой близкую радикалам по ее месту в расстановке политических сил партию широких социалистов; поскольку РДП и БРСДП(о) враждовали с БКП и выступали с позиций антикоммунизма, очевидно, что такая тактика была нацелена на организационное оформление мелкобуржуазного политического лагеря под руководством РДП.

Однако социал-демократы сдержанно отнеслись к этой идее. Между тем сплочение партий буржуазии продвинулось еще на шаг вперед: в декабре 1921 г. ОНПП и Демократическая партия высказались за объединение. В этой ситуации радикалы поспешили взять на себя инициативу: 27 декабря 1921 г. газета «Радикал» опубликовала платформу, выработанную Верховным партийным советом (ВПС), сыгравшую важную роль в развитии объединительного процесса в лагере буржуазии в дальнейшем.

Первое, что бросается в глаза при анализе платформы, — это ее сугубо практический характер, заостренность на сиюминутных задачах, главные из которых — «восстановление порядка» в стране, соблюдение законов. Это именно платформа², рассчитанная на определенный случай, дающая базу для соглашения между «демократическими» силами.

Что представляла собой эта база по сравнению с прежней довоенной программой РДП, а также с наиболее ходовыми «новыми» идеями, волновавшими радикалов?

Важнейшие положения, сформулированные в прежней программе (об основах народовластия, принципах парламентаризма, всеобщем избирательном праве, относительно косвенных налогов) и в том или ином виде продолжавшие фигурировать в 1920—1921 гг. на страницах печати радикалов [7, с. 255], не были даже кратко упомянуты в платформе, хотя, как представляется, имели бы решающее значение в случае возможного прихода «демократического» блока к власти. Некоторые другие требования прежней программы либо целиком перешли в платформу (например, пункт о самоуправлении местных органов власти), либо превратились в паллиативные (например, пункт о реформе налоговой системы был включен в платформу, но без указания на необходимость ввести прогрессивное обложение, как это было в старой программе).

В платформу были включены также положения о борьбе с дороговизной и спекуляцией, о специальных мерах в поддержку ремесленного и сельскохозяйственного производства, но излагались они очень неконкретно. Во внешнеполитической части платформа говорилось только о миролюбивой внешней политике. Лозунг федерации, остававшийся популярным у идеологов РДП и в начале 20-х годов [7, с. 264], в этом документе не фигурировал.

Итак, особых идейных новшеств платформа не заключала, в нее не вошли положения «модные» в идеологической обстановке первых послевоенных лет. И тем не менее платформа была во многих отношениях новой для радикалов — прежде всего тем, что в ней отсутствовал целый ряд принципиальных пунктов, в течение десятилетий упорно отстаивавшихся радикалами, пунктов, которые в свое время были направлены как раз против буржуазных партий и их политики поддержки личного режима царя. Это обстоятельство говорит о резкой смене акцентов в политике РДП. Новый компромисс, на который по своей воле или вынужденно пошли «левые» радикалы, вел к тому, что такая платформа давала формулу, пригодную для блокирования не только с широкими социалистами, но и с партиями буржуазии верхнего эшелона. И хотя в этот документ не вошли положения из идейного арсенала реакции, которые в той или иной степени

² Так ее называли и сами составители, правда, не всегда последовательно (иногда называли и программой). К сожалению, эта путаница распространилась и на научную литературу, в которой платформа РДП часто неправильно именуется программой.

разделялись правыми, да и центром РДП [2, с. 242], в целом можно констатировать, что принятие платформы означало сдвиг РДП вправо.

Процессы, происходившие в лагере буржуазии, находились в центре внимания болгарских коммунистов. Сама БКП в это время впервые применила тактику единого фронта: 1 декабря 1921 г. 8 революционных профсоюзов обратились к 6 нейтральным профсоюзам с предложением о единых действиях в защиту своих членов. Разумеется, эти первые шаги не означали, что в БКП была полная ясность в отношении теории и практики единого рабочего фронта. Естественными были непоследовательность и колебания в действиях приверженцев новой тактики международного рабочего движения, тем более, что в Болгарии существовали специфические трудности для выработки ряда теоретических аспектов этой политики и особенно для ее реализации. В годы, когда у власти находился БЗНС, демонстративно противопоставлявший себя всем другим партиям, БКП считала его едва ли не главным своим противником. Тем не менее коммунисты старались внимательно следить за всеми изменениями, происходившими на политической арене, анализировать их. На заседаниях Высшего партийного совета (ВПС) БКП, регулярно проводившихся примерно раз в четыре месяца, заслушивались доклады о внутреннем положении, принимались соответствующие резолюции.

Резолюция «Внутреннее положение и задачи партии», принятая на заседании ВПС БКП, проходившем 28—30 декабря 1921 г., т. е. сразу после опубликования платформы РДП, — документ очень важный и интересный, один из тех, в которых анализ расстановки политических сил был наиболее точным и детальным.

Для констатирующей части резолюции характерно основанное на конкретных фактах предвидение близких крупных событий в стране: «...конец неизбежной фазы приближается», — говорилось в ней [8, с. 168]. — «Все буржуазные партии открыто выдвигают в качестве ближайшей задачи свержения земледельцев и взятия государственной власти» [8, с. 101]. В документе точно охарактеризованы пути решения буржуазией поставленных задач. Это, во-первых, стремление сплотить по возможности полностью собственные силы, во-вторых, привлечь на свою сторону и под свое руководство массы малоимущих города и села и, в-третьих, изолировать революционный пролетариат, чтобы легче было подавить Компартию [8, с. 164—165].

В этой констатации представляется очень важным само внимание ВПС БКП к промежуточным слоям («массам малоимущих города и села») и к политике буржуазии в отношении их. В резолюции правильно указывалось, что привлечение их буржуазией на свою сторону будет не только содействовать укреплению ее позиций, но одновременно означать ослабление позиций пролетариата, приведет к политической изоляции его партии. ВПС отмечал также, что эта политика буржуазии определяется поисками *активной и пассивной* (курсив мой. — Р. Г.) поддержки в борьбе за власть [8, с. 165], что говорит о понимании руководящим органом БКП важности учета разных вариантов поведения мелкой буржуазии: от активной поддержки буржуазии до, по существу, нейтралитета.

Отсюда вытекала, как одна из важнейших, задача борьбы Компартии за массы и в том числе мелкобуржуазные. В резолюции говорилось о необходимости «завоевать на свою сторону массы — рабочих, *неимущих и малоимущих города и села* (курсив мой. — Р. Г.), организовать их и просветить, поставить под свое политическое руководство» [8, с. 168].

Далее в резолюции разъяснялось, что из-за относительной малочисленности пролетариата в стране Компартии в целях усиления своего влияния следует предпринять специальные меры, чтобы охватить «огромное большинство лиц наемного труда как в городе, так и в деревне». А для этого — вовлечь их в рабочие профсоюзы и в другие организации Компартии; установить единый рабочий фронт с нейтральными профсоюзами для совместной борьбы всех пролетарских организаций; вести коммунистическую пропаганду среди массы неорганизованных и еще не сознательных рабочих [8, с. 168—169].

Прав болгарский историк П. Боев, видящий в этих положениях резолюции новые шаги БКП к восприятию тактики единого фронта и считающий, что яснее всего она была сформулирована в отношении нейтральных профсоюзов [9, с. 383]. Но, на наш взгляд, значение этой резолюции шире, ибо в ней уже раздвигались рамки единого пролетарского фронта за счет мелкобуржуазных по существу «масс малоимущих города и села».

Перед БКП ставилась задача не только удерживать уже привлеченных к Компартии малоимущих, «но и завоевать большинство их на свою сторону», для чего рекомендовалось глубоко проникнуть в их среду и преданно защищать их жизненные материальные, политические и духовные интересы. Характерна и такая конкретизация: коммунисты не поколеблются проникнуть в различные экономические и социальные организации малоимущих (ремесленные объединения, кооперативы и пр.). «Таким образом, — говорилось в резолюции, — Компартия неразрывно свяжется с *миром труда*, поднимет его до коммунизма и создаст единый и сплоченный революционный фронт (курсив мой. — Р. Г.) против господства капитала» [8, с. 170]. Несомненно, что «мир труда» — это не только пролетариат, а «единый революционный фронт» — уже не только единый пролетарский фронт, а понятие хотя еще и недостаточно определенное, но более широкое.

Такой подход вряд ли был чисто интуитивным, он базировался на правильном анализе рассмотренного нами аспекта конкретной политической ситуации в стране. И хотя далеко не все вопросы единого пролетарского фронта и способы его создания были тогда ясны болгарским коммунистам [10, с. 288; 9, с. 383], по-видимому, можно говорить о том, что в такой мелкобуржуазной стране как Болгария оказывалось возможным расширение единого пролетарского фронта уже на ранней стадии формулирования новой политики руководящими органами международного коммунистического движения.

Однако выводы указанной революции не были до конца последовательными. Кажется, от понимания коммунистами необходимости вести борьбу с буржуазией за массы трудящихся и не позволить ей увлечь их за собой или нейтрализовать, не позволить поставить БКП в положение изоляции был только один шаг — в направлении к единым действиям с партиями, являвшимися политическими представителями этих слоев. Но именно такой шаг сделан не был.

В резолюции ВПС правильно утверждалось, что для обмана мелкобуржуазных масс буржуазия прибегает к коалициям с левыми партиями; в ней говорилось, что коалиция с РДП и БРСДП(о), «двумя ныне незначительными партиями», составит для буржуазных партий «переходный период», который будет длиться, пока последние не сочтут себя достаточно сильными, чтобы оттолкнуть «левых» и установить свое полное и неограниченное господство [8, с. 165—166]. Далее в резолюции отмечалось, что радикалы и широкие социалисты колеблются между «коалицией с левыми» и «коалицией с правыми». Из такой констатации сам собою напрашивался вывод: возможна отдельная коалиция «левых» сил, надо помешать их блоку с правыми, последствия чего, как было показано выше, ВПС БКП отчетливо представлял себе.

Вместо этого в резолюции указывалось, что буржуазные партии, не колеблясь, приняли в общих чертах выработанные левыми партиями платформы и что радикалы решили вступить в буржуазную коалицию. К сожалению, в этой части резолюции содержится простая констатация, не выражено никакой тревоги по поводу наметившегося блокирования, никаких рекомендаций, как помешать опасному процессу. Такая же безучастность была проявлена в отношении БРСДП(о). ВПС БКП авторитетно заявил: БКП против коалиции с так называемыми левыми партиями, которые всегда плелись в хвосте буржуазии... [8, с. 171].

Таким образом, составители резолюции не смогли сделать до конца правильные выводы, соразмерные глубине выявленных тенденций; к «левым» партиям, стоявшим перед проблемой выбора, не было проявлено должного внимания.

События же развивались так, что действительно отказ БРСДП(о) вступить в блок с РДП заставил последнюю искать нового союзника, теперь уже справа. 5 января 1922 г. РДП официально предложила руководству Демократической партии начать переговоры об образовании «блока демократии», что было с большим удовлетворением воспринято демократами. Не касаясь детально хода переговоров³, продолжавшихся в общей сложности полгода, отметим некоторые подробности, важные для характеристики линии радикалов.

Содержанием первого тура переговоров (январь 1922 г.) было обсуждение вопроса об образовании политического блока с целью борьбы против правительства БЗНС и для возможного в будущем управления страной. Согласно наметкам радикалов, ядро блока должны были составить РДП и Демократическая партия; расширение его признавалось возможным и желательным, но только за счет БРСДП(о) и настроенной оппозиционно по отношению к правительству группировки БЗНС во главе с Д. Драгиевым и никоим образом не за счет ОНПП, а тем более Национально-либеральной партии. В качестве платформы блока радикалы предлагали выработанный ими в декабре 1921 г. документ [11, с. 17].

Иными словами, делая новый шаг вправо и предлагая союз демократам, радикалы надеялись придать ему все-таки сравнительно левый характер. Именно это обстоятельство не могло прийтись по вкусу демократам. Правда, они как будто не отказывались принять обтекаемую по формулировкам платформу радикалов, но одновременно пошли на возобновление переговоров о блоке и с ОНПП. Двойная игра руководства Демократической партии способствовала тому, что трехмесячные переговоры (январь — март 1922 г.) между РДП и Демократической партией, ведшиеся на условиях радикалов, не привели к положительному результату. «Дело в том, — пишет В. Георгиев, — что болгарской буржуазии в это время нужен был не такой политический блок, какой предлагали радикалы», но гораздо более реакционный [11, с. 20]. Попутно заметим, что оценка В. Георгиевым варианта, на который ориентировалась РДП, как «антидемократического» представляется нам односторонней и потому неточной.

К тому же время работало не на радикалов. Как раз весной 1922 г. открыто заявил о своем существовании Народный съезд, организация, возникшая нелегально годом раньше и вобравшая в себя реакционно настроенных военных, представителей крупного капитала, интеллигенции. Ее костяк сложился еще в годы первой мировой войны в рамках государственно-монополистического учреждения — Дирекции по снабжению и общественному планированию (СГОП); формировавшийся вокруг него на протяжении последующих лет реакционный политический центр выступал с позиций отрицания «бессильных» и «прогневших» буржуазных партий и отстаивал идею создания в противовес им «надпартийной формации». Таковой организацией и провозгласил себя Народный съезд, но, ощущая собственную слабость, он в то же время требовал скорейшего объединения традиционных буржуазных партий, что позволило бы, как рассчитывало его руководство, установить в стране сильную власть и таким образом преодолеть политический кризис.

С начала апреля 1922 г. стал выходить его печатный орган — газета «Слово». Она сразу же заняла активную позицию в отношении блокирования буржуазных партий, начав оказывать на них нажим и требуя объединения их сил.

Между тем 15 апреля 1922 г. демократы и народняки, наконец, окончательно договорились между собой о блокировании. Это означало, что у радикалов не оставалось никаких шансов на реализацию их собственных политических планов.

Правда, принимая свое решение, демократы и народняки заявляли, что «специальную платформу» блока еще предстоит выработать в дальнейшем. По-видимому, это было хорошо рассчитанным тактическим ходом, поскольку ближайшая задача блокировавшихся партий состояла в при-

³ Они хорошо освещены в [11].

влечении к их союзу РДП. Оставляя вопрос о платформе открытым, руководители ОНПП и Демократической партии создавали тем самым определенную приманку для РДП; в противном случае, т. е. выступи они с согласованной только между собой платформой, в которой волей-неволей преобладали бы требования, отвечавшие стремлениям главным образом средней и крупной буржуазии, путь для привлечения РДП к блоку был бы чрезвычайно затруднен.

Эти буржуазные партии, как и Народный сговор, действительно проявили большую заинтересованность в том, чтобы не упустить мелкобуржуазную РДП из своих сетей: на протяжении апреля — июня 1922 г. шла интенсивная обработка ее лидеров [11, с. 26]. При этом применялись и открытый нажим (именно такого тона придерживался орган Народного сговора), и уговоры с обещаниями. В частности, обещали даже предоставить представителю РДП пост министра внутренних дел в будущем правительстве, а кроме того соглашались взять в качестве программной основы буржуазного блока декабрьскую (1921) платформу РДП. Руководители последней в конце концов отступили: 6 июля 1922 г. был подписан протокол о создании Конституционного блока в составе ОНПП, Демократической и Радикальной партий. Так РДП стала союзником не только Демократической партии, но и ОНПП, возможность чего прежде категорически отвергала.

Уступки, на которые пришлось пойти партиям крупной и средней буржуазии для привлечения к своему блоку РДП, носили своеобразный характер. В значительной степени они были фиктивными. Распределение министерских портфельей в будущем правительстве вообще было дележом шкуры неубитого медведя. В отношении же программной основы Конституционного блока дело обстояло сложнее.

Вопрос о ее характере по-разному трактуется в болгарской литературе (из советских ученых им никто специально не занимался). Так, В. Георгиев утверждает: «Программа Конституционного блока по существу представляла собой платформу, предложенную руководством Радикальной партии, на основе которой необходимо было консолидировать политический фронт буржуазии. В этой программе выражались основные представления Радикальной партии; это был документ буржуазно-либерального характера» [12, с. 265—266]. Ст. Радулов считает необходимым обратить внимание на другую сторону дела. Отмечая, что на всех этапах блокирования буржуазии в борьбе против режима БЗНС за основу бралась программа Радикальной партии, он подчеркивает: при образовании Конституционного блока платформа Радикальной партии была дополнена реакционными пунктами, что устраивало крупный капитал [4, с. 98].

Так какой же на самом деле была платформа Конституционного блока? Что собой представляли эти реакционные пункты и насколько они влияли на характер программных положений Конституционного блока в целом?

Из сохранившегося протокола заседания руководства партий, вступивших в Конституционный блок, от 11 июля 1922 г. явствует, что задача выработки проекта манифеста Центрального комитета блока к болгарскому народу с изложением основных программных положений блока возлагалась на Ат. Бурова [13]. Уже сам этот факт не позволяет говорить о сколько-нибудь механическом превращении платформы РДП в платформу Конституционного блока (как это можно понять из высказывания В. Георгиева), ибо авторство Ат. Бурова не могло не наложиться на нее соответствующего отпечатка: Буров был одним из крупнейших монополистов и финансистов страны и в то же время — активным политическим деятелем, членом руководства реакционной ОНПП, человеком отнюдь не либеральных взглядов. Короткий срок между датой указанного поручения Бурову и опубликованием в газетах обращения к болгарскому народу (15 июля) позволяет предположить, что основные положения этого обращения были продуманы составителем заранее.

Но в наибольшей степени может приблизить нас к ответу на поставленные вопросы конкретный анализ платформы РДП от 27 декабря 1921 г.

и обращения Конституционного блока к болгарскому народу от 15 июля 1922 г. Сопоставление двух этих документов показывает следующее.

Внешнеполитические лозунги обеих платформ были идентичными: миролюбивая и лояльная внешняя политика. Сама их идентичность свидетельствовала о том, что в тогдашних международных условиях никакой альтернативы такому направлению внешней политики Болгарии не существовало; с этим приходилось мириться и демократам, и народникам, в свое время выступавшим пропагандистами идеи Великой Болгарии. Возможно, что союзники РДП предпочли в этом отношении встать под ее знамена (вернее, использовать их), поскольку радикалы имели репутацию противников вступления Болгарии в первую мировую войну и, следовательно, были непричастны к жестокому поражению страны в ней.

В положениях, касающихся внутренней политики, между обеими платформами также обнаруживается в ряде пунктов большое сходство. Это относится к требованиям борьбы против коррупции (в обращении дается более энергичная формулировка); проведения реформы налоговой системы с целью добиться «справедливого налогообложения» (обращение дополняет платформу РДП: избегать новых налогов); осуществить меры для «разумного разрешения» жилищного кризиса, поощрять строительство, обеспечить бездомных дешевым жильем; прекратить произвол в отношении учителей; поощрять развитие кооперации; организовать дешевый и легкодоступный кредит; упорядочить расстроены финансы государства, осуществлять экономию государственных средств и т. п. (в обращении имеется дополнение: добиться повышения доходности государственных хозяйств и предприятий); добиться участия рабочих в прибылях предприятий (в обращении уточняется: постепенно); наделить землей безземельное и малоземельное население за счет общественных земель и крупных владельцев (обращение дополняет: при справедливом возмещении ущерба их хозяйствам). В один ряд можно поставить также требование платформы РДП обеспечить пропитание непроизводительного городского и сельского населения и требование обращения Конституционного блока бороться против дороговизны, добиться содействия в этом государственных и муниципальных органов власти. В обеих платформах была выражена, кроме того, забота об улучшении положения чиновничества, правда, на разных уровнях: в платформе РДП выдвигался пункт о праве чиновников на профессиональное объединение, а в обращении говорилось о необходимости поощрять развитие кооперации государственных чиновников и служащих для приобретения ими дешевых продуктов.

Итак, примерно в десяти пунктах обращения Конституционного блока обнаруживается совпадение или большая близость с требованиями платформы РДП. Дополнения, имеющиеся в обращении, как правило, направлены на ограничение определенными рамками мелкобуржуазной инициативы, выраженной в соответствующих требованиях платформы РДП.

Все ли положения платформы РДП нашли то или иное отражение в обращении Конституционного блока? Нет, не все. Не отражены, в частности, два социально-экономических требования радикалов, а именно пункт о введении социального обеспечения рабочих в случае смерти кормильца, несчастного случая или болезни, а также пункт, предусматривавший специальные меры для борьбы со спекулянтами, строгое их наказание. Не было включено в обращение и важнейшее принципиальное требование радикалов о расширении местного самоуправления. Несмотря на определенное поправление РДП в послевоенные годы и связанный с этим фактический ее отказ от ряда прежних программных положений, этот пункт был зафиксирован в платформе РДП от 27 декабря 1921 г.; радикалы требовали расширить и гарантировать самоуправление общин и округов, предоставив им право (под контролем государства и в определенных рамках) выделять достаточные средства для административных, санитарно-гигиенических и хозяйственных нужд. И вот это-то положение платформы РДП, пожалуй, единственное в ней, имевшее политическую направленность, осталось за бортом обращения. Было ли это случайным упущением?

Для ответа на вопрос следует сперва рассмотреть, что же нового по

сравнению с платформой РДП было внесено в обращение Конституционного блока.

Первую группу новых требований составили следующие: а) твердая и сильная власть, «опирающаяся на доверие народа и действующая в рамках закона»; б) повышение значения парламента и престижа государственной власти; в) беспристрастность правосудия, несменяемость судей; г) моральное оздоровление нации. В этих положениях и заключалась суть политической концепции обращения Конституционного блока. Несмотря на лаконичность формулировок и налет демагогии (упование на «доверие народа» и пр.), она была обозначена вполне определенно: твердая власть, повышение ее авторитета. С такой политической оснасткой обращения децентрализаторское по существу положение платформы РДП о расширении местного самоуправления находилось в явном противоречии и потому не могло быть включено в него. В итоге оказывалось, что на формулирование политических принципов обращения Конституционного блока платформа РДП влияния не имела.

Коротко перечислим другую группу требований, введенных в обращение и также являвшихся новыми по сравнению с платформой РДП: а) повышение стоимости лева; б) спокойствие и стабильность экономической жизни; в) поощрение частной инициативы; г) расширение экономической деятельности государства; д) создание экономических советов из компетентных представителей различных отраслей производства. Эти пункты отвечали интересам прежде всего «экономически сильных» слоев, а не «экономически слабых», представителем которых считала себя РДП.

Введение этих двух групп требований в обращение Конституционного блока было специфической лептой деятелей партий средней и крупной буржуазии в разработку общей политической платформы. И, разумеется, именно они определяли политическую и социальную сущность манифеста.

Однако, хотя РДП и не предназначалась роль главного партнера в таком разношерстном по составу союзе как Конституционный блок, с нею и ее лозунгами нельзя было не считаться. РДП была нужна в общеполитическом фронте или, по крайней мере, она должна была быть нейтрализована. Усилия партий средней и крупной буржуазии в этом направлении и нашли свое отражение в положениях обращения. Потому-то было сочтено за лучшее включить почти целиком в этот документ платформу РДП, несколько подкорректировав ее пункты и дополнив примерно равным количеством новых (10 : 9).

В итоге несомненно, что платформа Конституционного блока поглотила платформу РДП и изменила в известной степени ее направленность в сторону защиты интересов класса буржуазии в целом. Вместе с тем включение почти полностью в обращение платформы РДП позволяло за количеством требований радикалов скрывать определенное изменение их качества, их подчиненную роль; более того, позволяло спекулировать на псевдодикальной вывеске, что наложило отпечаток на реакционную пропаганду в 1922 и в последующие годы.

В конечном счете платформа Конституционного блока явилась результатом компромисса одного из отрядов мелкобуржуазной демократии Болгарии с партиями средней и крупной буржуазии; этот компромисс означал дальнейшее движение РДП вправо: она согласилась теперь выступать и за ряд отнюдь не мелкобуржуазных требований.

В целом создание антиземледельческого, но также и антикоммунистического Конституционного блока было успехом политики буржуазных партий. Видимо, руководители этих партий, находившихся при режиме БЗНС в более трудном положении, нежели БКП, раньше осознали необходимость сплотиться. Они стремились к достаточно широкому буржуазному фронту с охватом и мелкобуржуазной РДП, а на следующем этапе предполагался союз с Национал-либеральной партией и БРСДП(о). Ситуация же была такой, что равной заинтересованности в РДП не проявили ни бывший союзник этой партии — БРСДП(о), ни коммунисты, хотя последние и указывали в своих решениях на большую опасность сколачивания буржуазного блока.

В резолюциях состоявшегося 12—13 апреля 1922 г. заседания ВПС БКП предупреждение об угрозе, исходившей от сил реакции, звучало в полный голос. Резолюция по внутреннему и международному положению была особой важности, так как в ней признавалась большая степень опасности для рабочего класса и всех трудящихся со стороны реакционного блока буржуазии, чем со стороны режима БЗНС, в условиях которого БКП обладала возможностью привлекать под свои знамена даже широкие массы неимущих и малоимущих крестьян [8, с. 189].

Исходя из такого понимания обстановки, ВПС БКП заявлял о возможности «технического сотрудничества» с БЗНС, чем делал значительный тактический шаг вперед. В резолюции говорилось: «Любая попытка переворота со стороны буржуазии, хотя и направленная против земледельческого правительства, непосредственно угрожает и коммунистической партии; взятие власти буржуазными партиями представляет большую опасность для революционного движения» [8, с. 194].

В литературе справедливо отмечается, что БКП творчески подошла к решению этого вопроса, тем более, что в то время в Коминтерне еще не были разработаны вопросы единого фронта всех трудящихся, не было определено отношение коммунистов к аграрным партиям типа БЗНС и их правительствам [14]. Решение о техническом сотрудничестве с БЗНС, указывает П. Боев, переносило центр тяжести политики единого фронта в ту область, которая в специфических условиях Болгарии была наиболее важной и перспективной [9, с. 383].

К сожалению, этот шаг остался эпизодом. При всем новаторстве постановки вопроса в названной резолюции не было точной характеристики политической ситуации в стране. В резолюции говорилось о буржуазном блоке как об уже существующем, хотя заседание ВПС происходило раньше 15 апреля, дня, когда демократы и народняки подписали «про мемория», а до заключения Конституционного блока оставалось еще почти три месяца; не нашли отражения в документе и попытки РДП сохранить особое место на политической арене. Этими замечаниями мы хотим подчеркнуть, что БКП принимала блок уже как данное, не ставя перед собой задачи помешать процессу блокирования буржуазных партий вообще, участию в нем РДП, в частности.

Недостаточно точный учет явлений в лагере буржуазии, фактически безучастное отношение к некоторым важным процессам в нем не были устранены в дальнейшем, и это препятствовало вызреванию правильной тактики Компартии. Так, в решениях следующего важного форума БКП — заседания ее ВПС, состоявшегося в начале октября 1922 г., не нашли отражения изменения, произошедшие в лагере реакции летом того же года, переход ее в наступление «на легальной основе». Между тем лето — начало осени 1922 г. были в этом смысле важным рубежом. В это время был не только образован Конституционный блок, но и заявил о своих программных установках такой реакционный фашистский центр, как Народный сговор. В тогдашних условиях выдвигение группой «беспартийных» деятелей идеала надклассового, надпартийного государства наряду с другими реакционными идеями и в сочетании со стремлением установить в стране власть «твердой руки» нельзя оценить иначе, как важный импульс для формирования фашистского течения. Оба реакционных центра — Конституционный блок и Народный сговор — готовились к действиям и не скрывали этого. Ружье было заряжено, и оно должно было выстрелить.

Первым таким выстрелом стали Тырновские события 17 сентября 1922 г. Тогда замыслам реакции не удалось осуществиться, по Конституционному блоку был нанесен сильный удар.

Однако после того как непосредственная угроза миновала, ВПС БКП, собравшийся на очередное заседание (3—5 октября 1922 г.), зафиксировал в своей резолюции: «Коммунистическая партия, *всегда верная своей самостоятельной независимой борьбе*, следя самым внимательным образом за планами и маневрами двух борющихся сторон (т. е. реакции и БЗНС. — Р. Г.), участия в тырновских событиях не приняла» [8, с. 248] (курсив

мой. — Р. Г.). Тем самым по сравнению с апрельской резолюцией, в которой опасность со стороны реакции признавалась главной, в октябрьской — наметился отход от этой правильной оценки. И хотя в ноябре 1922 г. БКП сделала еще один важный тактический шаг, выступив совместно с БЗНС во время референдума о виновности в национальных катастрофах Болгарии бывших министров, несомненно, резолюция октябрьского ВПС БКП содержала в себе зерна политики нейтралитета, сыгравшей столь пагубную роль во время военно-фашистского переворота 9 июня 1923 г.

При этом вопросы единого фронта продолжали оставаться в центре внимания БКП. Болгарская делегация приняла активное участие в работе IV конгресса Коминтерна (ноябрь — декабрь 1922 г.), который отметил возросшую опасность фашизма в капиталистических странах, в том числе почти во всех балканских. Для отпора фашизму Коминтерн рекомендовал теснее связывать политику единого фронта с общедемократическими политическими требованиями [15]. Были приняты тезисы о тактике Коминтерна, выдвинут лозунг рабочего правительства как важной формы связи между общедемократической борьбой и борьбой за социалистические цели. Развивая эти идеи, ВПС БКП на своем заседании (21—22 января 1923 г.) принял разработанную по докладу Хр. Кабакчиева специальную резолюцию «О рабоче-крестьянском правительстве». Этот опыт был положительно оценен ИККИ [16]. БКП первой среди секций Коминтерна предприняла попытку конкретизировать лозунг рабоче-крестьянского правительства в соответствии с условиями страны [10, с. 315]. Конкретизация шла по линии определения отношения к крестьянству, что имело большое значение для всего международного коммунистического движения.

Однако резолюция содержала ряд моментов, показывавших, что болгарские коммунисты, внесшие вклад в общетеоретическую постановку вопроса о рабоче-крестьянском правительстве, весьма отдаленно учитывали ситуацию в собственной стране. В частности, отвергая политический союз с БЗНС, БКП отрицательно относилась и к БРСДП(о), которую считала мелкобуржуазной и быстро исчезающей с политического горизонта партией, не говоря уже о РДП. БКП в то время вообще перестала интересоваться радикалами, их ролью и поведением в стане буржуазии. Все более втягиваясь в политическую полемику с правительством БЗНС, отношения с которым резко ухудшились с начала 1923 г., БКП проявляла все меньше гибкости при учете соотношения политических сил и изменений в нем. Так, от внимания ее ускользнул, по-видимому, тот факт, что в результате Тырновских событий и референдума Конституционный блок оказался расстроеным и роль организаторов антиправительственных буржуазных сил перешла к Народному сговору и тайной Военной лиге, готовившимся действовать фашистскими методами, что удары, нанесенные по легальной буржуазной оппозиции, способствовали еще большему поправлению Народного сговора, в котором уменьшилось число деятелей из традиционных буржуазных партий и возросло значение группы А. Цанкова и военных [12, с. 253].

Реакция стягивала свои силы в один кулак, готовя переворот и его политическое прикрытие. В этих целях она стремилась не только укрепить расшатанные позиции Конституционного блока, но и расширить его состав. Поводом к конкретному шагу в этом направлении послужило предпринятое земледельцами в начале 1923 г. изменение избирательной системы из пропорциональной в, по существу, мажоритарную. Это нововведение должно было обеспечить правительственной партии полное преобладание в парламенте за счет дальнейшего сокращения позиций в нем остальных политических партий. Новые выборы в Народное собрание были назначены на апрель 1923 г.

Пытаясь добиться максимально возможного в тех условиях представительства, буржуазные партии стали стремиться объединить свои силы на самой широкой основе. В 20-х числах марта 1923 г. на заседаниях Центрального комитета Конституционного блока обсуждался вопрос о заключении избирательных коалиций. Из сохранившихся протоколов явствует,

что 20 марта представители ОНПП заявили о «допустимости и необходимости избирательных компромиссов с другими оппозиционными политическими группами» [17, л. 9]. Очевидно, вопрос был поставлен на обдумывание. Однако на заседании 21 марта представители РДП заявили, что их партия исключает какие-либо предвыборные соглашения, как общее соглашение, так и блоки на местах; они считали допустимой в отдельных избирательных коллегиях коалицию партий Конституционного блока (при единодушном их согласии) с остальными оппозиционными партиями и группами, за исключением Национал-либеральной партии и БКП [17, л. 9].

Позиция РДП рассматривалась на специальном заседании Центрального бюро ОНПП. Точка зрения последнего была зафиксирована в протоколе следующим образом: «Ввиду произведенных изменений избирательной пропорциональной системы, вызывающих необходимость группировки как можно более широких общественных сил для борьбы против невыносимого режима дружбашей, и принимая во внимание общее для страны стремление отстоять борьбу Конституционного блока путем избирательных компромиссов на местах с другими политическими конституционными группами, Объединенная народно-прогрессивная партия вновь подчеркивает свою точку зрения о необходимости и допустимости избирательных соглашений со всеми оппозиционными конституционными партиями в соответствии с решением местных комитетов Блока» [17, л. 10].

При таком лобовом столкновении двух партий Конституционного блока третья союзница — Демократическая партия — присоединилась к ОНПП. «Представители Демократической партии заявили, — записано в протоколе, — что принимают предложение Объединенной народно-прогрессивной партии при условии и пожелании, что Конституционный блок будет сохранен и в будущем» [17, л. 10].

Итак, радикалы оказались в меньшинстве. Но они не только не отступили, не желая блокироваться с национал-либералами, но пошли на обострение отношений с союзниками, заявив, что в случае принятия предложения народняков, РДП не сможет остаться в Конституционном блоке. Народняки в свою очередь также угрожали покинуть Конституционный блок. Демократам не оставалось ничего другого, как призывать тех и других к взаимным уступкам, имея в виду необходимость сохранения Конституционного блока [17, л. 10].

Любопытно, что в этом споре позиция РДП возобладала, о чем свидетельствуют официальные данные об апрельских выборах 1923 г. [18]. Из их анализа следует, что, во-первых, Конституционный блок был сохранен и выступал на выборах как таковой; во-вторых, избирательной коалиции Конституционного блока с Национал-либеральной партией не зафиксировано ни в одной околице; и, в-третьих, единственным партнером Конституционного блока на местах оказалась БРСДП(о) (в 8 избирательных околицах из 72).

Какими бы соображениями ни руководствовались радикалы, их сопротивление сближению Конституционного сговора с Национал-либеральной партией, считавшейся наиболее правой из всех традиционных болгарских буржуазных партий, тормозило в определенной степени консолидацию в лагере буржуазии, мешало осуществлению планов фашиствующих политиков из Народного сговора, не скрывавших своего интереса к включению Национал-либеральной партии в состав Конституционного блока. Подобное включение не означало бы механического расширения Конституционного блока, оно таило в себе опасность поправления самого блока (ср. [19, с. 396]).

Подводя итог, отметим, что на протяжении сравнительно короткого периода с конца 1921 г., когда была принята платформа РДП, до военно-фашистского переворота 9 июня 1923 г. Радикально-демократическая партия проделала значительную эволюцию и это было движение вправо. От попытки организовать мелкобуржуазный блок под своим руководством ей пришлось отказаться практически сразу же. Не удалось удержаться и на уровне «демократического блока», т. е. союза с Демократической партией. Шаг за шагом отступая, заключая все новые компромиссы, РДП вступила

в реакционний Конституционний блок, в чем традиционните буржуазни партии, а также фашистски Народни съговор проявили голяма заинтересованост. К такава еволюция РДП в известна степен изнуждаха обстоятелства, ибо, к сожалению, БКП не проявила подобна заинтересованост в привличане этой партии (или части ее) на своя страна или в неутрализацията на нея и не използваха в тези цели разногласията в лагеря на опозиционна буржуазия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Радулов Ст.* Създаването на Демократически съговор (юни — август 1923 г.) — АОНСУ. Научни трудове. Серия история, т. 64. София, 1974.
2. *Гришина Р. П.* Радикално-демократическа партия в първите години на режима БЗНС (1920—1924). — В сб.: История и култура на България. К 1300-летию образования Болгарского государства. М., 1981.
3. Радикал, 1921 18 X.
4. Български исторически архив, ф. 15, д. 1854, л. 33.
5. Радикал, 1921 17 X.
6. Радикал, 1921 26 XI.
7. *Иванов Р.* Проблемът за демокрацията в идеологията и политиката на Радикално-демократическата партия. 1920—1923. — Годишник на катедрите по научен комунизъм и история на БКП при висшите учебни заведения, год. 13, кн. 1. София, 1979.
8. БКП в резолюции и решения на конгресите, конференциите, пленумите и Политбюро на ЦК, т. II. София, 1957.
9. *Боев П.* БКП и политиката на единен фронт и работническо-селското правителство. 1921—1924. — Известия на Института по история на БКП, т. 25. София, 1976.
10. *Колева Т.* БКП и международното комунистическо движение. 1919—1924. София, 1973.
11. *Георгиев В.* Преговорите около създаването на Конституционния блок. — Векове, 1974, № 1.
12. *Георгиев В.* Народният съговор. — Годишник на Софийския университет. Исторически факултет, 1974, т. 68. София, 1979.
13. Централен държавен исторически архив (ЦДИА), ф. 493, оп. 1, д. 2, л. 108.
14. *Колева Т.* По някои въпроси за тактиката на единния фронт. 1921—1924. — Известия на Института по история на БКП, т. 35. София, 1976, с. 419.
15. *Фирсов Ф.* Проблемите на единния фронт. 1921—1924. — Известия на Института по история на БКП, т. 35. София, 1976, с. 356.
16. *Фирсов Ф. И.* IV конгрес на Коминтерна и развитие на политиката на единния фронт. — В кн.: Четвъртият конгрес на Коминтерна. М., 1980, с. 161.
17. ЦДИА, ф. 300, оп. 1, д. 141.
18. Статистика на изборите за народни представители за XX Обикновено народно събрание. София, 1927.
19. *Радулов Ст.* Народният съговор и генезисът на българския фашизъм. 1921—1923. — Известия на Института по история на БКП, т. 33. София, 1975.

НОСОВ Н. Е.

НОВЫЙ ТРУД ПО ИСТОРИИ ФЕОДАЛИЗМА В РОССИИ

Коллективный труд известных советских исследователей В. И. Буганова, А. А. Преображенского и Ю. А. Тихонова «Эволюция феодализма в России» (М., 1980, 342 с.) — книга во многом примечательная. Свою цель авторы определили как попытку подвести итоги в разработке социально-экономической истории феодальной России в новейшей историографии. При этом авторы «стремились, — это подчеркнуто во введении, — высказать и свои соображения по дискуссионным вопросам» (с. 5).

Потребность в таком обобщающем труде уже давно назрела в советской историографии в связи с расширением круга изучаемых в последние годы проблем, связанных с особенностями и характером развития феодализма в России. Подобной работой, в какой-то мере, является известное исследование А. П. Новосельцева, В. Т. Пашуто и Л. В. Черепнина «Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика)», вышедшее в 1972 г., но оно охватывает период только до XVI в. и посвящено преимущественно изучению проблемы генезиса и упрочения феодализма в различных регионах России.

Иной замысел рецензируемой книги. Иные и ее хронологические рамки. В. И. Буганов, А. А. Преображенский и Ю. А. Тихонов дают общий очерк социально-экономического развития феодализма на территории России, не включая Закавказья, Средней Азии и Прибалтики, но зато на всем протяжении его развития — с утверждения феодального строя в Древней Руси в IX—X вв. (берутся именно эти начальные даты) и до отмены в России в 1861 г. крепостного права. Авторы приводят сравнительно широкую библиографию по рассматриваемым вопросам, а главное — и это серьезное достоинство книги — стремятся сюжетно охватить все сферы социально-экономической жизни феодального общества, начиная от его аграрной истории и кончая историей города, промышленности, торговли. В отдельные главы выделена история классовой борьбы. Вопросов изучения общественного и политического строя феодального государства авторы, как правило, не касаются.

Собранный ими огромный материал, его тщательный и всесторонний анализ, внимательное и объективное отношение к различным точкам зрения исследователей по рассматриваемым вопросам, учет новейших научных дискуссий, связанных с изучением общих и частных проблем исследования истории феодализма в России, — делают рецензируемую книгу ценным и полезным обобщающим трудом по отечественной истории капиталистической эпохи. Положительным фактом является и то, что в книге не только суммируются и обобщаются итоги разработки темы в советской науке, но и почти каждому вопросу дается оценка, пояснения, комментарий. Авторская индивидуальность выражена в книге отчетливо и ярко.

В нашем критическом очерке вряд ли целесообразно излагать содержание книги, а равно и авторские выводы, которые в целом мы разделяем и

которые соответствуют основным научным достижениям советской историографии по истории феодализма в России. Поэтому остановимся лишь на тех, преимущественно спорных проблемах, в трактовке которых мы расходимся с авторами, или считаем, что даваемая ими оценка нуждается в дополнительной аргументации, но это ни в коей мере не может быть свидетельством неудачного решения авторами основных проблем книги. Мы в равной степени, как и авторы, являемся участниками общей дискуссии о судьбах феодализма в России и наши замечания лишь мнение одного из ее участников. Эту особенность замечаний мы хотели бы подчеркнуть.

Книга состоит из двух частей. Первая часть посвящена изучению феодального строя в России в IX—XVI вв., вторая — его эволюции в XVII — первой половине XIX в. Это деление соответствует и общей концепции, развиваемой авторами, а именно, что до XVII в. в России была «восходящая стадия» феодализма, а в дальнейшем на протяжении XVII—XVIII вв. и вплоть до середины XIX в. происходит его «нисхождение» и зарождение в его недрах капиталистических отношений, которые окончательно утвердились в стране после отмены крепостного права в 1861 г.

Такая точка зрения в целом широко распространена в советской историографии. Поэтому авторы могли взять ее за основу при построении книги, хотя нельзя не отметить, что она, как уже отмечалось во время дискуссий о периодизации отечественной истории, излишне схематизирует процесс эволюции феодализма, особенно в позднефеодальный период, развитие производительных сил при котором не всегда можно подвести под рубрику «нисхождение». У нас вызывает возражения другое — более скупое освещение вопроса о генезисе феодализма по сравнению с характеристикой кризиса феодально-крепостнической системы и зарождения капитализма в России. Иначе говоря, периоду «нисхождения» формации авторы уделили больше места, чем ее развитию по «восходящей» линии.

История генезиса феодализма в России — один из наиболее сложных и дискуссионных вопросов советской историографии. Почти все наиболее крупные советские ученые-медиевисты, работающие в области русской истории, в той или иной степени обращались к этой проблеме. Литература вопроса огромна¹. Поэтому изложение истории Киевской Руси, первого раннефеодального государства на территории России, требует мобилизации очень большого и сложного историографического материала. Авторы в целом успешно справились с этой задачей, хотя даваемые ими общие оценки генезиса феодализма в России не утратили дискуссионности.

Начинается книга с описания территории и населения Древней Руси с конца первого тысячелетия н. э. и до XVII в. Это достаточно обстоятельный и интересный очерк. Далее идет специальная глава, являющаяся, по существу, одной из центральных в книге и несущая поэтому особую историографическую и исследовательскую нагрузку, посвященная характеристике эволюции земледелия и аграрного строя России за этот же почти 800-летний период. К сожалению, при таком масштабном (хронологически) изложении материала вопрос о генезисе раннефеодальных связей занимает сравнительно ограниченное место. Авторы, по существу, разделяют взгляды Л. В. Черепнина, наиболее полно изложенные им в указанной выше книге. Л. В. Черепнин, опираясь на труды Б. Д. Грекова, впервые выдвинувшим и наиболее широко обосновавшим тезис о Киевском государстве, как государстве раннефеодального типа, вносит в них ряд существенных дополнений. По ряду вопросов он дает новую интерпретацию материала. Так, Б. Д. Греков, конструируя свою концепцию, исходил из положения о существовании в Киевской Руси уже в X—XI вв. феодальной вотчины-сеньории, как основе феодализма, а Л. В. Черепнин, не отрицая сеньориальных черт раннефеодального строя этого периода, придает большее значение, чем Б. Д. Греков и его сторонники (например, И. И. Смирнов), роли государства и, в первую очередь, княжеской власти в конституировании социальных и политических институтов Древней Руси.

¹ Подробнее об этом см. в коллективных трудах [1, 2 .

В книге эти проблемы излагаются преимущественно лишь в социальном аспекте (о политической роли княжеской власти и городов в процессе образования древнерусского государства только упоминается). Авторы констатируют, что «на протяжении IX—XI вв. процесс складывания частной земельной собственности находился в своей начальной стадии. Его отчетливое проявление наметилось в XI—XII вв. Как раз на это время и падает переход от стадии раннего к стадии развитого феодализма» (с. 35). Авторы, правда, не уточняют, когда начался этот процесс у восточных славян. Приднепровья (Киевская Русь) и Приильмежья (Новгородская Русь), не вполне ясно и о какой собственности идет речь — княжеской, боярской или крестьянской (аллоидальной). Не затронут и вопрос о корпоративной городской земельной собственности и роли в ее конституировании княжеской власти и городского вече. В то же время «многоукладность» социально-экономического строя Киевской Руси, о которой пишут авторы и которой, по их мнению, «соответствовали разные виды собственности — общинная, государственная, княжеская, боярская, церковная, городская», — свидетельствует о чрезвычайной сложности процесса генезиса феодализма в Древней Руси, его большим своеобразием по сравнению со странами Западной Европы (Германией, Францией, Англией). В отечественной историографии Киевской Руси уже давно идет полемика о том, какие из названных видов собственности следует причислять к каким укладам и какой вид собственности типично феодальный. В частности, каково соотношение государственной и княжеской собственности, общинной (крестьянской) и городской и т. д. Без раскрытия указанных положений полемика авторов с И. Я. Фрояновым, полагающим, что до XII в. в Киевской Руси преобладало общинное землевладение (крестьянское и городское), а крупное частное землевладение (княжеские и боярские сеньории) было еще сравнительно незначительно, носит слишком общий характер. Нужны новые, более развернутые доказательства, а тем более документальные свидетельства, в пользу либо концепции Б. Д. Грекова о господстве феодальной сеньории уже в X—XI вв., либо мнения о государственном феодализме Л. В. Черепнина, полагающего, что «окняжение» общинных земель уже в киевский период превращало государственную территорию в княжескую собственность, а дань, которой облагались общинники в пользу государства, — в феодальную ренту. Только после ответа на эти вопросы, по которым в настоящее время идет острая научная дискуссия, можно достаточно уверенно говорить о времени перехода Древней Руси «от стадии раннего феодализма к стадии развитого феодализма».

Не менее сложным является вопрос о происхождении и судьбах общинного чернососного землевладения и его роли в развитии русского феодализма в IX—XVI вв., иначе говоря, о социальной природе чернососной волости. Этот вопрос также стоит в центре внимания указанного исследования Л. В. Черепнина в связи с его известной полемикой с И. И. Смирновым по истории русского крестьянства XIV—XV вв.

Авторы справедливо пишут, что вплоть до XIV—XVI вв. «чернососные земли были главным источником для создания и расширения светских и духовных феодальных владений» (с. 36). В то же время, говоря о борьбе крестьян против посягательств на черные общинные земли вотчинников, а с конца XV в. и помещиков, авторы не признают юридических прав чернососных (государственных) крестьян на занимаемые ими волостные (общинные) земли. Они полагают, что еще со времен Киевской Руси «черные земли находились в феодальной собственности русских князей, которые жалованными грамотами отдавали боярам, дворянам и монастырям черные земли или санкционировали уже совершенный захват» (с. 37). Таким образом, речь шла не о захвате общинных земель феодалами в процессе феодализации (синьория против общины), а лишь о перераспределении государственного земельного фонда между различными представителями господствующего класса (князьями, боярами, монастырями). Мы не можем согласиться с подобной трактовкой проблемы классовой борьбы крестьянства за землю. Мы разделяем мнение тех исследователей (И. И. Смирнов, А. И. Копанев, Ю. Г. Алексеев), которые, как в свое

время и Б. Д. Греков, полагают, что даже в период развитого феодализма чернососшные крестьяне были фактически собственниками занимаемых ими земель и промысловых угодий (князь выступает верховными собственниками всей государственной территории лишь номинально) и именно это определяло принципиальное отличие их положения от положения крестьян в феодальной вотчине и поместье, крестьян, юридически несвободных, не собственников, а лишь владельцев земли. С нашей точки зрения, основная борьба за землю при феодализме шла между крестьянскими общинами и феодалами: в период становления феодализма — против ее захвата светскими и духовными феодалами, а в период разложения феодального строя и зарождения капиталистических отношений — за возвращение земли крестьянам. Борьба за землю между различными слоями господствующего класса — боярством, дворянством и церковью играла большую роль в жизни феодального государства, была нередко крайне ожесточенной, оказывала существенное влияние на его политические судьбы, но все же не она определяла основной стержень классовых противоречий в феодальном обществе ни на ранней, ни тем более на поздней стадии его развития. «... В русской деревне, — писал в 1903 г. о борьбе крестьян за землю В. И. Ленин, — всегда происходила и теперь происходит эта великая борьба, хотя не все видят ее, не все понимают значение ее» [3].

В равной степени мы не можем согласиться с авторами в том, что «справилен тезис», выдвигаемый в последнее время рядом исследователей (А. Д. Горским, С. М. Каштановым, В. Д. Назаровым, О. М. Раповым, Я. Н. Шаповым) об «объединении» в понятии феодальной ренты и вотчинных и государственных повинностей сельского населения (см. с. 34—37, 40—41, 44—46), исходя из которого они, вслед за Л. В. Черепниным, относят «дань» уже в киевский период целиком к феодальной ренте. Мы полагаем, что Б. Д. Греков был более прав, когда писал, что в Киевской Руси княжеские дани «при систематической повторяемости довольно рано превратились либо в государственную подать, либо ... в докапиталистическую земельную ренту» [4]. Подобный дифференцированный подход к оценке феодальной ренты и государственных налогов особенно необходим при изучении налогообложения чернососшного крестьянства XV—XVI вв., периода образования Русского централизованного государства. Напомним, что в число важнейших государственных налогов и повинностей этого периода входили, помимо дани (к началу XVI в. уже потерявшей свое былое значение основного налога), ямские деньги, примет, посоха, городовое, засечное и ямчужное дело (кроме дани и ямских денег, все повинности — военного происхождения). К ним следует добавить посошный наместничий корм и тамгу. Именно эти налоги и повинности, которые несли на своих плечах чернососшные крестьяне и посажане, отнюдь не являлись формой ренты, в отличие от повинностей и поборов (оброка) в пользу светских и духовных феодалов за пользование землей, взимаемых с владельцев земельных крестьян. Там это действительно земельная феодальная рента — натуральная, денежная или отработочная. Смешение существа вотчинных (сеньориальных) и государственных повинностей представляется нам неправильным. Но именно оно и лежит в основе концепции о существовании «государственного феодализма» и в Киевской, и в Московской Руси, которая в последнее время выдвигается многими исследователями русского феодализма. Что касается крайней близости (почти тождества) в феодальном праве периода средневековья государственных и частнопровинных норм и институтов, то это явления уже иного порядка, требующие и иного объяснения.

Интересный материал приводится в первой части книги по истории русского города, промышленности, внутренней и внешней торговли России до XVII в.

Здесь дается характеристика экономической жизни русского города, как центра торговли и ремесла, показывается его роль в развитии Киевского государства, а позднее всей Великороссии. Авторы специально останавливаются на роли городов в процессе образования Русского централизованного государства в XIV—XVI вв.

Они наглядно показывают, что развитие торговли и ремесла — существенный элемент в жизни феодального общества на всех этапах его развития, начиная с IX в. и вплоть до XVII в. Но сама торговля, по мнению авторов, даже в XVI в. «оставалась феодальной по своему характеру» и «по своим основным чертам». В числе последних авторы называют ассортимент товаров, цестрый социальный состав участников, многочисленность продавцов, обособленность рынков друг от друга, сохранение таможенных барьеров, разнообразие торговых сборов (с. 76, ср. с. 73). Мы не уверены, правда, что все указанные черты — специфические особенности феодализма. Более существенно то, что в период средневековья натуральное хозяйство явно преобладало над рыночным, особенно в сфере аграрного производства, хотя и в промышленности была широко распространена работа на заказ. Но так было в основном до XVI в., когда товарно-денежные отношения начинают нарушать феодальный характер производства, особенно в городах и на территории черносошных волостей, и на их базе начинают развиваться в России раннебуржуазные связи, еще спорадические, слабые, но уже в какой-то степени деформирующие старый феодальный порядок. Авторы отрицают, что конец XV и особенно XVI в. явились в этом отношении переломным этапом в истории России, считая, что только с начала XVII в. можно говорить о существенных сдвигах в сфере общественного производства, знаменующих собой (появление мануфактур) начало генезиса капитализма. Нас не убедили доказательства авторов, тем более, что они сами же признают, что уже в XVI в. «доля рыночного продукта» «значительно возрастает практически во всех отраслях городского и сельского ремесла», появляется простая кооперация («в ряде случаев капиталистическая»), растет наемный труд и даже «возникают единичные мануфактурные предприятия», обслуживающие преимущественно казну (с. 70, ср. с. 74). Следует отметить, что размеры наемного труда в феодальном хозяйстве до XVII в. обычно занижаются в литературе в результате отнесения его смешанных форм, например, института половничества на черносошных землях и системы заемных кабал, скрытого найма, в промышленности к формам сугубо феодальной эксплуатации.

В специальном очерке, посвященном характеристике классов и сословий феодальной России, особое внимание уделено проблеме рабства (холопства) и крепостничества в Киевской и Московской Руси и их роли в общем процессе феодализации. Авторы подчеркивают, принимая в основном выводы А. А. Зимина, значение института холопства в оформлении крепостного права, его влияние на развитие и формы феодальной зависимости крестьянства Киевской Руси, проживающего в княжеских и боярских селах. В трактовке проблемы «смердов» авторы, по существу, ближе к позиции Б. Д. Грекова, писавшего о существовании свободных и зависимых смердов — крестьян. Что касается проблемы государственного закрепощения русского крестьянства в XVI в., то авторы присоединяются к тем исследователям (Б. Д. Греков, И. И. Смирнов, Л. В. Черепнин, А. А. Зимин, В. И. Корецкий, Р. Г. Скрынников, А. Д. Горский), которые полагают, что основной причиной закрепощения крестьянства было развитие в XVI в. барщинного поместного хозяйства, как следствия роста товарно-денежных отношений (с. 50—52). Высказанное же в новейшей литературе мнение (А. Л. Шапиро, Л. В. Данилова, В. М. Папеев, Г. В. Абрамович, Н. Е. Носов), что в России из-за потребностей главным образом государственного тягла процесс оформления крепостничества обогнал развитие барщины, авторы отклоняют. Полагаем, что та и другая точки зрения, как и сама проблема, нуждаются в дальнейшем изучении. Вопрос дискуссионен.

Вторая часть книги — подробный и весьма интересный общий очерк развития феодально-крепостнического строя России и его кризиса, как системы производственных отношений. Стержень всего изложения — характеристика зарождения в недрах русского феодализма раннекапиталистических отношений. Авторы прослеживают этот процесс во всех сферах экономической и социальной жизни России XVII — первой половины XIX в., начиная от подробного освещения развития сельского

хозяйства, форм земельной собственности, положения крестьянства и хозяйственной деятельности помещиков и кончая очерками по истории промышленности, городов, внутренней и внешней торговли, истории классовой борьбы. Особое место уделяется проблеме складывания всероссийского рынка, как главного и основного показателя зарождения в России капиталистических отношений.

В книге показан интенсивный рост в XVII—XIX вв. товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве, что находило свое отражение как в повышении товарности сельскохозяйственного производства, его связей с рынком, так и эволюции самих форм феодальной земельной собственности, основу которой составляли дворянские имения, в направлении превращения ее из сословной в бессословную. Но анализируя этот общий процесс, авторы в то же время наглядно показывают, что царское правительство даже разрешая в XVIII в. приобретение земель промышленниками-мануфактуристами, а по указу 1801 г. и указу о «вольных хлебопашцах» 1803 г. — купцами, мещанами и государственными крестьянами, всемерно оберегало привилегии «первенствующего сословия» (с. 170—174).

Характерна и эволюция феодальной ренты, в которой по мере товаризации поместного хозяйства уже во второй половине XVIII — начале XIX в. основное место занимает барщина (накануне реформы 1861 г. — около 70%) и денежный оброк (около 30%), которые сочетаются в сфере промышленного предпринимательства с припиской крестьян к мануфактурам, заводскими «отработками» и иными формами полукрепостной промышленной эксплуатации. И все это, вплоть до начала XIX в., на фоне резкого ожесточения крепостного права и вызванной им сословной приниженности и бесправия владельческого крестьянства.

В книге убедительно показан упадок феодально-крепостнической системы производства, породивший уже в конце XVIII в. ее общий кризис, связанный с развитием русской промышленности, в которой в XVII—XVIII вв. активно функционирует мануфактурное производство (казенное и частное), начавшее перерастать уже в середине XIX в. в фабричное производство. Относя «начало мануфактурной стадии» капитализма в России к XVII в. и показывая весьма сложный путь проникновения новых капиталистических отношений в русскую экономику (главным тормозом была господствующая в стране феодально-крепостническая система производства), авторы в то же время, и, с нашей точки зрения, вполне оправданно, проводят мысль, уже нашедшую свое подтверждение в новейших исследованиях историков-экономистов, о необоснованности существовавшего ранее представления о «всеобъемлющем» характере принудительного труда на русских мануфактурах XVII—XVIII вв. Они полагают, что роль наемного труда на промышленных предприятиях этого периода была реально выше. «Множество крестьян фактически обслуживали крупные предприятия, не значась юридически на них» (с. 212). Особенно была распространена работа на дому, по найму, в текстильной промышленности. Процессу закрепощения и «привязки» к промышленным предприятиям противостояло отходничество крестьян в производство, — подчеркивают авторы (с. 215).

Все это дает им основание сделать вывод, что «мануфактура со всеми ее противоречиями и наслоениями эпохи являла собой уклад капиталистического общества в недрах феодализма». При этом они исходят из того, что при определении характера промышленного предприятия не достаточен критерий — «крепостническое (принудительный труд) и буржуазное (труд вольнонаемный)», а обязательно нужно установить «цель производства»: «создание потребительной или меновой стоимости» (на рынок) (с. 212—215). Анализируя эти критерии, авторы и высказывают мнение, что «эксплуатация подневольного труда на мануфактуре в целях обслуживания прямого или косвенного рыночного спроса (включая... поставки в казну с соответствующей денежной компенсацией) ... ступень в буржуазной эволюции производства». По этим же причинам, — отмечается в книге, — «казенные предприятия (XVIII — первой половины XIX в. —

Н. Н.) в ряде случаев правомерно рассматривать как прообраз государственно-капиталистического уклада в социально-экономическом строе России» (с. 214—215). Мысль, заслуживающая самого пристального внимания.

Итак, авторы настойчиво проводят мысль (в какой-то степени это стержень всей их концепции), что процесс генезиса капиталистических отношений реально начался в России только с XVII в. и только тогда происходит «весьма заметный сдвиг» в ее экономике: «широкое развитие получает мелкое товарное производство, мануфактура становится устойчивой формой крупной промышленности» (с. 219). Но в литературе уже отмечалось (имеем в виду исследование С. В. Бахрушина, Е. И. Заозерской, А. И. Копанева, Р. Б. Мюллер, К. Н. Сербиной, а также наши работы), что рост рыночных связей, развитие мелкого товарного производства, сопровождающееся социальной дифференциацией среди горожан и крестьян (особенно на черносошных землях русского Севера), накопление купеческих капиталов и начало их перемещения в сферу производства (например, в соляные промыслы, наглядным свидетельством чего является деятельность Строгановых), появление первых казенных мануфактур (Пушечный двор), английская канатная мануфактура в Вологде и иные подобного рода явления раннебуржуазного типа заметны в России уже в середине XVI в., примерно в одно время с повсеместным распространением в феодальном хозяйстве, на вотчинных и поместных землях центральных и северо-западных районов страны, денежной ренты и началом широкого развития барщины (разные классы приспособлялись к товарному хозяйству по-разному)². Что же касается общего государственного закрепощения крестьян в конце XVI в., то оно не только и не столько затормозило этот процесс (имеем в виду зарождение раннебуржуазных связей), но и придало ему иные формы — уже в XVII в. (в этом авторы совершенно правы) на смену преимущественно мелким крестьянским и купеческим промышленным кооперациям не крепостнического типа пришла крепостная мануфактура и жесткая правительственная регламентация любого частного промышленного предпринимательства — явления, столь характерные для всего экономического развития России позднейшего периода, вплоть до середины XIX в. Недооценка истоков этого процесса, а они падают на XVI в., вряд ли правомерна.

Важное место в книге отводится проблеме складывания всероссийского рынка как индикатора, который наиболее точно отразил кризис феодального производства и зарождение капитализма. Авторы решительно выступают против исследователей, которые отрицают «неразрывные связи» между этими процессами и полагают, как пишут И. Д. Ковальченко и Л. В. Милов, что не рынок создает товарное хозяйство, развивающееся в капиталистическом направлении, а «торговля в тесном взаимодействии с системой товарного производства создает рынок» (с. 221—222). Иначе говоря, вводятся две формы единого рынка: товарный рынок и капиталистический рынок, причем только на последнем товарная форма рабочей силы выходит на первый план.

Авторы книги возражают против указанного деления, считая «необоснованным» «положение о едином товарном рынке и едином капиталистическом рынке», как «двух типах единого рынка». По их мнению, «имеется лишь один рынок — единый, национальный, капиталистический», поскольку «в буржуазные связи позднефеодального общества обязательно надо включать производственные отношения, возникающие в раннекапиталистических производственных ячейках». Такие связи появляются, с их точки зрения, в XVII в. и именно они создают предпосылки для образования всероссийского рынка (с. 222—223).

Характеризуя эти положения, авторы особое внимание обращают на развитие ярмарочной торговли в XVIII—XIX вв. Показан в книге и процесс перерождения торгового капитала в торгово-промышленный. Поставлен вопрос о неправомерности применения разных хронологических

² Подробнее об этом процессе см. в коллективном исследовании [5].

параметров для оценки аграрного (хлебного) и промышленного рынка в России. «По нашему мнению, — пишут авторы, — единый национальный рынок являлся общим для всех товаров, ибо являлся категорией, эволюционирующей в капиталистическом направлении товарного хозяйства» (с. 234). Мы разделяем этот взгляд. Что касается степени развития национального рынка, то авторы считают, что «наиболее показательным его критерием (в то же время его основой) является уровень рынка наемной рабочей силы», хотя и другие его проявления (углубление общественного разделения труда, рост городов и населения, занятого в промышленности, порайонная специализация, интенсивность товарообмена и т. д.) «могут быть обозначены и теоретически и конкретно-исторически». Как видим, по характеру и широте критериев процесс образования национального рынка по своим основным показателям приравнивается при таком истолковании к процессу зарождения и развития капитализма как формы общественного производства. Думаем, правда, что тут нужны оговорки. Уровень и динамику рыночных цен, например, цен на хлеб, обычно рассматривают как наиболее надежные индикаторы степени развития и характера рыночных связей. Авторы же считают, что процесс ценообразования не всегда «может дать полное представление об уровне развития рынка» (там же).

Очень содержательным представляется раздел, посвященный классово-сословному строю России XVII — первой половины XIX в. Приводимый в нем материал о положении дворянства наглядно показывает эволюцию господствующих сословий в сторону их обуржуазивания, приспособление поместного хозяйства к новым экономическим условиям, в которых купцы и промышленники, как представители нового зарождающегося капиталистического общества, приобретают все большее значение. Подробно охарактеризован в книге процесс формирования правительственной бюрократии — чиновничества, которое уже в XVIII в. играет важнейшую роль в развитии государства и выступает как наиболее надежная опора самодержавия. Несмотря на «одворянивание», новая русская бюрократия — и это авторы подчеркивают — по своим социальным функциям все более приобретает черты буржуазности, а в своей деятельности обеспечивает известную «надклассовость» верховной власти (с. 246—247). Все это приводит к эволюции социального облика господствующего класса, и в первую очередь, дворянства, которое становится «достаточно гибким, приспособленным к новым условиям классом — сословием» (с. 250).

Не менее сложные социальные процессы протекали в позднефеодальный период в среде владельческого и государственного крестьянства России. С одной стороны, на протяжении XVII в. барские крестьяне и холопы превращаются в единую массу крепостных крестьян, главную рабочую силу дворянских имений, в которых в XVIII — начале XIX в. процветает барщина, с другой, растет социальная дифференциация и происходит втягивание крестьян в торговлю и промыслы. Особенно заметен этот процесс на государственных и дворцовых (удельных) землях. Это приводит к интенсивному развитию в деревне мелкотоварного хозяйства в буржуазном направлении. Привлечение крестьян в качестве рабочей силы к мануфактурному производству стимулировало этот процесс. И это несмотря на то, что «насильственное переселение, приписка к заводам и другие меры сковывали инициативу казенной деревни, насаждали в ней дух крепостничества» (с. 253). Поэтому авторы совершенно правильно отмечают, что эти процессы уже в первой половине XIX в. приводят к перераспределению населения России по сферам производства в пользу промышленности (с. 256—257 и сл.).

Специальный раздел посвящен городским слоям (мещанам, купцам, промышленникам), а также характеристике разночинцев XVIII — середины XIX в., как своеобразного «социального продукта» переходной эпохи от феодализма к капитализму. Процесс складывания «третьего сословия» в России показан в книге достаточно наглядно и убедительно (с. 258—259, 263—268). Обоснован и общий вывод авторов о «вторжении

в классово-сословную структуру феодального общества явлений классово-образования буржуазного типа» (с. 263).

Завершает книгу очерк о классовой борьбе в России в XVII — первой половине XIX в., в которой авторы выделяют три этапа: от начала XVII в. до Соборного уложения 1649 г., от Уложения до Крестьянской войны под руководством Емельяна Пугачева и от конца XVIII в. до отмены крепостного права в России в 1861 г. В своей совокупности характеристика классовой борьбы крестьян, холопов, рабочих людей и казачества против феодально-крепостнических устоев Российской монархии дает ясное представление о тех антифеодальных силах, которые разрушали феодальные порядки, вели активную борьбу против феодальной эксплуатации и идущей ей на смену эксплуатации капиталистической. Крестьянские войны XVII—XVIII вв. являлись в подлинном смысле народными войнами против всего самодержавно-крепостнического строя, сыграв огромную роль в эволюции феодализма в России, его окончательном распаде в середине XIX в.

Все вышеизложенное дает основания сделать вывод, что авторы в целом успешно справились с поставленной перед ними задачей. Им удалось в достаточно убедительной и сравнительно сжатой форме показать основные особенности и тенденции развития русского феодализма, раскрыть этот сложный процесс во всем многообразии его форм, порожденных как общими, так и специфическими (национальными) особенностями тысячелетней истории феодальной России. Приводимые в книге характеристики, научные оценки, частные и общие заключения в полной мере соответствуют уровню изучения этих проблем в новейшей советской историографии. И хотя отдельные положения авторов нуждаются в уточнениях, ряд выводов дискуссионен или недостаточно апробирован в исследовательской литературе, в которой немало белых пятен и неизученных проблем (и именно это зачастую делает позицию авторов особенно трудной), рецензируемая книга представляет собой существенный шаг вперед в решении такой сложной проблемы, как разработка общей концепции развития феодализма в России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Советская историография Киевской Руси. Л., 1978.
2. Советское источниковедение Киевской Руси. Л., 1979.
3. Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 7, с. 194.
4. Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1949, с. 134, 135—140.
5. Аграрная история Северо-Запада России XVI века, кн. 1—3. Л., 1971—1977.

ЖИТИЕ ИОАКИМА ОСОГОВСКОГО КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Житие Иоакима Осоговского — один из слабо изученных источников по балканской истории. Оно известно в науке сравнительно давно, однако ему еще не было уделено должного места в трудах ученых.

До нашего времени дошло несколько списков жития Иоакима и службы ему. Самый ранний список службы относится к XIII в. Она писана на пергамене, мелким уставом с небольшими инициалами и киноварными заставками [1, с. 83]. Рукопись хранится в Софии в Народной библиотеке им. Кирилла и Мефодия [2].

Второй список службы относится к концу XV в. [3, с. 81] и помещен в сборнике из собрания Церковно-исторического музея и института в Софии [4]. Текст этого списка восходит к тексту службы XIII в. Третий список, о котором упоминает Й. Иванов [5, с. 45], датируется второй половиной XVIII в. До нас дошел еще один список службы XVIII в., помещенный в Хилендарской рукописи вместе с житием Иоакима [5, с. 44].

Старший из сохранившихся списков жития Иоакима Осоговского датируется XIV в. Это так называемый Скоплевский список, упоминаемый Й. Ивановым [6, с. 416—417]. Второй по старшинству синодальный список жития относится к XV в. В памятнике отсутствуют начало и конец. Рукопись писана на бумаге полууставным письмом. Она содержится в уже упомянутом сборнике XV в. из Церковно-исторического музея и института [4, с. 185—228]. Известен в науке также и Белградский список, датируемый XVI—XVII вв. [6, с. 405—418]. В 1789 г. Феодор Леков сделал копию с неизвестного списка в Хилендарском монастыре. Дальнейшая судьба рукописи неизвестна. Мы знаем лишь, что в начале XX в. она находилась у частного лица [5, с. 45]. И, наконец, самый поздний список был открыт Й. Ивановым в архиве Н. Герова, где он до сих пор и хранится [7]. Этот список иллюстрирован рисунками художника Ст. Доспевского, выполнившего их в одном из монастырей. Письмо Найдена Герова к игумену этого монастыря, датированное концом 1865 г., позволяет отнести список приблизительно к 1866 г. [8].

Сведения об Иоакиме Осоговском содержатся и в некоторых других памятниках [1, № 7, 304; 9].

Первая публикация жития подвижника была осуществлена В. И. Ламанским, издавшим его по Белградскому списку в 1864 г. [10]. Следует, однако, отметить некоторые недостатки этого издания. Текст памятника был напечатан с редакторскими поправками: титлы раскрывались, написание слов осовременивалось, ряд цифр заменялся буквами.

Вторично Белградский список был издан в 1876 г. С. Новаковичем [11]. Это издание страдает теми же недостатками, что и первое. Кроме того, автор, по его собственным словам, затруднялся в прочтении некоторых слов и выражений, что объясняет разночтения, возникающие при сопоставлении его публикации с другими изданиями. Более того, С. Новако-

вич явно добавил от себя отдельные слова и выражения, которые хотя и не содержат новой информации, но все же отдалают текст публикации от оригинала. Например, в эпизоде перехода Феодора в игумены, С. Новакович дополнил от себя: «и се нарече Феофан».

Удачнее всего Белградский список издал Й. Иванов [6, с. 405—418]. Ученый наиболее точно воспроизвел оригинальный текст памятника и опубликовал ряд разночтений по другим спискам, что делает его издание особенно ценным ввиду труднодоступности многих рукописей с житием Иоакима Осоговского [6, с. 416—417].

Отдельные отрывки из жития и службы Иоакиму напечатаны также в описаниях рукописей Б. Цонева и Е. Спространова [1, с. 83; 3, с. 83].

Перевод жития на новоболгарский язык в 1900 г. выполнил Д. Маринов [6, с. 405]. К сожалению, нам не удалось обнаружить эту книгу в болгарских библиотеках и она осталась за рамками нашей статьи¹.

О житии Иоакима Осоговского нет целостного научного исследования. Однако памятник довольно часто упоминается в различного рода произведениях и научных работах. Первым в болгарской историографии об Иоакиме упомянул Паисий Хилендарский. В одной из глав своей «Истории славяноболгарской» (1762) он пишет: «Святой Иоаким Сарандапорский пустыножитель провел в этой пустыне долгие годы и славно почил. Но вот уж несколько лет основанный им монастырь захирел, а мощи святого покоятся то ли в земле, то ли их куда-то перенесли монахи и поэтому неизвестно, где они сейчас находятся» [12].

Различных сторон деятельности подвижника ученые уже касались в своих работах: Й. Иванов [6, с. 404—405; 13, с. 96], В. И. Ламанский [10, с. 122], С. Новакович [11, с. 285; 14, с. 161], В. Н. Златарский [15, с. 121], Н. Ястребов [16, с. 84]. Все они, однако, ограничиваются замечаниями общего характера или описанием основанного Иоакимом монастыря. Более подробно на деятельности пустыножителя останавливается Х. Попов [17, с. 932—933], но его интересуют главным образом религиозные добродетели подвижника. То же самое можно сказать и о заметках в труде Филарета Черниговского [18, с. 41—43].

Из историков-марксистов отдельные места из жития Иоакима Осоговского использовал Г. Г. Литаврин [19, с. 18—19, 95—96, 118], раскрывая различные стороны жизни болгар в период византийского владычества. Отдельные упоминания об Иоакиме содержатся также в исследованиях Г. Нешева [21, с. 150—153], В. Мошина [22], А. А. Турилова [23, с. 42].

Необходимость целостного исследования всех известных на сегодня списков службы и жития уже давно назрела. Оно обогатит наши представления о быте, мировоззрении и истории Балкан эпохи средневековья и Возрождения.

По данным жития, Иоаким Осоговский был простым монахом, который, разочаровавшись в мирской суете, стал отшельником и поселился в Осоговском лесу, посвятив себя посту и молитве. В конце жизни он сотворил первое чудо — указал бедным охотникам, где им следует искать добычу. После смерти подвижника его мощи начали творить чудеса и были перенесены игуменом Феофаном в основанный святым Осоговский (Сарандапорский) монастырь. Слава о них разнеслась далеко за пределы монастырских земель. Житие сообщает о нескольких случаях духовного и физического исцеления при поклонении мощам, а также и о суровом наказании некоторых недостаточно благочестивых богомольцев.

Житие условно можно разделить на три части: вступление, жизнь Иоакима и чудеса, творимые его мощами. Первая из них почти не содержит беллетризованных элементов. В ней в традиционной форме рассказывается о сотворении мира и попытках дьявола завладеть человеческой душой. С исторической точки зрения самое важное здесь — упоминание о «большой четверке» южнославянских подвижников — Иоанне Рильском, Прохоре Пшинском, Гаврииле Лесновском, Иоакиме Осоговском. Они

¹ Но в рецензии на нее отмечается, что публикация осуществлена по тексту жития, содержащемуся в рукописном сборнике 1847 г., который находится в митрополии г. Скопле [20].

называются последователями раннехристианских святых, и сам факт употребления их имен вместе дает возможность приблизительно датировать описанные в памятнике события.

Вторая часть жития посвящена жизни Иоакима. Она крайне мала по объему. Агиограф явно не знал Иоакима лично и, очевидно, не был его современником. Здесь лишь сообщается, что подвижник решил стать пустынноиком и отправился в Осоговский лес, получив напутствие одного из бояр. В лесу он вел аскетический, характерный для всех монахов-отшельников, образ жизни. Здесь также говорится об уже упоминавшейся нами встрече с охотниками. Гораздо больше места отводится аскезе Иоакима. Скучные факты о его жизни могут служить основой вывода о том, что житие появилось значительно позже канонизации подвижника. В пользу этого говорит сравнение жития с другими агиографическими памятниками, написанными учениками и соратниками подвижников. Такие агиографические повествования обычно пестрят описаниями различных случаев из жизни житийных героев.

Третья часть посвящена чудесам, якобы творимым мощами Иоакима. В ней содержится масса фактического материала, однако их историческая достоверность нуждается в тщательной проверке для отделения зерен истины от более поздних наслоений. Только таким образом можно получить правдивые сведения об эпохе, в которую жил Иоаким Осоговский.

Правильная датировка памятника и описанных в них случаев, равно как и установление авторства, могли бы расширить наши представления о болгарской культуре времен средневековья и Возрождения.

Датировка жития затруднена противоречивостью содержащихся в нем данных. Поскольку имя Иоакима упоминается среди имен «большой четверки», можно предположить, что он жил в конце X — XI в. (Иоанн Рильский умер в 964 г., а Гавриил Лесновский считается святым XI в.). В житии также говорится, что четверо подвижников были братьями. Вслед за И. Ивановым мы полагаем, что речь идет о духовном, а не кровном родстве, как это утверждают некоторые ученые. Похоже на то, что Иоаким был самым молодым из четырех духовных братьев, поскольку во вступительной части при перечислении подвижников его имя всегда упоминается последним.

Самый старший список службы относится к XIII в. и, очевидно, прошел немалый срок, пока Иоаким Осоговский был канонизирован.

В целом болгарские церковнослужители ревностно относились к национальным святым. По-видимому, подвижник не был канонизирован сразу в силу отсутствия национальной церкви в период византийского владычества (1018—1185).

Более точно датировать памятник позволяют два пассажа жития. Случай с иереем Феодором, по словам агиографа, произошел в «дни Маноила царя гръчьскаго» [6, с. 410]. Византийский василевс Мануил I Комнин управлял с 1143 по 1180 г. Его прозвище Багрянородный вполне оправданно, так как он являлся сыном императора Иоанна Комнина (1118—1143). Мануил унаследовал трон в двадцатилетнем возрасте после смерти своего отца. Упоминание о византийском, а не о болгарском владыке, свидетельствует о том, что болгарского царя в то время не было, так же как и не существовало болгарского государства. В свою очередь употребление титула «царь», а не «василевс» выдает славянское происхождение автора жития.

Поскольку по данным жития видно, что подвижник жил до этого времени или тогда же, то можно отнести годы его жизни к концу XI — началу XII в.

Более точно датировать годы жизни Иоакима помогает описание одного из чудес в житии. Подвижник является во сне игумену Феофану и говорит: «Понеже пред великим мраком прежде осмих лет представление мое беше» [6, с. 412]. Это выражение истолковывается Х. Поповым, как указание на смерть Иоакима, которая наступила за восемь лет перед солнечным затмением. Само затмение произошло в 1122 г., и в связи с этим он делает вывод о точной дате смерти подвижника — 1115 г. [17,

с. 933]. По этим же соображениям Филарет Черниговский называет 1105 г., так как в русских летописях говорится о солнечном затмении 1113 г. [18, с. 43]. Такая возможность точно определить дату смерти Иоакима весьма соблазнительна, однако она не согласуется с некоторыми другими доводами.

Прежде всего, как указывает Й. Иванов [13, с. 91—92], в ряде списков (кроме Синодального и Белградского) «осмих» передано буквой «н». В Скоплевском же списке годы обозначены другой буквой «N», т. е. 50. Й. Иванов справедливо, на наш взгляд, считает, что наиболее точные данные содержатся в Хилендарском списке. По данным жития охотники после обнаружения тела подвижника стали приходить к нему до конца своей жизни, пока «тому роду въсем от жития предшьдшу» [6, с. 410]. Для того, чтобы ушло целое поколение, требуется много лет, тем более, что в отрывке ни слова не говорится о каких-либо войнах или эпидемиях. С другой стороны, память об Иоакиме уже совсем стерлась, когда Феодор отправился в его пустыню. Забылось даже, где находится могила подвижника, а это не могло произойти спустя всего восемь лет после погребения. Напрашивается вывод, что ни 1115, ни 1105 годы не могут считаться датой смерти Иоакима. Появление буквы «н», очевидно, есть плод неправильного прочтения этого места жития переписчиками, а в действительности в оригинале памятника скорее всего стояла буква «N» (50).

Во-вторых, 1115 г. (или тем более 1105) не приходится на период царствования Мануила Комнина, т. е. на то время, когда произошел случай с Феодором-Феофаном. Еще более сомнительной покажется датировка, если мы от этой даты отнимем 50 (1073 г.). Очевидно, расшифровка выражения «пред великим мраком» как «до полного солнечного затмения» нам представляется неверной. По нашему мнению, это выражение следует понимать в том смысле, что прошло 50 лет после смерти Иоакима, т. е. с того момента как он предстал перед великим мраком небытия. И так как подвижник явился во сне Феофану не раньше 1143 г., его смерть следует отнести к концу XI в., а жизнь соответственно к XI в. В таком случае фигурирующий в житии временной период, равный жизни одного поколения, и стирание памяти о местонахождении могилы чрезвычайно почитаемого Иоакима получают правдоподобное объяснение.

Гораздо труднее и менее точно можно датировать другие эпизоды жития. Для большей убедительности следует сопоставить все списки памятника, но поскольку мы не располагаем текстами Хилендарского и Скоплевского списков, нам остается полагаться лишь на заметки о них Й. Иванова [6, с. 416—417; 13, с. 93] и результаты сопоставления остальных списков.

Первая встреча Иоакима с одним боярином в Градце, согласно тексту жития, произошла, когда Иоаким находился на пути к своей будущей пустыне. Очевидно, тогда он был уже далеко не юношей, и после встречи еще долго жил в Осоговском лесу. Скорее всего ее следует отнести к началу второй половины XI в.

Первое чудо с охотниками, по всей вероятности, можно отнести к периоду, непосредственно предшествующему смерти подвижника, т. е. к концу XI в.

Перевод Феофана в игумены и все произошедшие с ним чудеса приурочены агиографом к времени правления императора Мануила Комнина. Тогда же жили и трое «вельмож», наказанных святым за сопротивление его воле. К тому же периоду относится и происшествие с епископом. Затем похоже, что текст жития обрывается, поскольку следующее далее проклятие Иоакима агарянам скорее похоже на приписку, а не на часть текста. Как отмечает Й. Иванов [13, с. 90—91], эта приписка, очевидно, появилась в более поздних списках, хотя она и присутствует в самом раннем из известных нам списков — Синодальном. Вероятно, приписка появилась во второй половине — конце XIV в.

Очень трудно датировать упоминаемую ссору между двумя братьями монахами, так как этот эпизод выдержан исключительно в религиозном духе и не несет почти никакой исторической информации. То же самое

можно сказать о случаях нарушения поста некоторыми монахами, употреблявшими дикие лесные плоды. Исходя лишь из логических умозаключений, предположим, что эти два эпизода произошли в конце XII — начале XIII в., но до 1207 г. (в Скоплевском списке вслед за этим говорится о посещении монастыря болгарским царем Калояном (1197—1207) [6, с. 416]).

История с нечестным монастырским казначеем, регулярно кравшим золото, дарованное монастырю богомольцами, также весьма трудно датировать. По всему видно, что времена тогда были спокойные и богатые, если кражи золота оставались незамеченными вплоть до чудодейственного вмешательства покойного Иоакима. Возможно, здесь имеются в виду годы правления Ивана Асеня II (1218—1241), так как следующая, описанная в житии история с монахом Арсением, датируется 1222—1254 гг. [6, с. 417]. Скорее всего, оба эпизода имели место в 40—50-х годах XIII в. и тогда же случилась кража овец, о которой повествуется в Геровском списке до эпизода с Арсением.

В целом о периоде XI—XIII вв. в житии имеется богатый фактический материал. Непонятно только, почему XIV и последующие века не нашли в житии своего отражения.

На основе наших выводов можно датировать неуцелевший первоначальный список службы и жития Иоакима Осоговского. Как уже говорилось, старший из сохранившихся списков службы относится к XIII в. Она довольно обширна, и трудно предположить, что Иоаким был канонизован лишь в XIII в. Нужно принять во внимание большое количество фигурирующих в источнике фактов истории XII—XIII вв. и повышенную религиозность в эпоху средневековья. Однако служба едва ли возникла раньше конца XII в. по причине отсутствия у болгар государственности и церкви из-за византийского ига.

Все это дает основание для утверждения, что служба первоначально была создана в самом конце XII в. или же в первых десятилетиях XIII в.

Что же касается жития, то оно, по всей вероятности, было написано значительно ранее XIV в. [13, с. 90—91], к которому относится самый ранний дошедший до нас список. Рассмотрение отдельных эпизодов памятника показало, что они датируются первой половиной XIII в. Вполне возможно отнести к тому же времени и появление самого жития, тем более, что Болгария эпохи Ивана Асеня II играла решающую роль в политической жизни Балкан, а военному могуществу страны соответствовал тогда очень высокий уровень развития культуры. Позднее, на протяжении XV—XVI и даже XVII вв. [5, с. 42] появляются новые списки службы и жития, создаваемые по самым различным поводам.

Нерешенным остается вопрос об авторстве произведений. Рассмотренные нами рукописи принадлежат к западной литературной школе тогдашних земель Болгарии. Некоторые из рукописей имеют конкретную локализацию. Например, служба XIII в. создана, очевидно, в Златовско-Кратовской школе [1, с. 83]. К ней же относится и Синодальный список XV в. Они, по всей вероятности, испытали на себе влияние и других школ, потому что в некоторых словах текста читатели в более позднее время добавляли «ь». Углубленный текстологический анализ поможет окончательно решить проблему авторства произведений.

Житие сравнительно невелико по объему, в нем приводится немалое количество данных о местности, где подвизался святой. Наиболее подробное и удачное объяснение их топонимике дается И. Ивановым [13, с. 91; 6, с. 410].

Исследователи единодушно считают, что упоминаемый в житии Градец находился недалеко от Кривы Паланки. После того, как Иоаким «подобно звезде перелетел с запада на восток», он отправился в свою пустыню. По мнению И. Иванова, «село Градец до сих пор существует в Паланешской околии на восточных склонах горы Козяк, в двух часах езды от Паланки» [13, с. 91].

Неудачную попытку локализации Градца предпринял С. Новакович [11, с. 235], но после работы И. Иванова ни у кого не вызывает сомнений

местоположение Градеца. Новаковичу не удалось уточнить и географическое положение реки Скупицы и местности Сарандапор. На наш взгляд, проблема была удачно решена Й. Ивановым, который пишет, что Скупицей «называлась в средние века сегодняшняя река Крива», чье название почти полностью совпадает с греческим словом «Сарандапор» (40 бродов).

В этом же районе находится и монастырь Иоакима Осоговского — на территории сегодняшней республики Македония, у Кривы Паланки.

Названия «Три кладенеца» (три колодца) и «Бабин дол», очевидно, отнесли к маленьким местностям, локализовать которые сегодня трудно. Под вторым названием во времена Й. Иванова был известен «дол справа от монастыря св. Иоакима у Кривой Паланки, около 30 километров к юго-западу от Кюстендила» [13, с. 91].

Более спорна локализация Урсан дола по причине различного его написания в разных рукописях: Осмирдоле, Урсан дол, Урсань дол и так далее. Й. Иванов придерживается третьей вариации, поскольку село с таким названием до сих пор продолжает существовать [6, с. 410]. Оно находится в местности Овчеполе (Е. Спространов считает, что оно находится в Кочанской околии) [3, с. 79].

Проделанный нами историографический обзор позволяет заключить, что Иоаким подвизался в Осоговских горах, находящихся на территории современной Социалистической Республики Македонии, или точнее в районе Кривы Паланки, где и сейчас существует Осоговский монастырь.

Различные эпизоды в житии охватывают промежуток времени в два с половиной века — со второй половины XI до XIII в. Их анализ не позволяет делать масштабные выводы о социально-экономической истории центральной части Балкан, однако отдельные наблюдения все же возможны.

Интересны приводимые в житии сведения о взаимоотношениях трех братьев вельмож. В начале произведения агиограф отмечает: «Въ тые же дни бехоу некотори велмужии три братиа, иже обладаху землю тою» [6, с. 413].

Эти сведения представляют интерес с исторической точки зрения лишь в сопоставлении со словами старшего из трех братьев. Разгневанный своеволием Феофана (мы расскажем об этом ниже), он непрестанно говорит о «моей земле», «земле в моей власти», «моем владении», а не «нашей земле». Не абсолютизируя эти сведения, мы склонны предположить внутреннее, «домашнее» разделение права собственности на землю. Сам этот феодал обрисован как полновластный владетель, претензии которого распространяются и на монастырские земли.

В Белградском списке жития есть упоминания и о некоем «отроке» [6, с. 415], а эта социальная категория оформилась в XIII в. [24]. Однако в житии, к сожалению, ничего не сообщается о правово-социальном положении отроков. В произведении лишь говорится, что вельможа распорядился «приготовить хорошего коня, а также 8 овец и 2 вола», а потом «повелел господин отроку доставить это святому отцу». Похоже, что упомянутый отрок находился в домашнем услужении владетеля. Однако мы не можем полностью довериться факту употребления этого термина применительно к XII в., которым датируется указанный эпизод. Поскольку институт отроков, как отмечалось выше, оформился веком позже, упоминание об отроке в житии скорее всего является более поздней вставкой. Во всяком случае не существует других исторических источников, которые бы подтверждали наличие социального института отроков в период византийского владычества. В Геровском и Синодальном списках говорится не об отроке, а о рабе. Это слово встречается несколько раз и в других списках жития. Если допустить, что данное слово употреблено в своем классическом смысле, логично предположить византийское происхождение трех вельмож. О систематическом процессе порабощения болгарского населения «ромеями» имеется свидетельство в письме Феофилакта Охридского видинскому епископу [25]. Точка зрения о существовании в ту эпоху института рабства поддерживается и В. Н. Златарским [15, с. 400].

Анализ указанных источников подтверждает вывод ряда ученых о характере взаимоотношений между светской и духовной властью. В житии говорится, что Феодор-Феофан являлся «иереем в странах Овчеполских, называемых всеми Осмирдоле» [6, с. 410]. После смерти сына он, посоветовавшись с тетей, «отправился в Осоговские леса в местечко, называемое Сарандапор, потому что он слышал о преподобном отце Иоакиме, которому предречено было там стать постником и вести жизнь подобную ангельской» [6, с. 410]. Уже в бытность Феодора игуменом Иоаким явился к нему во сне и внушил перенести его мощи. Далее в житии Феодор сообщает: «страх останавливает меня и я не осмеливался сделать это из-за страха перед жившими вокруг людьми и больше всего перед местным князем» [6, с. 412]. Если вспомнить уже упоминавшиеся нами выражения вельможи типа «моя земля», можно сделать вывод о том, что монастырские земли находились во владении этого феодала. Итак, перед нами — историческое свидетельство о характере взаимоотношений между светской и духовной властью в Византии. Очевидно, Осоговский монастырь был подвластен светскому феодалу, что отражает тогдашний приоритет светской власти над духовной. Такой вывод не опровергает сведений о развитии в Византии того времени иммунитета, которым, по всей вероятности, пользовались крупные или, по крайней мере, известные монастыри. Когда Феофан был игуменом в монастыре, тот еще не оформился как крупный духовный и экономический центр, чтобы получить какие-либо иммунитетные права. Монахи уже составляли некую общину (об этом говорит ритуал открытия могилы Иоакима), которая, видимо, тогда еще не вела интенсивной монастырской жизни и не завершила строительство культовых и других монастырских помещений. Так, например, Феофан занимается строительством церкви в честь Иоакима, и это можно считать зарождением культа подвижника.

В смысле развития экономики житие не содержит богатых данных. Однако ряд фактов указывает на преимущественно скотоводческий характер хозяйства. Упомянутый вельможа, по всей вероятности был весьма богатым, если его одноразовые пожертвования монастырю по случаю своего исцеления могли составлять восемь овец и два вола. Согласно Геровскому списку [7, л. 126], это жертвование равнялось одному коню, нескольким волам и 50 овцам (количество овец, здесь, очевидно, является результатом неправильного прочтения «N» (50) вместо «n» (8)). На развитие овцеводства указывает и эпизод с кражей овец из монастырского хлева [7, л. 156].

В годы византийского владычества в известной степени была развита и охота, хотя данные жития об этом крайне скудные. По мнению Г. Г. Литаврина, «охота в занятиях населения занимала, по всей вероятности, ничтожное место, несмотря на благоприятные условия. (...) Охота была в это время забавой знати (...), и занятием лишь отдельных совершенно обездоленных людей» [19, с. 18—19].

В описаниях каждодневного быта монахов имеются данные о собирании братией плодов и скудные факты о строительстве и плотничаньи. Как правильно отмечает С. Новакович, строительство в этой области в X—XI вв. велось незначительное [14, с. 172—173], поскольку в житии недвусмысленно подчеркивается, что Градец являлся обыкновенным селом, ничем не отличающимся от других. Упомянутый в житии факт строительства церкви относится ко времени Феофана, однако здесь не приводится других данных, кроме упоминания отдельных ктиторов [6, с. 412—413].

Итак, по данным памятника, хозяйство в районе Осоговских гор главным образом было скотоводческим. Строительство в то время велось слабо, а охотой и плотницкими работами занимались немногие.

Житие содержит ценные данные об истории монастыря и монастырской жизни и проливает свет на некоторые новые проблемы отшельничества.

В середине прошлого века исследователи почти единодушно считали, что монастырь был создан не ранее, чем к концу XII в., датируя первые

монастырские постройки временем Феофана, т. е. второй половиной XII в. Однако, как справедливо отмечает Г. Г. Литаврин, при первых Асеновцах монастырь уже находился в состоянии расцвета [19, с. 118]. Согласно Скоплевскому списку памятника, монастырь посещал сам царь Калоян [6, с. 416]. На протяжении всего XIII в. Осоговский монастырь являлся средоточием духовной культуры и одним из самых богатых феодалов. Именно к этому периоду относится эпизод с кражей золота, посещение монаха Арсения, усиление славы Иоакима на Балканах, к останкам которого издалека начинают приходить богомольцы. К этому же веку следует отнести создание памятника и как нельзя более подходит оценка И. Ивановым роли Осоговского (Сарандапорского) монастыря: «То, чем был св. Иоанн Рильский и основанный им монастырь для Рильского края и Струмы, для Северной Македонии и Осогово являлись его сподвижники св. Иоаким, Гавриил и Прохор» [13, с. 90].

В дальнейшей своей истории монастырь неоднократно переходил из рук в руки между болгарами, византийцами и сербами. В середине XIII в. монастырь находился под властью Византии, поскольку в эпизоде с монахом Арсением говорится: «царство ватацов беше», т. е. упоминается византийский император, а не болгарский царь. В первой половине XIV в. монастырь становится владением сербов (в 1330 г. король Стефан Дечанский останавливался в нем для молитвы) [13, с. 93]. Найденные в монастыре плиты с надписями подтверждают, что он достаточно долго находился в границах сербской державы [5, с. 261].

Судя по документам, монастырь продолжал процветать и первые два века под османским игом [16, с. 83; 13, с. 94]. После ужасного землетрясения 1585 г. монастырь отправил свою делегацию на Русь с целью получения средств для восстановления построек [21, с. 150; 26]. Из дневников путешественников второй половины XVII в. Эвлии Челеби и Хаджи Калфы видно, что монастырь снова разбогател. Его посещал печский патриарх Арсений [21, с. 151]. В 1690 г. Осоговская обитель была разрушена до основания, и местное предание объясняет это австро-османской войной [21, с. 153]. Об этом имеется соответствующая приписка в Геровском списке [27] и упоминается Паисием Хилендарским в «Истории славяно-болгарской» [12, с. 189]. Монастырь возобновили лишь в XIX в. После Освобождения он снова неоднократно переходил из рук в руки: им поочередно владели болгары, турки, сербы, греки. Ныне он находится на территории СРМ.

Сведения о жизни монастыря разнообразны. В житии говорится о регулярных литургиях, обрядах и ритуалах, а также о повседневном быте монахов. Более подробно обрисованы некоторые функции игумена. Он устанавливает время поста и молитвы, выступает парламентом в распре между монахами и светским феодалом, он бесспорно является самым авторитетным лицом в монастыре. В дни поста и молитвы все монахи отправляются в лес и занимаются собиранием диких плодов.

В деталях описывается ритуал обретения и перенесения мощей святого. Очевидно, среди монахов были плотники, сделавшие ковчег, и это служит еще одним указанием на разделение труда между монашеской братией. В одном из эпизодов жития говорится об уставшем от работы монахе, который, оставшись один, сразу же засыпает [6, с. 417].

Изучение монастырской жизни и привлечение других агиографических памятников необходимо для уяснения роли монастырей в жизни балканского населения в средневековье.

Как уже говорилось, автор жития подробно описывает пустынночество Иоакима Осоговского. Подвижник проводил дни «в молитве и посте, в слезах и бдении, в голоде и жажде, обнажая тело зимой, проявляя во всем терпение и принимая страдание» [6, с. 408].

Вначале кажется, что отшельник полностью оторван от окружающего мира, всецело посвятив себя богу. Единственным его занятием являются молитвы. Похоже, что смиренный отшельник чужд всему земному, но это впечатление обманчивое. Прощаясь с боярином, отшельник говорит: «А ты прелюбезный во Христе брат, вспоминай о божьей любви и приходи

к нашему смирению, пока живет мой дух в моем смертном теле, чтобы и тебя благий бог одаривал дарами своей благодати» [6, с. 408]. О связях с мирянами свидетельствует и эпизод с двумя охотниками: «Когда пришло его время предстать перед богом, по божьей воле к нему спустилось с гор двое человек» [6, с. 409]. Незадолго перед кончиной Иоакима к нему снова «пришел некий человек, чтобы узреть его и получить благословение» [6, с. 409].

Разумеется, делать обобщения на основе одного лишь памятника не следует, однако приведенные отрывки жития показывают, что монахи-отшельники совсем не были оторваны от мира.

О некоторых отшельнических добродетелях и принципах говорит и тетя иерея Феодора в своем к нему напутствии. Она призывает его «отдаться посту, молитве и бдению, жить в голоде и жажде, быть тихим и кротким, смиренным и послушным, и ко всему благоохотливым, независливым, а братолюбивым, негорделивым и незлопамятным, не кислым и некорыстолюбивым, и не скупцом, и отдаться убогой молитве и не быть лицемерным. Таковы божьи добродетели, — утверждает она, — и если хочешь уединиться, бог услышит тебя» [6, с. 410]. Подробный анализ этого отрывка не входит в наши задачи. Для нас важно, что в нем прямо называются добродетели отшельничества. Отшельническая установка несет в себе идею кротости, смиренной, тихой и замкнутой в себе жизни, но при всем при том иерей Феодор, как и игумен Феофан, совсем не оторваны от мира.

Можно отметить, что изучение отшельничества как такового крайне важно для исторической науки, поскольку у него есть много точек соприкосновения с исихазмом, хотя оно и не имеет политических аспектов последнего. Интересно было бы проследить, как некоторые принципы отшельничества в дальнейшем получают развитие в исихазме.

Данных о политической истории в житии гораздо меньше, чем о монастырской жизни. В нем сообщаются известные вещи или приводятся общие места. Конкретным является только пассаж об агарянах: «В последнее время множество грехов объяло род человеческий, много православия и благочестия исчезло из-за насилий безбожных агарян. Много мест опустело, и святые монастыри замолкли, и тела многих святых были перенесены из своих обителей» [6, с. 415—416].

Что же касается других сведений — они скорее облегчают датировку отдельных эпизодов жития посредством исторических фактов, а не трактуют их самих. Таковым, например, является выражение «царство ватацове беше».

Медленное складывание культа Иоакима Осоговского также является косвенным фактом политической истории болгар — оно указывает на отсутствие в тот период национальной церкви и государственности по причине византийского ига. Когда же возникает Второе Болгарское государство, книжник говорит о болгарском царе Калояне, а не о соседних владетелях. Указание на царей различных народов свидетельствует о переходе монастыря из одних рук в другие и, следовательно, подводит нас к фактам военной и политической истории. Титулы представителей господствующего класса, хотя сами по себе и не представляют большой важности, указывают на славянское происхождение составителя жития. Книжник говорит не о византийском вассале, а о греческом царе; византийские вельможы называются князьями и боярами, а о никейском императоре говорится: «царство ватацове беше».

Исследование жития дает возможность сделать некоторые наблюдения над развитием мировоззрения болгар в эпоху средневековья. Вряд ли случайно служба и житие появляются в период создания Второго Болгарского царства и его политического могущества. С течением веков композиция жития меняется. В ранних списках вступительная часть является пространной, а в Геровском — крайне лаконичной. В этом списке XIX в. вообще нет упоминания о дьяволе, чьим вмешательством объясняются действия некоторых людей в первоначальных вариантах жития. Описание ряда случаев в Геровском списке дано в несколько ином свете, чем

в ранних списках памятника, и он выглядит как бы ближе к жизни. Разница заключается в неодинаковой манере подачи материала.

Житие Иоакима Осоговского известно и в русских списках [28]. В отличие от рассмотренного в данной статье пространныго жития, в России распространялось проложное житие Иоакима Осоговского, не сохранившееся в южнославянских землях [23, с. 42]. Сопоставление двух памятников и их текстологическое изучение обогатит наши представления об этом историческом источнике и откроет новую страницу в истории русско-болгарских связей эпохи средневековья.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Цонев Б.* Опис на ръкописите и старопечатните книги в Народната библиотека. София, 1910.
2. Народная библиотека им. Кирилла и Мефодия, фонд «Славянские рукописи», № 113, л. 726 — 1006.
3. *Спространов Е.* Опис на ръкописите в библиотеката при св. Синод на българската църква в София. София, 1900.
4. Церковно-исторический музей и институт, фонд «Славянские рукописи», № 47.
5. *Иванов И.* Български старини из Македония. София, 1908.
6. *Иванов И.* Български старини из Македония. София, 1931.
7. Български исторически архив (БИА), ф. 22, собрание Найдена Герова, № 624, л. 3—18.
8. Письмо Найдена Герова из Пловдива от 16 XII 1865 г. — БИА, ПВ 1876.
9. *Кодов Хр.* Опис на славянските ръкописи в Библиотеката на Българската академия на науките. София, 1969, № 3, 57.
10. *Ламанский В.* О некоторых славянских рукописях в Белграде, Загребе и Вене с филологическими и историческими примечаниями. СПб., 1864.
11. *Новаковић Ст.* Прилози к историји српски књижевности. Сремно за штампу по рукопису XVI в. Гласник српског ученог друштва, т. XXII. Београд, 1867.
12. *Хилендарски Паусий.* Славянобългарска история. Под ред. на П. Диневков. София, 1972, с. 189.
13. *Иванов И.* Северна Македония, София, 1906.
14. *Новаковић Ст.* Први основи словенске књижевности. Београд, 1893.
15. *Златарски В. Н.* История на Българската държава през средните векове. Под ред. на проф. Д. Ангелов, т. II. София, 1972.
16. *Гастребов Н.* Податци за историју српске цркве. Београд, 1879.
17. *Попов Хр.* Жития на светите, почитани от православната църква. София, 1930.
18. *Филарет арх. Черниговский.* Святые южных славян. СПб., 1882.
19. *Литаверин Г. Г.* Болгария и Византия в XI и XII в. М., 1960.
20. *А. Т. Рец.* на кн.: *Д. Маринов.* Служба преподобнаго оца нашего Иоакима Осоговского... Средец, 1900, 59 с. — Периодическо списание. кн. LXI. София, 1901, с. 761—768.
21. *Нешев Г.* Български довъзрожденски културно-народности средища. София, 1977.
22. *Mošin V.* Slavenska redakcija Prologa Konstantina Mokisijskog u svijetlosti vizantijsko-slavenskih odnosa XII—XIII vieka.— Zbornik Historijskog Instituta Jugoslavenske Akademije. V. 2. Zagreb, 1959, s. 17—69.
23. *Турилов А. А.* Оригинальные южнославянские сочинения в русской книжности XV—XVI вв. — В кн.: Теория и практика источниковедения и археографии отечественной истории. М., 1978.
24. *Петров П. Хр.* Въстанието на Ивайдо (1277—1280). — Годишник на Софийския университет «Климент Охридски», Философско-исторически факултет, т. 49, кн. I. София, 1955.
25. Христоматия по история на България, т. I. Съст. проф. Ал. Бурмов и доц. П. Хр. Петров. София, 1964, с. 230.
26. *Муравьев А. Н.* Сношения России с Востоком по делам церковным. СПб., 1858, с. 182.
27. *Иванов И.* Български старини из Македония. Под ред. на проф. Д. Ангелов и проф. Б. Ст. Ангелов. София, 1970, с. 692.
28. *Смирнов С. Н.* Сербские святые в русских рукописях. — В кн.: Юбилейный сборник Русского Археологического общества в Королевстве Югославии. Белград, 1936, с. 172, 183, 187, 198, 202, 204, 216.

ТВОРЧЕСТВО ИВАНА ГЕНЕРАЛИЧА

Творчество «наивных» художников Югославии не случайно привлекает внимание исследователей. Оно давно заняло прочные позиции в искусстве нынешнего столетия. Апостол и символ югославского примитива — крестьянин Иван Генералич. «Я счастливый человек. Я всем доволен», — говорил о себе этот мастер, который вот уже полвека дарит человеку XX столетия радость простых вещей [1].

Югославский примитив — это примитив крестьянский. Он создан преимущественно жителями села или недавними горожанами, никогда не порывавшими с деревней. Тесная связь художников-самоучек с землей, с народным крестьянским промыслом наделила их искусство почвенной силой. Вместе с тем, существенное влияние на творчество «наивных» оказал и город. Осведомленные в делах городской культуры, сельские мастера не замыкаются на местных фольклорных традициях. Образы и формы, навеянные знакомством с профессиональным искусством, преобразуются в их творчестве, проникнутом народным духом. Откровения «наивных» возникают в сложном взаимодействии художественных пластов, на перекрестке эстетических путей.

Иван Генералич родился в 1914 г., в мало известном тогда, а ныне прославленном селе Хлебине, в Хорватии, среди холмов плодородной и живописной Подравской долины. Там художник живет и по сей день. Страсть к рисованию, равно овладевшая мальчиком-пастухом, вызывала настоятельную односторонность и пугала отца, пока в 1930 г. творчеством юноши не заинтересовался важный гость из Загреба — известный живописец, уроженец Хлебине Крсто Хегедушич. Встреча с этим человеком означала для И. Генералича первый «выход в свет»: начало утверждения диковатой самородности его яркого дарования, а также знакомство с миром «ученого» искусства, диалог с которым составил пафос всех прожитых им лет.

Искусство И. Генералича разделило с родной страной ее исторические судьбы: дебют художника совпал с драматическим периодом общественной и культурной жизни Хорватии.

Конец 20-х — 30-е годы в культуре народов Югославии отмечены подъемом демократических устремлений художественной интеллигенции и консолидацией левых сил. Носителем идей социально-ангажированного искусства в Хорватии стала группа «Земля» (1929—1935), которая сплотила целое поколение прогрессивных деятелей изобразительного искусства — поколение, сформировавшееся под воздействием антибуржуазных взглядов выдающегося писателя, классика хорватской литературы Мирослава Крлежи. Провозглашая своим принципом борьбу за социально-активное отношение искусства к жизни, члены группы «Земля», среди которых одним из самых активных был К. Хегедушич, искали средств укрепления и развития национальных демократических традиций художественной культуры. Они, с одной стороны, стремились к очищению художественного языка от поверхностного следования западным образцам,

а с другой — к сближению искусства с народом как в плане чисто тематического отражения его дум и чаяний, в частности — социальных проблем сельской жизни, так и в плане заимствования выразительных средств изобразительного фольклора. Тут и возник интерес профессиональных мастеров к искусству крестьянского примитива.

Поиски подлинной «народности» выразились в самом творческом почерке художников «Земли». В живописи К. Хегедушича, вдохновлявшегося нидерландцами XVI в., возник новый стиль — полотна, посвященные темам социального неравенства в деревне, решены локальным цветом, изображение плоскостно, силуэты фигур огрублены. Следующим шагом к искусству народа явилось привлечение Ивана Генералича и его односельчанина Франьо Мраза к участию в выставках «Земли». Появление произведений художников из Хлебине в залах загребского Павильона искусств в 1931 г. вызвало огромный интерес публики. Этим событием можно датировать рождение современного югославского примитива, а также возникновение так называемой Хлебинской школы «примитивной» живописи.

Название «школа» в данном случае весьма условно. Вопрос о художественном образовании И. Генералича и его окружения трудно решить однозначно. Известно, что открыватель Хлебине Крсто Хегедушич на первых порах осуществлял не только организационную, но и профессиональную опеку над своими «наивными» собратьями. Художник давал советы по технике живописи, композиции, знакомил с законами цветовой перспективы. Известно также, что он показывал крестьянам репродукции картин Питера Брейгеля, призывая, вместе с тем, учиться непосредственно у натуры. Однако загребский мастер не желал сделать сельских живописцев заочными учениками загребской Академии, где сам преподавал. В своей собственной художественной практике К. Хегедушич был верен принципам тех, кто считал, что «представителем ... (хорватского.— Н. З.) села и крестьян можно считать только такое искусство, которое опирается на крестьянскую идеологию, а не то, которое основано на гегемонии над крестьянством, чьею бы она ни была» [2]. Несомненно, общение с К. Хегедушичем помогало хлебинцам свободнее овладеть живописным языком, хотя в настоящее время И. Генералич и отрицает положительную роль воздействия профессионалов на его творческое становление [3, с. 113—114].

В составе «Земли» хлебинцы выставлялись вплоть до 1935 г.— времени официального запрещения группы. Однако пробудившийся в широких художественных кругах интерес к искусству современного национального примитива был уже столь велик, что в 1936 г. организовалась выставка произведений хорватских сельских художников в Загребе, а в 1939 г.— в Белграде. Главное место в экспозициях занимал И. Генералич, а вместе с ним были показаны работы хлебинцев — Франьо Мраза и Мирко Вирюса.

Непрофессиональное художественное творчество жителей села явилось для левого крыла хорватской интеллигенции символом оригинальности национального эстетического восприятия, в нем видели «начало решения и постановки ... наиболее крупных и жизненно важных художественных проблем» [2]. Вполне справедливо в этой связи высказывание югославского критика И. Демполо: «Новая и современная идея группы «Земля» о том, что живопись, скульптура, архитектура, прикладное искусство и живопись примитива составляют одно целое, была не только революционна для своего времени, но и означала исторический поворот к синтезу искусств» [2].

Если открытие современного югославского примитива совпало с периодом острой социальной борьбы, послевоенные судьбы этого искусства складывались в ином контексте культуры. Реакцией на упрощенное понимание социалистического реализма конца сороковых годов в народной Югославии явилось переосмысление в середине пятидесятых годов национальной художественной традиции в плане поисков художественно полноценного решения фигуративного образа.

В переломной художественно-культурной ситуации примитив обрел особый вес и значение. В силу «пограничности» своей функционально-эстетической природы творчество «наивных» художников как бы коррелировало процесс взаимного смещения культурных пластов и переход «высокого» искусства на новый модус.

Свободное от условностей традиции, искусство югославского примитива живой струей влилось в интернациональный художественный процесс и высоко поднялось на гребне «бума» «наивных» в Европе шестидесятых годов. Симптомами общественного признания явились: создание в 1952 г. галереи примитивной живописи в Загребе, а на мировой арене — успехи югославских самостоятельных художников на Биеннале в Сан-Паоло (1955), выставке в Брюсселе (1958), международных смотрах примитива в Базеле и Баден-Бадене (1961). Круг создателей примитива расширился: в него включились и сербские, и македонские, и словенские мастера, к сельским художникам присоединились «наивные» горожане. Возник примитив в скульптуре.

В пестрой панораме югославского самостоятельного искусства фигура Ивана Генералича всегда занимала доминирующее положение. Международным дебютом мастера стала его персональная выставка в Париже в 1953 г. Сегодня слава замечательного хорватского художника распространилась далеко за пределы его родины. Творческая продуктивность И. Генералича очень велика, не менее значителен и коммерческий успех. Художником создано более восьмисот произведений, хранящихся ныне в коллекциях крупнейших галерей Европы и Америки. Причины популярности И. Генералича выходят за рамки моды на примитив, зародившейся в контексте культуры поп-арта 60-х годов, — они кроются в большом таланте мастера.

За годы многолетнего труда И. Генералич всегда оставался верен душою родным Хлебникам. Местные обычаи и нравы определили как темы и поэтический строй его искусства, так и саму технику. Живопись темперой на стекле, распространенная у хорват и словенцев, возникла еще в средние века. Бродячие цеховые мастера продавали по деревням множество таких картинок, в основном на библейские сюжеты. И. Генералич использует вместо темперы масло, покрывая им поверхность стекла. Эта своеобразная техника, которой виртуозно владеет художник, таит в себе много неожиданного в процессе работы, но зато позволяет писать сразу, без подмалевков и лессировок и легко сохраняет звучность чистого цвета, как бы озаренного изнутри.

Картины И. Генералича обладают острой характерностью, их можно узнать сразу. Однако понятие «стиль» приложимо к этому искусству лишь с большой оговоркой. Более уместно говорить о комплексе типичных изобразительных приемов, индивидуальной манере художника. Вместе с тем, творчество И. Генералича опровергает тезисы ряда исследователей о стилевой статичности живописи примитива, согласно которой «наивный» художник рождается сразу, как Афродита из пены морской, и не подвержен развитию [4]. Творчество хорватского мастера можно разделить на ряд отдельных периодов, каждый из которых наделен своими художественными особенностями.

Как правило, манера меняется в зависимости от характера диалога, который на протяжении всего своего пути И. Генералич ведет с «образованным» искусством, ибо сфера профессионального творчества в понимании «наивного» мастера — это прежде всего — стиль. И. Генералич спорит, восторгается или смеется над своими учеными коллегами, но всегда с позиций своего «я».

На самом раннем этапе творчества — в конце двадцатых годов — еще неловкий робкий рисунок сочетается с упорным поиском ясного композиционного построения («На ярмарке», 1929). Творческой зрелости художник достигает в тридцатые-сороковые годы, когда он находился под впечатлением «брейгелевского» стиля К. Хегедушича. Очевидно, под влиянием группы «Земля» в начале тридцатых годов возникает цикл произведений на темы социального неравенства в деревне («Реквизиция», 1934),

однако позже эта проблематика бесследно уходит из творчества мастера. Для периода в целом характерна атмосфера поэтической созерцательности в изображении сцен сельской жизни, иногда комических, чаще — пасторально-идиллических. Наиболее характерные произведения этого периода — «Под грушевым деревом» (1943), «Собирание листвы» (1943), «Зима» (1944) — способствуют распространению представлений о так называемой «классической» манере художника. Отклик на неоромантические и конструктивно-аналитические искания в живописи Югославии пятидесятых годов выразился в следующем творческом периоде И. Генералича — от времени парижской выставки мастера в 1953 г. вплоть до начала семидесятых годов. В работах художника на этом этапе проявляется тяготение к геометрическому аскетизму композиционной схемы, сказочной фабульности, мифотворческому поэтизму. Архаическая символика определяет образный строй наиболее известных картин этого периода — «Оленьи сваты» (1959), «Дровосеки» (1959), «Танец лошадей» (1961). Наконец, последнее десятилетие отмечено интонацией иронического обыгрывания форм массовой художественной продукции, созданием своего рода стиливого жаргона примитива (произведения «Косой бык», 1972, «Баба Клара», 1974, «Кот со свечой», 1971).

Однако подобная динамика фаз не влияет на внутреннюю гомогенность «стиля» И. Генералича, которая опирается на глубокое постоянство, клишированность символично-поэтических координат его художественного сознания. Мастеру свойственна герметичность пластической концепции, если так можно назвать спонтанный клубок импульсов и интуитивных догадок сельского живописца. Переключка с более высокими пластами культуры, парафразы «ученого» искусства влияют лишь на формальные приемы. Художественное решение создается «внутренней точкой зрения» автора (если пользоваться терминологией Б. Успенского, примененной им к иконописи), оно обращено в себя [5]. Истинная цель живописи примитива лежит вне живописи как таковой. «Сделать картину» для крестьянского мастера, далекого от осознанной постановки творческой задачи, — значит подчиниться неодолимому эстетическому императиву, владеющему нерасчлененным художественным сознанием мастера-самоучки, значит разом воссоздать свой духовный мир с простодушной верой в непогрешимость творческого акта, и повторить весь путь сначала в своем следующем произведении.

Круг тем и сюжетов, переданных с тщательной подробностью, на протяжении творческого пути И. Генералича почти не меняется. Большое место в иконографии занимает изображение сезонных работ на селе, включенных в циклический круговорот природы: сцены сбора урожая, жатвы, молотбы, сенокоса, собирания хвороста и листьев, заготовки продуктов на зиму, рыбной ловли. Подобно временам года сменяют друг друга деревенские беды и радости: похороны и свадьбы, наводнения и шумные гулянки, пожары и мирные зимние вечера. С педантичной основательностью «рядопологает» И. Генералич предметы окружающей среды, каждый из которых по-своему дорог ему, включенный в бесконечную вереницу символов мироздания (фиалка, дерево, ветка дерева, корова, баба, ведро в ее руке).

Крепко сколоченный мир И. Генералича сработан по-крестьянски добротно. Достоверность рассказа о жизни села, родной природы, животных создает ощущение осязаемой реальности, ее убедительной «всамделишности». В отборе того, что «стоит» изображать, художник ничем не отличается от своих односельчан. Предметный мир И. Генералича подчинен принципу «полезности» вещей в реальном деревенском быту, что вносит оттенок трезвой деловитости рачительного хозяина в его картины, написанные «со знанием дела». Даже шутит художник с грубоватым лукавством паннонского мужика: в картине «Погребение Штефа Халачека» (1934), пародирующей известную иконописную схему, художник изображает оплакивание «всем миром» своего соседа, который на самом деле жив и здоров.

Вместе с тем, быт у И. Генералича лишен заземленной эмпиричности. Естественно и непринужденно в среду конкретной вещественности входит

поэтический символ. Сказка живет здесь полноценной жизнью, раздвигая рамки обыденного и позволяя действительности соприкоснуться со своим идеальным прообразом. Здесь все свои: свирепые быки и мечтательно отрешенные белые олени, петухи и горделивые райские птицы, которые пичуть не смущаясь разгуливают рядом с людьми как обыкновенные индюшки. И даже таинственный единорог кажется почти ручным в своей доверчивой простоте. Далекое легко становится близким, чужое — местным, и потому вокруг Эйфелевой башни, которая произвела сильное впечатление на И. Генералича в Париже, уже пасутся на зеленой полянке свои, хлебные овечки.

И. Генералич не описывает, хотя каждая его картина — отдельный рассказ. Он называет вещи, характеризуя целое через деталь, по которой оно подобно идеограмме отгадывается. Это — система определений, застывшая в своей статуарной предметности. Форма и даже целый сюжет сводятся к знаку, символу, отсылающим к сокровенной истинности вещей. Именно «истинное» завораживает воображение крестьянского мастера, для которого прекрасно то, что «верно». Мышление этого художника напоминает раннюю стадию развития естественного языка или речь ребенка, который пользуется только существительными, не употребляя глаголов. Такая статичная структура определяет строй живописного языка И. Генералича.

Пространственно-повествовательные многоплановые композиции художника подчинены четкой организации. Ясный ритм, симметрия и равновесие частей — общие свойства живописной структуры. И. Генералич выстраивает картину как модель мира, деля живописную поверхность — подобно тому, как это происходило в архаических культурах, — на три зоны по горизонтали. Верхнюю занимает небо (исключение составляют редкие композиции в интерьере), нижняя обычно отмечена детально выписанными цветами и травами, наконец, в средней части сосредоточено смысловое и изобразительное ядро произведения [6]. Певец «средней части», И. Генералич переживает действительность в ее реальной данности, надеясь при этом обыденное чертами поэтического созерцания.

Характерный для большинства композиций художника высокий горизонт, взгляд немного сверху, как бы с конька крыши, позволяет охватить великое разнообразие зримого бытия. Множество изобразительных фрагментов нанизаны на единую нить неторопливого повествования. Духовный смысл композиции особенно емко звучит в панорамных пейзажах сороковых годов.

Одна из самых известных картин художника этого времени — «Под грушевым деревом» (1943). С высокого холма, где размещены приземистые словно вылепленные из глины, фигуры крестьянки и стоящего рядом пастуха, расстилается широкий вид на окрестные хутора, пашни, дорогу, протянувшуюся в необозримые дали. Умиротворенный пейзаж, сложенный из лоскутов правильных очертаний, поднимается к светлой полоске неба. Заметно стремление мастера наделить произведение «картинностью» классического искусства. Симметрия и равновесие царят во всей композиционной организации. Массы распределены вокруг центральной оси, как бы делящей мир на две равные половины: правую и левую, темную и светлую, мужскую и женскую. Незыблемость покоя ощущима в единении всех частей картины, всего сущего под действием ровного золотистого света. С мечтательным любованием написаны и скругленные силуэты людей, и аккуратно расправленные полевые цветы у нижней кромки картины, и мозаичная листва кустов первого плана. Здесь мы встречаем и типичное для И. Генералича «коралловое» дерево, каждая веточка которого выписана с пантеистически благоговейной подробностью. Картина не случайно рождает ассоциацию со старой нидерландской живописью: совпадает понимание пространства, сам дух круглящегося пейзажа. Сходство опирается на некую стадиальную общность духовного восприятия мира, перекинувшую мост от древнего искусства к современному «наивному» мастеру. Идиллическая благодать, которой насыщено произведение, звучит как вызов кровавым военным будням, кипевшим здесь в дни создания картины.

Классический тип построения 40-х годов постепенно вытесняется в 50-е годы конструктивной орнаментальностью, пространство — плоскостью. Однако общая поэтика композиции остается прежней. В картине «Дровосеки» (1959) упругий графичный ритм композиции передает мотив энергичного повтора однообразных движений. Структура образована жестким членением живописной плоскости: оголенные стволы сухостоя противопоставлены полосе густого подлеска, откуда вылетают перепуганные птицы. Орнаментальный рисунок двух параллельных фриз — сидящих на ветвях дровосеков и женщин, подбирающих внизу хворост возле прогуливающейся жар-птицы, доводит до схематического предела принцип бинарного равновесия, лишь намеченного в картине «Под грушевым деревом». Здесь все построено на оппозиции двух рядов — мужской и женский, чет и нечет, правое и левое. Статика созерцательности, характерная для предыдущего периода, уступила здесь место статике конструкции, чья декоративная условность рождает условность поэтическую: потому так естественно воспринимается в бытовой сцене явление волшебной птицы.

Видимо, желание придать изображению особую весомость заставило художника заострить геометрическую основу построения, акцентировать членение на пары и ряды фигур. Во многих своих произведениях мастер старается создать мотив геральдического предстояния в симметричных зеркальных отражениях «дуэтов»: две коровы, лежащие друг против друга на опушке леса; крестьянин и крестьянка в трехчетвертном взаимном развороте; два вздыбленных жеребца на лужайке, совсем как на древних гербах хорватской знати. Порядок, царящий в этом художественном пространстве, призван как бы противостоять хаотической стихии внешнего мира. Структурная определенность композиции наделяет значимостью целесообразности каждый изображенный предмет, как бы включая его тем самым в высший мир непреходящих ценностей осознанного бытия. Таким образом, композиция у И. Генералича, его система взаимодействий масс и линий обретает глубокий, неформальный смысл.

Устойчивость, стабильная регулярность композиции не препятствует богатой игре линии и цвета, а скорее задает ей основной ключ.

В пластике изобразительной формы у И. Генералича столько убедительной простоты, раскованной непринужденности, что кажется, будто она возникает спонтанно, по наитию, по голосу своего естества. Художник рисует не столько по велению зрения, сколько тем единственным способом, которым он может передать суть облика, главные «приметы» той или иной вещи. Эта безусловная условность изображения, наивно совмещающего порой несколько ракурсов одного предмета, лежит в основе и аппликативной плоскостности, и грубоватой упрощенности силуэта. Она — как оптический «слепок» мыслимого образа.

Чеканная плотность объемов, мастеровитая пригнанность частей друг к другу заставляют сравнить коней, быков, людей на картинах И. Генералича с выразительными народными игрушками. Лапидарная форма создана экономным рисунком и графичностью общей манеры. Скупой силуэт, обведенный контуром, и локальный цвет отграничивают предмет от соседних, замыкают его в своей самоценности. Так же линейна и «чересполосица» планов, которые подобно театральным кулисам уходят вдаль параллельными слоями. Свободной гибкости линия И. Генералича достигает в последнее десятилетие, примером чего может служить виртуозный рисунок быка в картине «Косой бык» (1972). Однако неизменной остается статуарная устойчивость будто вырубленных из куска дерева домов, людей, животных.

Полнокровную жизненность картины И. Генералича обретают в цвете. Мнение некоторых искусствоведов, трактующих цвет в искусстве современного примитива психоаналитически, с точки зрения «компенсаторной» функции, на наш взгляд, совсем не уместно в отношении И. Генералича. Колорит картин хлебинского крестьянина насыщен живыми натурными впечатлениями и полон здоровой радости.

Художник «раскрашивает» картину как ребенок, аппликативно, подложив рисунок под стеклянную пластинку. Его кисть постепенно переходит

дит от темного к светлому. Объем моделируется лишь слегка, более густой краской того же цвета.

Колористический строй произведений И. Генералича изменялся. В начале своего творчества мастер искал экспрессивных возможностей цвета — достаточно вспомнить яркую полихромную «Цыганских сватов» (1936) или сдержанную гамму картины «Мертвец» (1939). В тридцатые и сороковые годы И. Генералич руководствовался принципом тоновой гармонизации, вероятно, навеянной К. Хегедушичем: пейзажи в картинах «Под грушевым деревом», «Собирание листьев» озарены мягким золотистым светом, равномерно разлитым по всей живописной поверхности. Искусство послевоенных десятилетий тяготеет к символично-отвлеченному использованию цветового пятна, эффекту контраста: так возникают белые олени на темном фоне леса, огненно-рыжие цветы на зеленых лужайках, россыпи павлиньих хвостов. Наконец, в последние годы И. Генералич вдохновляется звонкими аккордами чистых пигментов, создавая высокую напряженность цветового поля. Высвобожденная энергия цвета в картинах «Косой бык», «Хлебобинская Мона Лиза» (1972) веселит балаганной раскованностью, граничащей с дерзким вызовом, насмешкой, кичем. Элегически сгармонизированный или смело порывистый, цвет И. Генералича с импульсивной непосредственностью несет в себе диковатую свежесть восприятия мира «наивным» художником.

И. Генералич — певец ясного дня, голубого неба с непременными барашками облачков и ровного света без теней. Не случайно даже самое печальное по теме произведение — «Смерть Вириуса» (1959) — созданное в память о трагической гибели в фашистском концлагере близкого друга И. Генералича и талантливого хлебчинского художника, написано в чистых ярких тонах, а убитый изображен на фоне светлого пейзажа. Мастер редко пишет тьму — ночные эффекты сопутствуют особенным, необычным состояниям, но не вызывают страха. В картине «Пожар» (1953) густой мрак, прорезанный аккуратными лотосообразными языками пламени, — лишь символ беды, но беды, преодолимой совместными усилиями прибежавших на помощь соседей.

В своем выразительном простодушии произведения И. Генералича обретают огромную пластическую активность. Устойчивый стереотип в искусстве художника расцвечен многообразием фантазии, «замкнутость» формы — напористой страстностью в овладении пространством и временем. Достоверность повествования, будь то сценки быта или вымысел, особая любовь к подробности, изобразительной детали раскрывают желание художника как бы прикоснуться к самому роднику многообразного бытия. В упорном стремлении к фиксации «лика» зримого мира И. Генералич словно тяготеет безмолвием материи, зовет на диалог эмпирическую действительность, хочет быть ею услышанным. Поэтический строй творчества И. Генералича обнаруживает много общего с народным искусством, которое по справедливому замечанию советского исследователя А. И. Каплуна, «рождается из внутреннего преодоления человеком сознания его несвободы от обыденного. Духовному плену обыденности противостоит житнетворческое претворение ее искусством в мир образов, не подвластный обыденному» [8]. «Неподвластность» И. Генералича — в метафорической насыщенности его образов, широте изобразительной семантики.

Мастер часто обращается к сказке, создавая иллюстрации-интерпретации народных легенд о встрече в лесу с единорогом, о белом олене и других. Но и бытовые сцены часто символически окрашены. Символика И. Генералича здешняя, посясторонняя, она лишена мистицизма. Его художественная речь проникнута образностью праславянской демонологии, которая прочно укоренилась в народном крестьянском сознании. Языческая символика картин хлебчинского мастера — это естественное проявление духовной жизни народа в творчестве мастера-самоучки, способ овладения изменчивой загадочностью мира. Много в ней и мягкого, с хитрецой, юмора.

Излюбленный символ И. Генералича — петух. Эта тема проходит через все творчество живописца. Демон света и ясновидения, животворя-

щих сил природы, защитник от прихотей нечестивого, петух — неизменный спутник деревенского жителя, его домашнее солнышко. Согласно некоторым южнославянским поверьям, петух — это аналог человека, посланник предков, а потому — равноправный член сельской общины [9]. В картинах И. Генералича петух часто ведет дружеский разговор с охмелевшим мужиком («Сельские беседы», 1959), ревниво наблюдает за работой художника («Моя мастерская», 1959), оплакивает гибель друга («Смерть Вириуса», 1959). В последнее десятилетие символика петуха приобрела более «книжное» звучание: в разнообразных вариантах ошипанного, обезглавленного и даже распятого «героя» зловещая апокалиптическая интонация соединена с ироническим «снижением» традиционного для «городской» культуры образа жертвенного страдания. Петух как эмблема крестьянского примитива становится даже предметом «портретных» изображений, а курица пародирует известный шедевр, осмеивая психологические клише массового потребителя («Хлебинская Мона Лиза», 1972).

Оптимистическое мирозерцание крестьянина-художника, обращенное к природе, делает возвышенное и загадочное доступным человеку, наделяя несбыточное чертами буднично-привычного и насыщая будничное мечтой. Метафоры И. Генералича порой настолько живо конкретны, что кот в картине «Кот у свечи» (1971) — грозный демон ночи (впрочем, подозрительно напоминающий рыночную копилку) — полон доморощенного мистицизма, но не пугающего, а мило-смешного. В то же время заурядные подсолнухи чудом преобразуются в оживших языческих идолов, снисходительно покачивая своими столепестковыми «светилами» над брэнной землей («Подсолнухи», 1970).

Образам И. Генералича созвучны строки сербского «примитивного» поэта С. Митича:

Стой, быстрогой,—
дай напиться волам
весь день мы пахали
они — землю
я — небо [10].

«Вспаханное небо» И. Генералича — это камерный мир одомашненных демонов, гармония равновесия, стабильность пространственно-временных связей, деловитая основательность, покой.

Одна из лучших картин художника — «Олень в лесу» (1961) — представляет белого оленя, лесное божество, спутника Артемиды и легендарного сборщика ежегодных жертвоприношений древнего человека. Мотив получил развитие в картине «Оленьи сваты» (1961), где профильный силуэт животного на фоне лесной чащи повторен четырежды. Графичная фризообразная композиция, аналогичная уже упомянутым «Дровосекам», проникнута мощным ритмом. Это — образ вечного зова, полного архаической символики торжественного шествия: олень, за которым идет олень, за которым идет олень. . . «Мотыльки архетипа» — во всей организации живописной поверхности: в линейном членении планов, в орнаментальном ритме фигур, над которыми висят оголенные кроны деревьев, сплетенные в величественные первурные своды, в природном контрасте зеленого с красным, белого с голубым, а главное — в самом духе изображения.

Величаяв поступь благородного зверя в своей иератической застылости передает вневременность мифологического символа. Возможно, романтический олень И. Генералича имеет «простую» родню — изображения на ковриках фабричной работы, которыми в деревнях любят украшать стены, или вереницы белых слоников из кости на буфете благополучного мещанского дома. Однако поэтическая отрешенность образа здесь пронизана тревожным веянием неких глубинных пластов художественного сознания, эхом вековых далей. Со стекла, окрашенного рукою хлебинского крестьянина, на нас смотрит архаический человек, творец неизменного, слуга Вечного. Его дыхание наполняет безмятежный мир И. Генералича беспокойством — трепетом настоящего, не «наивного» искусства. Под спудом наслоений различных пластов культуры, бессознательно впитан-

ных душою художника, в его искусстве живет отзвук коллективного творца.

Крестьянский мастер — носитель народного художественного языка, обладатель фольклорного типа мышления. Произведения Ивана Генералича проникнуты народной духовностью, а строй образов тесно соприкасается с народно-обрядовой символикой. Изображения сезонных сельскохозяйственных работ, деревенских праздников, передают дух сельской жизни как бы остраненно, сквозь призму календарной и окациональной обрядности. В композиции и художественной семантике искусства И. Генералича, в самом принципе «достоверности» рассказа ощутимо влияние народного театра, бытующим в фольклорном сознании в синкретическом слиянии с ритуально-культовым началом. Своеобразная примитивная театральность картин И. Генералича видна и в «кулисной» перспективе, и в «сценичности» живописного действия, где каждый предмет — замещающий символ и самостоятельная роль в общем повествовании.

Народность мышления хлебинского мастера проявляется и в отсутствии дистанции между автором и изображаемым. Мир И. Генералича, чарующий чистотой цвета и линии, ясностью формы и неподдельной искренностью выражения, — это мир, которому художник не перестает удивляться, органической частью которого является сам. Мироощущение художника связано с культурой его народа узами близкого родства. Однако связь И. Генералича с фольклором, указывая на духовные корни этого искусства, проливая свет на источники крестьянского примитива в Югославии, ни в коей мере не раскрывает его сущности. Личностное начало в творчестве мастера властно торжествует над анонимным, бесхозяйным или инфантильным.

Искусство И. Генералича глубоко оригинально. Лежащее в стороне от стилевой художественной струи и лишенное в этом смысле продолжения, оно соизмеримо лишь с самим собой. Вместе с тем, эта самородность имеет «подкладку» народного и «покрой» профессионального искусства. Не стремясь к подражанию речи «образованных» и покинув пределы народного языка, крестьянский примитив в лице И. Генералича — это особое просторечье индивидуального говора, в чьей богатой речистости и заключена художественная мощь.

Хотя творчество И. Генералича лежит вне русла школьной традиции, хотя возникнув на полях Истории, оно как бы не имеет родословной, все же появление современного крестьянского примитива не было неожиданным, оно было подготовлено своеобразным ходом развития культуры Югославии. Почвенность И. Генералича — не только в приверженности мотивам родного края, народной символике, фольклорно-мифологическом характере мышления, но и в тех нитях, которыми оно соединено с крупными художественными явлениями своей страны, как современными, так и давно минувших дней.

Примитив в его самых разнообразных проявлениях можно обнаружить на каждом этапе художественного развития Югославии. Он часто влетает в эстетическую ткань эпохи, определяя собой, может быть, самое существенное для типа культуры южнославянского региона. Как нам представляется, функцию и формальные свойства примитива можно обнаружить в выразительных рельефах богомильских стечаков и сербских каменных надгробиях, сделанных руками народных каменотесов в средние века, расписных пчелиных ульях в Словении XVI в. Позднебарочный портрет в Хорватии и Словении, парсуна начала прошлого века в Воеводине — относятся к кругу так называемых «пограничных» художественных явлений, типологически родственных русскому купеческому портрету. Функциональную аналогию американскому примитиву восемнадцатого века можно найти в создававшихся в то же время иконах на стекле — искусстве бродячих цеховиков альпийских областей, своеобразном варианте массовой художественной продукции допромышленного периода. Наконец, в живописи Джуры Якшича, сербского романтика XIX в., слились струи фольклора и «высокого» стиля, рождая полные грубоватой экспрессии трагические образы народных повстанцев. Элементы примитива мож-

но различить и в явлениях стадияльно-свернутого типа: в «наивном» полнцветии исторической живописи Паи Йовановича и Уроша Предича на рубеже XIX и XX веков, робости новшеств хорватского модерна, фигуративизме словенского имперессионизма.

Устремляясь вдогонку за Европой, культура югославянских народов в новое и новейшее время развивалась неровно, скачками, этапы европейско-эталонной последовательности накладывались друг на друга, торопя ход истории. В своем становлении искусство образованных кругов постоянно черпало живительные импульсы из глубоких слоев цехового и народного творчества. Сложная художественная ткань — переплетения уровней, сдвига фаз, калькирования, т. е. «охорвачивания», «осербливания» и т. п. чужих структур, — порождала формы, принципиально отличные от западноевропейских. Нам представляется, что состояние сдвига, пограничья, межуровневого изоморфизма стало в таких условиях нормой, хотя наивный европоцентризм югославского искусствоведения не всегда позволяет себе это осознать.

Поэтому искусство современного крестьянского примитива, развиваясь в стороне от магистральной колеи, весьма органично выявило основные тенденции югославской художественной традиции. Именно этим обстоятельством и воспользовались в своих идеологических и культурных целях прогрессивные деятели группы «Земля», поднявшие на щит живопись хлебинцев. Творчество «наивных» стало не периферийным явлением, не прихотью салонной экзотики, а здешним, исконным. Характерно, что примитив распространился по всему фронту художественной культуры Югославии. К живописи добавилась литература — во всем мире получила известность «наивная» сельская поэзия Сербии и Хорватии. Национальная, или точнее — региональная, славянская художественная достоверность особенно ощутима в творчестве И. Генералича: она составляет главный нерв и причудливого «косноязычия» художника, и взлетов его духа.

Хотя творчество И. Генералича ревниво оберегает ядро своей эстетической позиции от внешних воздействий, как бы они ни отражались на поверхности — манере художника — его искусство не изолировано от современной среды. Многие односельчане мастера увлеченно занимаются живописью на стекле, пользуясь советами и поддержкой своего «патриарха». Целый ряд мастеров уже добился международного признания.

Лицо и дух современных «хлебинцев» определили, несомненно, пионеры югославского крестьянского примитива, т. е., наряду с И. Генераличем — Франьо Мраз (р. 1910) и покойный Мирко Вириус (1889—1943). Искусство трех живописцев, а вслед за ними и их нынешних последователей, объединяет интерес к натуре, изобразительная фабульность, внимание к детали.

Спецификой современной Югославии является большое число очагов крестьянского примитивного творчества, каждый из которых обладает характерным стилем. По опыту Хлебине живописные «школы» сельских художников возникли в самых разных областях страны. В Сербии на весь мир известно село Опарич, в также Ковачица, Светозарево. В Обиличеве, на Косово, организована даже целая художественная колония. Много талантов расцвело и в хорватских селах. Лучшим образцам живописи «наивных» присуще богатство воображения, далеко не примитивное колористическое мастерство. Интересны отвлеченные фантазмагории македонца Вангела Наумовского, обостренная лиричность живописи Матии Скурени, которой так восхищался Андрэ Бретон. Конструктивную четкость И. Генералича подхватил и развил один из самых даровитых современных хорватских мастеров примитива — крестьянин Иван Рабузин (р. 1921): этот художник создает образ радостного, идеально-разумного, нездешнего мира.

Однако с шестидесятых годов выявились и кризисные черты «примитивного» русла. В творчестве большого числа живописцев непосредственность восприятия вытеснена впечатлениями от широкой волны продукции массового потребления: кича всех мастей, дешевых открыток, плохих репродукций популярных классических шедевров. Другая, не менее опасная

тенденция — эпитонство «натурального» примитива. В крестьянской среде Хорватии возник довольно большой круг живописцев, не вполне творчески воспринявших искусство И. Генералича. В произведениях этих вторичных художников, как правило, превосходно владеющих техникой живописи на стекле, узнается весь предметный репертуар И. Генералича: те же корыбы, «коралловые» деревья, приземистые парочки пляшущих, петухи, знакомый силуэт хлебинского костела. Но вместо неподдельной искренности, цветового и композиционного такта, настроения поэтической созерцательности, характерных для хлебинского мастера, здесь все манерно заострено, гротескно изломано, акцент с идеи перенесен на формально-стилевые эффекты. Внешнее подражательство, своего рода «примитивный» эклектизм служит чисто коммерческим целям, порождая поверхностно-развлекательное, потребительское эрзац-искусство.

На фоне подобных явлений творческое полнокровие искусства И. Генералича по-настоящему значительно. Среди старых и молодых «хлебинцев», а также других «наивных» мастеров Югославии, его художественная одаренность — самая яркая. Ощутимы глубина целостной личности мастера, эпическая широта его миропонимания, наивно-серьезное желание понять суть, тонкая живописная культура. Будто сама природа поставила его «голос» и наделила безупречным цветовым «слухом», а отзвуки праистории продиктовали ритм, строй, порядок, на которых покоится пантеистическая умиротворенность его пасторалей.

Искусство мастера-самоучки обращено к широкому кругу людей: в разорванности урбанистического сознания сотворенный И. Генераличем поэтический миф, в его неподдельной «всамделишности», возвращает человеку утраченный рай патриархальной идиллии. Память о земле в условиях Югославии, где город до сих пор не теряет родственных связей с деревней, лишена и философской отвлеченности, и ностальгической тоски, свойственных урбанизированной Европе, но приобретает тем большую органичность и теплоту. «Добродушный Руссо,— писал югославский искусствовед Небойша Томашевич,— оборонялся от парижской толпы уходом в деревню, в свой простой мир фантазии и мечтаний. В отличие от него, Иван Генералич, живущий в деревенской тиши Подравны, никогда не был вынужден бежать от толпы, которая угрожает целостности человеческой личности, стремясь утопить ее в серости, в обезличенной цифре» [3, с. 10].

Отфильтрованное вековой крестьянской культурой миропонимание И. Генералича — это почва для появления в его искусстве мифопоэтической образности. Непринужденность звучания голоса древних преданий в речи «наивного» художника, природная гармоничность самого «мифического» духа его искусства — особенно дороги зрителю. Но одновременно и само творчество И. Генералича в современном художественном мире стало мифом. На его восприятие оказывает влияние а priori заготовленный код, «анкетные» данные крестьянского самородка. И словно «в пику» слышится сомнение — а не «наивничает» ли Отец «наивных»?

Мудрость таланта И. Генералича, открывающего великое в малом, высокое в обыденном, действительно, кажется сказкой. Но чудо способно стать реальностью в душе по-настоящему большого художника: воспевая счастливую гармонию патриархального быта, И. Генералич утверждает непреходящие ценности духовного первородства мироздания.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Tomasević N. Naivci o sebi.* Beograd, 1973, s. 90.
2. *Depolo J. Zemlja 1929—1935.* — In: 1929—1950: Nadrealizam. Postrealizam. Socijalna umetnost. Umrtnost NOR-a. Socijalistički realizam. Beograd, 1969, s. 41.
3. *Tomasević N. Magični svet Ivana Generalića.* Beograd, 1976.
4. *Kelemen B. Jugoslovensko naivno slikarstvo.* Zagreb, 1972, s. 25.
5. *Успенский Б. Поэтика композиции.* М., 1975.
6. *Топоров В. Н. К происхождению некоторых поэтических символов.* — В сб.: *Равные формы искусства.* М., 1972, с. 94.
7. *Каплун А. И. «Театр станковых картин» Тышлера.* — В сб.: *Театральное пространство. Материалы конференции.* ГМИИ. М., 1979. с. 455.
8. *Кулишић. III. Српски митолошки речник.* Београд, 1970, ст. «Петао».
9. *Орфеј међу шљивама.* Сост. антологије Д. Витошевић, Д. Ерић Крагујевац, 1963, с. 2.

АКЦЕНТУАЦИЯ ПРИСТАВОЧНЫХ *postverbal* *Ō*-ОСНОВ
В СЕРБОХОРВАТСКОМ ЯЗЫКЕ

История акцентуации приставочных *postverbal* ¹ муж. рода — один из сложных вопросов славянской акцентологии, не имеющий ясного и однозначного решения ввиду значительных расхождений по современным языкам и диалектам, хотя эти образования неоднократно привлекали к себе внимание исследователей.

Гипотетические предположения В. Вондрака [1, 2] (реконструирующего накоренное нисходящее ударение во всех *postverbal* для раннепраславянского и перенос на краткую приставку в позднепраславянском) и Е. Куриловича [3] (считавшего самым старым акцентным типом акц. тип с ударением на приставке с позднейшим переносом ударения на актутовую основу с краткого или циркумфлектированного префикса) не имели под собой достаточной фактологической основы. Значительный материал из современных языков привлек Л. А. Булаховский [4, 5, 6], также исходивший из двух акц. типов для позднепраславянского: 1) с ударением на корне и 2) с ударением на приставке. Распределение основ по этим двум акц. типам объяснялось исследователем фонетическими (прежде всего законом Фортунатова — де Соссюра ²), семантическими и морфологическими закономерностями (аналогического свойства). Сложная картина была представлена В. В. Колесовым на древнерусском материале [8]. В выводах автор не всегда четко отграничивает, что он относит к древнерусской, а что к праславянской истории. Из анализа В. В. Колесова следует (материал рассматривается в трех группах в зависимости от характера приставки: еровой, краткой, долготной), что почти все исследуемые *composita* имели в древнерусском накоренное ударение. Перенос ударения на префикс у образований от исконной с акцентной парадигмы (а. п.) Колесов считает поздним, вторичным — то фонетического характера, то нефонетического [8, с. 40, 41].

Древнесербский материал до сих пор не подвергался специальному исследованию в рамках рассматриваемой проблематики. Древнесербские тексты XIV—XVI вв. в отношении акцентуации непроеизводных и производных имен, в том числе приставочных *postverbal* муж. рода, делятся на три группы: (I) группа текстов из юго-западных областей Сербии и юго-восточной Герцеговины, в которой наличествует система двух акц. типов — с напрефиксальным и накоренным ударением; (II) группа из северо-восточных областей Сербии представляет систему с одним типом ударения — накоренным, (III) группа текстов из южных территорий

¹ *Postverbal* — это несколько условный термин, заимствованный у П. Скока. Среди подавляющего большинства действительно отглагольных образований здесь встречаются явно отыменные и не вполне ясного происхождения.

² В последнее время было показано, что действие этого закона, сформулированного Соссюром для балтийской акцентной системы, было неверно перенесено на праславянский [7].

также имеет один акц. тип, но с напрефиксальным ударением. Для иллюстрации в конце статьи приведен (без дополнительных комментариев) полный материал по *postverbal* из двух памятников, представляющих II и III группы текстов. Предметом же настоящего исследования являются памятники I группы с системой двух акц. типов. Именно эта группа текстов дает однотипные староштокавские системы производных и других производных имен, описанные нами в других исследованиях [9, 10, 11]. Анализируемый материал берется из шести рукописей XIV—XVI вв. [12].

Для объективной оценки ситуации — сложной и не всегда в деталях до конца ясной — материал из анализируемых рукописей приводится в полном объеме (в привлекаемых соответствиях из других языков — прежде всего из современных славянских — мы сознательно не выходили за пределы тех 103 образований, которые были выявлены в др.-серб. рукописях). Лимит журнальной статьи не позволяет сделать отсылки на листы рукописей, пришлось ограничиться указанием — сколько раз приводимая форма встретилась в каждом памятнике (см. цифры после сокращения источника). Примеры, выпадающие из системы, выделены курсивом. Грамматические пометы даются лишь в случаях совпадения форм: Р. мн. (в отличие от Им. ед.), Д. мн. (от Тв. ед.), Тв. мн. (от И. — В. мн.) и дв. ч. В связи с трудностями набора *ž* всюду заменен на *y*.

Материал расклассифицирован по количеству гласного основы и расположен в алфавитном порядке. При определении акц. типа *postverbal* принималась во внимание а. п. образующей основы (глагольной или именной), хотя вопрос об образующей основе далеко не всегда решается просто), а также учитывалась акцентная кривая в парадигме склонения самого *postverbal*.

* * *

Долгосложные *postverbal*

1) *въздоу^x* Сб. 4, *въздуха* 1 — *възду* | х^а * 1, *въздуху* 1, *на въздоухъ* 1, *въздоуѣ* 1 — *на въздоуѣ* 1; *въздѹхъ* Сб. 3, *въздѹха* 2, М. 7, *въздѹху* Сб. 2, *въздѹѣ* 1 (с а. п.: см. формы — *enclinoмена*, рус. *дѹх* — *дѹха* — *на дух*, болг. *духѹт*, с.-х. *дѹх* — *дѹха*, чеш. *duch*).

2) *възраст* Ев. 2, Сб. 5, *възраста* Сб. 3, *възрасту* Ев. 2, Сб. 1, *върастомъ* Ев. 2, Сб. 1; *възрасть* Сб. 5, *възраста* 12, М. 4, *възрасту* Сб. 5, *възрасто^m* 9, *възрасть* 1 (с а. п.: рус. *растѹ*, *растѹ*, *растѣшь*, с.-х. *расти*, *растѣм*; есть мнение, что *възраст*, как и *въздоухъ* — исконно окситонированного типа с новой подвижностью [8, с. 27]).

3) *въкъбусъ* Сб. 2, *въкъбуса* 1, *въкъбусу* 1 (а а. п.: с.-х. *ò-кусити*, *ò-кусѣм*, слов. *o-kùsiti*, *o-kùsim*; чеш. *kusiti*, словц. *kusit* — см. [13, с. 125], вопреки [8, с. 25] — с а. п.).

4) *доспѣх^m* Сб. 1, (а а. п.: с.-х. *дò-спети*, *дò-спѣм*, рус. *спеть*, *спѣю*, *спѣешь*, *спѣх* — *спѣха*, *наспех*, чеш. *spěch*; но есть и показатели с а. п.: слов. *spěh* — *spěha* — *spěhŭ*).

5) *завѣтъ* Сб. 5, *завѣта* 8, *завѣту* 1, *завѣт^m* 1, *завѣтѣ* 2, *завѣтомъ* (Д. мн.) 1; *завѣтъ* П. 3, М. 2, *завѣта* Ев. 1, Сб. 3 (а а. п.: рус. *отвѣтитъ*, *отвѣчу*, *отвѣтишь* и т. д.; [8, с. 36] — *накоренное ударение*). См. № 7, 9, 15, 16.

6) *западъ* Ев. 1, Сб. 4, *западу* Сб. 2, *западѣ* 1, *запады* 1, (*ω^т* до) *западѣ* Ев. 2, Сб. 1, (*кѣ*) *запад^m* Сб. 2, Ж. П. 1, *запад^x* Сб. 1 *занадѣ* П. 1, *занадѣа* М. 1, *zanā* | *dy* Сб. 1, (*ω^т*) *zanādъ* ** Ев. 1 (с а. п.: рус. *пасть*, *падѹ*, *падѣшь*, с.-х. диал. *pāst*, *padèn* (Susak 120), *pāst*, *pādè* (Novi 60), но, возможно, и а а. п.: *пāсти*, *пādнѣм*, слов. *pāsti*, *pādem*; совр. с.-х. и рус. *postverbal* предполагают с акц. тип образующей основы, вопреки [8, с. 38]).

7) *извѣтомъ* Сб. 2 (а а. п.: — см. № 5).

8) *искѹсъ* Сб. 14, М. 1, *искѹса* Сб. 4, *искѹс^m* 5, *искѹсѣ* 1 (а а. п. — см. № 3).

9) навѣтъ Сб. 2, навѣта 1, навѣту 2, навѣтомъ 2, — навѣты⁵, навѣтѡ^x 1; *навѣтоу* П. 1, *навѣты* М. 5 (а а.п. — см. № 5).

10) недоугъ Ев. 1, М. 3; *недоугъ* Ев. 5, Ж. Р. 1, *недоуга* Ев. 2, Сб. 9, *недоугу* Сб. 1, *недоугѡ^m* Ев. 1, Сб. 7, *недоугъ* 1, 2, *недоугы* 3, 5, (ω^T) *недоугъ(ь)* 3, 1, *недоугѡ^m* (Д. мн.) Сб. 2, *недоугы* (Тв. мн.) Ев. 1, Сб. 4 (с а.п. [8, с. 30, 34]. — раннее утверждение накоренного ударения объясняет обратным воздействием ударения производных основ *недужный, недужить*).

11) ѡблакъ П. 1, Ев. 2, Сб. 15 (ѡблѣкъ 2), Ж. П. 3, Ж. Р. 2, ѡблака Ев. 1, Сб. 3, (ѡблака * 1), М. 2, (въ) ѡблакъ Ев. 1, ѡблако^m Сб. 2, ѡблацѣ 2, (ѡблацѣ * 1), ѡблече 2, ѡблаци 7, Ж. Р. 1, (до) ѡблѣкъ** П. 1, Сб. 1, ѡблако^m (Д. мн.) 1, (съ) ѡблаки Ев. 1, Сб. 1, ѡблацѣхъ Ев. 6, Сб. 9; *облѣкъ* М. 7, *облѣко^m* (Д. мн.) Сб. 1, см. Р. мн. (с а.п. [8, с. 30]).

12) образъ Сб. 56, Ж. П. 4, образа Сб. 3, образу 6, Ж. П. 1, образѡ^m Сб. 21, М. 5, Ж. П. 3, Ж. Р. 2, образе Сб. 7, Ж. П. 1, Ж. Р. 1, ѡбразы Сб. 15, ѡбразѡ^m (Д. мн.) 3, ѡбразы (Тв. мн.) 3, ѡбразми 1; *образъ* П. 1, Ев. 5, Сб. 1, М. 2, Ж. П. 1, Ж. Р. 1, *образа* Ев. 1, *образоу* П. 1, (съ) *образѡ^m* П. 1, Ев. 7, Сб. 1, *образъ* Ж. П. 1, *образы* Сб. 1 (а а.п.: рус. раз — ра́за, на ра́з, чеш. ráz, слвцк. raz [13, с. 74]; но есть данные о с а.п.: с.-х. ра́з — ра́за, слов. ráz, см. [8, с. 30], [14, с. 67—68]).

13) ѡбычай Ев. 3, Сб. 3, (ѡбычаи 2), ѡбычаа 1, (по) ѡбычаѡ* Ев. 1, (ѡбычаѡ* 1), ѡбычае^m Сб. 1, ѡбычаи 1, ѡбычаи (Р. мн.) 1, ѡбычае (В. мн.) Ев. 1, Сб. 2, ѡбычаими Сб. 1; *обычаи* Сб. 8, *обычаю* 12 (ѡбычаѡ* 1), *ѡбычаемъ* 1, *обычаими* 1, *обѣ | чайми* 1, *ѡбычаи* (Тв. мн.) 1, *ѡбычаеъ* 2. (с а.п.: с.-х. ѡбичаѣ, слов. običaj, укр. обича́й, чеш. obyčej, слвцк. obyčaj).

14) ѡбѣдь Ев. 1, Сб. 3, ѡбѣда Сб. 2; *обѣдь* М. 1 (а а.п.: с.-х. ѡбед, слов. obèd — obèda, чеш. obèd, слвцк. obed, с.-х. jèsti, jèdèm).

15) ѡбѣтъ Сб. 1, ѡбѣта, 1, ѡбѣти (ѡбѣти) 5 (а а.п. — см. № 5).

16) ѡ^Tвѣтъ Сб. 3, ѡ^Tвѣта Ев. 3, Сб. 4, М. 3, ѡ^Tвѣту Сб. 4, ѡ^Tвѣтомъ 2, ѡ^Tвѣтъ 2, ѡ^Tвѣты 4 (а а.п. — см. № 5).

17) ѡ^Tдѣл(же) Сб. 1, (b а.п.: чак. dèl — dèlà, чеш. díl, слвцк. diel, см. также [13, с. 78]).

18) пѡваръ П. 1, пѡвару М. 1 (с а.п.: с.-х. vâp — vâpa, слов. vâg, чеш. var, см. также [8, с. 32]).

19) пѡдвигъ Сб. 6, пѡдвига 3, пѡдвиго^m 4, пѡдвижѣ М. 12, Сб. 1 (пѡдвизѣ*), пѡдвигы Сб. 5, Ж. Р. 1, пѡдвигъ (Р. мн.) Сб. 3, (пѡдвигъ 1, пѡдвѣгъ 1, по^hвѣгъ 1), пѡдвиго^m (Д. мн.) 4, по^hдвигы (Тв. мн.) 1, пѡдвиго^x 2; *подвѣгъ* Сб. 2, *подвѣго^m* (Д. мн.) 1 (с а.п. [8, с. 32]).

20) пѡмысль П. 5, Сб. 6, пѡмысла Сб. 3, пѡмыслоу П. 1, Сб. 1, М. 8, пѡмыслѡ^m Сб. 4, пѡмысли 1, Ж. П. 1, пѡмысль (Р. мн.) Сб. 2, пѡмыслѡ^m (Д. мн.) 1, пѡмысли (Тв. мн.) 3; *помысль* Сб. 1, *по | мѣсли* (жен. род. Р. ед.) 1, *помыслѡмъ* 2, *помысли* 2, *помыслѡ^m* (Д. мн.) 1, (с а.п.: с.-х. мѣсао — мѣсли, диал. mīsal — mīslī Р. ед., nà mīsal Novi 230, болг. мисълта, см. также [8, с. 32]; но есть свидетельства а а.п.: с.-х. мѣслити, мѣслѣм — см. [13, с. 73—74]).

21) пѡспѣхъ Сб. 1 (а а.п. — см. № 4).

22) пѡставь Сб. 1, пѡставу 1 (а а.п. [13, с. 125]; но есть мнение, что с а.п., см. [8, с. 30]).

23) пѡпась Сб. 3, пѡпаса Ев. 1, Сб. 1 (пѡпаса*), пѡпасѡ^m Сб. 2, пѡпасы 1, пѡпас (Р. мн.) 1; (*при*) *попасахъ* Ев. 1 (с а.п.: рус. за пояс; но [8, с. 35] — а а.п.).

24) пѡрѣзакъ Ев. 2 (с а.п.: рус. зѡрок, болг. зракѣт, с.-х. зрѣк — зрѣка, слов. zřak, чеш. zrak, слвцк. zrak; но по В. В. Колесову здесь заведомо поздно приобретенное непрефиксальное ударение) [8, с. 37].

25) пѡказъ Сб. 1, пѡказы 1 (b а.п.: рус. казѣтъ, кажѣ, кажешъ, чеш. kázati, с.-х. кáзати, кáжѣм, см. [13, с. 194]; последовательно накоренное ударение и в др.-рус. [8, с. 37]).

26) пѡрѣмакъ Сб. 1; *пѡрѣмакъ* 2 (с а.п.: рус. мѡрок, с.-х. мрѣк —

мрака, слов. mřāk — mřāka, болг. мракът, чеш. mřak, словцк. mřak, сред.-болг. во мраку [13, с. 95]; но есть свидетельства и а а.п. [13, с. 95], ср. [8, с. 37] — в др.-рус. последовательно накоренное ударение).

27) прóмысль Сб. 4, М. 4, прóмысла Сб. 3, (прóмыслá* 1), прóмыслу 2, (п^ромыслу 1), прóмыслѡм 4; *промысль* 1, *промысла* 4 (с а.п. — см. № 20).

28) прѣдѣдъ Сб. 1, прѣ | дѣду 1 (а а.п.: рус. дѣд — дѣда, с.-х. дѣд — дѣда, слов. dĕd — dĕda, чеш. dĕd, словцк. ded).

29) прѣдѣла Сб. 1, прѣдѣлѡм 1, прѣдѣлѣ 1, прѣдѣлы 5, прѣдѣлѡм (Д. мн.) 1, прѣдѣли (Тв. мн.) 1, прѣдѣлѣх 3, Ев. 1; *прѣдѣль* (Р. мн.), Сб. 1 (*прѣдѣль*) 1 (b а.п. — см. № 17).

30) рáзоумъ П. 1, Сб. мн., рáзоума Сб. 19, рáзоумѡу 6, рáзоумѡмъ Ев. 1, Сб. 6 — разоумѡмъ* П. 2, разоумѣ Ев. 1, Сб. 4, М. 5 (b а.п. непроизводного имени [13, с. 96], правда, чеш. и словцк. шт указывают на с а.п.; совр. с.-х. глагол — а а.п.: ўмѣти, ўмѣм; в др.-рус. разоумѣ и разоумѣ [8, с. 39]).

31) соуcѣды (Им. мн.) Ев. 2, Сб. 1, Ж. П. 1, соуcѣдѣ (Р. мн.) Ев. 1, соуcѣде (В. мн.) 1; *соуcѣда* (Р. ед.) Сб. 1 (а а.п. — с.-х. сѣсти, сѣдем [13, с. 164]).

32) соупрѣгъ Сб. 1, соупрѣга 1, соупрѣгѡм 1, соупрѣ | гѣ (Р. мн.), Ев. 1, (а а.п., судя по акцентной кривой самого postverbal; в др.-рус. ударение также последовательно на корне [8, с. 37]).

33) cѣблázнь Сб. 1, cѣблázнѡм 1; *сѣблázнь* Ев. 1, (ѡт) *сѣблázнь* (Р. мн.) 1, *сѣблázнѡмъ* (Д. мн.) 1 (а а.п.: рус., укр. блázень — блázня, чеш. blázni, в др.-рус. а а.п. [8, с. 25]).

34) cѣвѣтъ Сб. 12, Ж. П. 1, cѣвѣта Сб. 5, cѣвѣту 2, cѣвѣтѡт 4, cѣвѣтѣ 1, cѣвѣти 1, cѣвѣтѡм (Д. мн.) 1; *сѣвѣтъ* П. 1, Ев. 6, Сб. 1, М. 5, *сѣвѣта* Сб. 1, *сѣвѣтѡм* 1, *сѣвѣтѣ* 1 (а а.п. — см. № 5).

36) cѣмисль Ев. 1, cѣмислѡм М. 1 (с а.п. — см. № 20).

37) cѣмракъ Сб. 1 (с а.п. — см. № 26).

38) cѣпругъ Сб. 3, cѣпругѣ 1, cѣпругѡх 1 (а а.п. — см. № 32).

39) cѣcтáвъ Сб. 1, cѣcтáва 1, cѣcтáву 2, cѣcтáвы 1, cѣcтáвъ (Р. мн.) 1; *сѣcтáвъ* 4, М. 4, *сѣcтáва* Сб. 2, *сѣcтáву* 2, *сѣcтáвъ* 1 — *сѣcтáвъ** 1, *сѣcтáвъ* (Р. мн.) 1, *сѣcтáвох* 2 (a/c а.п. — см. № 22).

40) cѣcѡудъ Сб. 1, cѣcѡудѡу П. 1, cѣcѡудѣ (М. ед.) Сб. 1, cѣcѡуды 4, cѣcѡуды (Тв. мн.) 1; *сѣcѡудъ* Ев. 2, *сѣcѡуда* Сб. 1, *сѣcѡудѡмъ* Ев. 1, *сѣcѡудѣ* Сб. 1, *сѣcѡудѣ* (Зв. ед.) 1, *сѣcудъ* (Р. мн.) Ев. 2, Сб. 6, М. 2, Ж. П. 1, *сѣcуди* (Тв. мн.) Сб. 2 (b а.п. [8, с. 25] в др.-рус. отмечается два ряда форм, а непроизводное образующее — явно с а.п.: с.-х. cѣд — cѣдови — cѣди, слов. sĕd, чеш. и словцк. sud).

41) cѣcѣдъ Сб. 1, cѣcѣда 2, cѣcѣды 2, cѣcѣдѡм 1, cѣcѣды (Тв. мн.) 1 (а а.п. — см. № 31).

42) cѣcѣзъ Сб. 4, cѣcѣза 1 (b а.п. непроизводного глагола: рус. вя-зять, вяжѣ, вяжѣшь, чеш. vázati, словцк. viazat'; а а.п. простого имени: рус. ўза, ўзы, ўзкий).

43) оуброўcѡу Ев. 1, оуброўcѡм 1, Сб. 2 (обруcѡм 1), (въ) оуброўcѣ Ев. 1 (а а.п. — судя по акцентной кривой самого postverbal: рус. обрус, болг. обрус, чеш. и словцк. obrus; в совр. с.-х. другая ступень чередования: брисати, брѣшѣм — тоже а а.п.; в др.-рус. postverbal постоянно с накоренным ударением [8, с. 37]).

44) ѡужасъ Ев. 5, ѡужасѡм 1; *оужасъ* Сб. 7, *ужаса* 2, *оужасѡм* 7, *оужасѣ* 1 (предположительно с а.п.: чеш. žas и акцентуация postverbal в с.-х. и рус; В. В. Колесов [8, с. 36, 39] считает непрефиксальное ударение вторичным, так как оно появляется в поздних рус. памятниках, что поддержано, как будто, укр. ужáх; но в др.-серб., напротив, напрефиксальное ударение зафиксировано в раннем тексте Евангелия XV в.).

45) ѡузрáстѡм (Тв. ед.) Сб. 1 (с а.п. — см. № 2).

46) бѣкраси Сб. 1 (b а.п.: рус. красá — красѣ, чеш. krása, krásnu, словцк. krása, krásnu, с.-х. красити, красѣм [13, с. 79]; но рус. красен — краснá — краснѡ — с а.п.).

47) оукроуѣхъ (Р. мн.) Ев. 1 (*a a. п.*: с.-х. крѣх — крѣха, слов. *krüh — krúha*, слов. *kruch*, пол. *kruch*, но чеш. *kruch*).

48) ѣуспѣхъ Сб. 3, ѣуспѣха 1, ѣуспѣху 1 (*a/c a. п.* — см. № 4).

49) ѣуставомъ (Тв. ед.) Сб. 1; ѣуставь 5, Ж. П. 1, ѣуставу Сб. 4, ѣуставоу* 2, ѣустаѣ 2, ѣустаѣвы Ж. П. 1, Сб. 1, (ѣустаѣвы* 1), ѣустаѣвоу* (Д. мн.) 1, ѣустаѣѣ* 1 (*a/c a. п.* — см. № 22).

Рассмотренные др.-серб. *postverbal* с долгосложной основой имеют два акц. типа: 1) с ударением на корневой морфеме и 2) с ударением на префиксе. Анализ состава этих акц. типов показывает, что они формировались под действием морфонологического правила, вскрытого — прежде всего для праславянского — в работах В. А. Дыбо [15, с. 232 и др.; 16, с. 150—151, 218—220]. Это правило предполагает, что выбор акцентного типа деривата обусловлен акцентной парадигмой производящей основы. Другими словами, от основ исконной *a a. п.* *postverbal* в др.-серб. имели ударение на корне, от долгосложных основ исконной *s a. п.* *postverbal* получали ударение на приставке (независимо от ее количественной характеристики).

Среди последних образований (от основ *s a. п.*) встретились примеры с дополнительным конечным ударением в ряде падежей — Р. ед., Д. ед., Тв. ед., М. ед., Им. — В. мн.; эти примеры отмечены звездочкой: Р. ед. възду|хà облакà побасà прѣмыслà, Д. ед. ѣбычаю|ѣбычаю|ѣбычаю (в данном случае не может быть однозначной интерпретации, так как гравис с большим наклоном мог просто отмечать неприкрытый гласный), Тв. ед. разоумѣмъ (с одной стороны, здесь возможен акц. тип *b*, с другой — акутом могла быть отмечена долгота), М. ед. ѣблацѣ|пѣдвизѣ|сѣставѣ; Им. — В. мн. ѣуставы|ѣуставы, Тв. мн. ѣбы|чайми (см. интерпретацию форм Д. ед.).

Наличие аналогичных примеров из тех же текстов среди непроемных существительных подтверждает реальность этого явления у основ *s a. п.* Например, Р. ед.: дроугà П. 46а, градà Ев. 326, Сб. 117, 119..., ѣз градà 495а, ѣтлоугà 117а и т. д.; Д. ед.: моужоу П. 44а, (по) брѣгоу Ев. 80а, 174а, Сб. 221, градоу Ев. 174а, Сб. 441 и т. д.; Тв. ед.: кровѣмъ П. 23, гласѣмъ Ев. 337, 337а и т. д.; М. ед.: градѣ Сб. 162, 481а, 488, 490, страѣ 250 и т. д.; В. ед.: вѣ бѣсà Сб. 279а; Им. — В. мн.: власы Ев. 161а, 162, гласы 296а, Сб. 6, на доухы Ев. 129а и т. д.

Двумя звездочками отмечены примеры Р. мн., где акут на корневом гласном мог означать долготу.

Непоследовательность акцентного типа ряда др.-серб. *postverbal* (дублетность форм) может в определенных случаях объясняться неустойчивостью *a. п.* производящей основы (см. № 20, 21, 26, 27, 39, 40, 48, 49), а также может быть связана с территориальной привязанностью памятников (например, преобладание форм с напрефиксальным ударением в Патерике XIV в. может иметь объяснение в его южном происхождении). По-видимому, нельзя исключать возможности влияния текстов II и III групп.

Однако отмеченные непоследовательности не нарушают основного принципа построения акцентной системы долгосложных *postverbal*, по которому порождение акцентных типов подчиняется общему морфонологическому правилу зависимости акц. типа дериватов от *a. п.* образующих основ. Исконность данной системы подтверждают соответствия из современных языков. *Postverbal* от основ *a. п.* с акутовой корневой интонацией сохраняют место иктуса на корневой морфеме (в др.-серб., рус., слов., в современном с.-х. — восходящее ударение на приставке, перенесенное с корня по штокавской ретракции — см. табл. 1). Им противопоставлены *postverbal* от долгосложных основ подвижной *s a. п.*, где иктус не принадлежал корневой морфеме. Они имели напрефиксальное ударение в др.-серб., рус., с.-х. (˘ краткое нисходящее, т. е. неперенесенное), а в слов. — долгое нисходящее ударение на корне ˘, являющееся рефлексом циркумфлекса (см. табл. 2).

Незначительное число образований от *a. п.* *b* не позволяет сделать выводы об акцентологических закономерностях в этой группе *composita*.

Вряд ли выходит за гипотетический уровень предположение о зависимости перетяжки ударения от количества приставки, т. е. на долгую приставку ударение перетягивалось (ўкрасъ разумъ), а на краткую — нет (съсбудъ, ѡтдѣлъ), ср. наблюдения В. В. Колесова [8, с. 40], в которых констатируется отсутствие перетяжки на любой краткий префикс в образованиях от долгосложных основ *b* а.п. (см. табл. 3).

* * *

Для удобства ориентирования в материале по краткосложным основам он распределен по а. п. *b* и *c*, так как и др.-серб. материал и почти все современные славянские языки, как и др.-рус. факты, свидетельствуют о раннем совпадении окситонированных образований с *composita* от основ подвижного акц. типа. (ср. [8, с. 41]).

Краткосложные *postverbal* от основ *b* а. п.

1) въпрѡсу (Д. ед.) Сб. 1, въпрѡси 1 (исходный глагол — *b*. а. п. прѡсѣти, прѡсим [13, с. 127]; в др.-рус. *postverbal* последовательно имеет накоренное ударение [8, с. 26]).

Таблица 1

Postverbal от основ *a* а.п.

др.-серб.	совр. литер. с.-х.	рус.	слов.
завѣтъ/ <i>zavětъ</i>	завѣт	завѣт	zavět — zavéta
извѣтъ	извѣт	извѣт	—
навѣтъ/ <i>navětъ</i>	навѣт	навѣт	—
обѣтъ	objet (RJA)	обѣт	obèt — obéta
ѡтвѣтъ	—	отвѣт	—
свѣтъ/ <i>světъ</i>	савѣт	сѡвѣт	—
въкоусъ	ўкус ¹	вкўс	—
искўсъ	iskus (PCAN) *	искўс	—
образъ/ <i>obrazъ</i>	образ	образ (Даль)	obràz — obràza
обѣдъ/ <i>obědъ</i>	обѣд	обѣд	obèd — obéda
поставъ	пѡстав и пѡстав	поставъ	postàv — postàva
сѣставъ/ <i>svestavъ</i>	савѣст	сѡставъ	sestàv — sestàva
ѡуставъ/ <i>ustavъ</i>	ўстав и ўстав	уставъ	—
прѣдѣду/ <i>predědъ</i>	прадѣд и прадѣд	прадѣд	prádèd — prádéda ²
соусѣдъ/ <i>sousedъ</i>	сўсед и сўсед	сусѣд (диал.)	sòsed — soséda ²
свѣдъ	—	сѡсѣдъ	—
соупрѡгъ	сўпруг	супрўг	sòprog — sopróga ²
свѣрѡгъ	—	—	—
свѣблазнъ/ <i>svblaznъ</i>	савѣлазан (f.) ³	савѣлазнъ	—
ѡубрѡусъ	ўбрус	убрўс	ubrŭs ⁴
ѡукрѡухъ	(крўх)	укрўх	—
доспѣхъ	—	доспѣхи	—
пѡспѣхъ	пѡспех	—	pospèh ⁵
ѡуспѣхъ	ўспех	успѣх	uspèh

¹ Сербская фонетическая особенность *v* → *u*-, вторичное ударение на этом новом *u*- (если не с а.п., см. [8, с. 25]).

² Известная старая вторичная оттяжка с агутвых корней [8, с. 36].

³ Новое ударение, возможно, объясняется чисто сербскими изменениями: превращение слова в трехсложное и переход в жен. род, ср. также прилагательное *савлазан* — *савлазна* — *савлазни*.

⁴ Словенский указывает на а.п. *c*.

⁵ Др.-серб. примеры и слов. указывают на акц. тип с этой основы.

* Без ударения.

Долгосложные postverbal от основ с а.п.

др.-серб.	совр. литер. с.-х.	рус.	слов.
вѣздухъ/ <i>вѣздухъ</i>	вѣздѹх	вѣздух	—
вѣзрасть/ <i>вѣзрасть</i> (ѹзрасть)	ѹзраст	вѣзраст	—
зѣпадъ/ <i>зѣпадъ</i>	зѣпад	зѣпад	západ — Valjavec
нѣдоугъ/ <i>нѣдоугъ</i>	нѣдѹг	нѣдуг ¹	(nedôžje)
облакъ/ <i>облакъ</i>	облак	облак	oblák
обычай/ <i>обычай</i>	обичај	обычай	običáj
пѡварь	—	пѡвар	(povárek)
пѡдвигъ/ <i>пѡдвигъ</i>	пѡдвиг и пѡдвиг	пѡдвиг	podvig — podvíga
пѡмысль/ <i>пѡмысль</i>	пѡмѣсао	пѡмысел	pomisel (f.)
прѡмысль/ <i>прѡмысль</i>	прѡмѣсао	прѡмысел	—
сѣмисль	смѣсао ³	смѣсл ³	—
пѡгья	појас	појас	pojás
прѣзракъ	прѣзрак	прѣзрак	—
прѣмракъ/ <i>прѣмракъ</i>	прѣмарк	прѣмракъ ⁴	primrák
сѣмракъ ⁵	сѹмрак	сѹмрак	súmraak, sòmraak
ѡужась/ <i>ѡужась</i>	ѹжас	ѹжас	—
разоумь	разѹм	разѹм	razúm

¹ Совр. рус. недѹг, но в «Словаре современного русского литературного языка» (т. 7, М.—Л., 1958) указано «устар. и обл. недѹг», Берында Лекс. 1627 г. недѹг.

² В рус. языке образования на -ајъ рано утрачивали непрификсальное ударение.

³ С утратой редуцированного в префиксе ударение закономерно переместилось (в совр. с.-х. и рус.) на корень.

⁴ Даль² II, 426.

⁵ Соумрак (<сѣмракъ) не встретилось в текстах, поэтому здесь приводится вариант этого образования с префиксом сѣ-.

Таблица 3

Долгосложные postverbal от основ б а.п.

др.-серб.	совр. литер. с.-х.	рус.	слов.
приказъ	приказ	приказ	prikàz — prikàza
ѡдѣль	ѡдѣл	отдѣл	—
прѣдѣль/ <i>прѣдѣль</i>	прѣдео и прѣдео	предѣл	predèl — predèla
сѣѹзь	сѣвез	союз	—
сѣсоудь/ <i>сѣсоудь</i>	сѣсуд	сосѹд	—
ѹкраси	ѹкрас	—	ukràs — ukràsa

2) вѣсхѡдь Сб. 4, Ж. Р. 1, вѣсхѡдѡ^м 1 (исходн. глагол — б. а. п. хѡдити, хѡдѣм [13: 127]; в др.-рус. последовательно накоренное ударение [8, с. 26]; слов. hōditi, hōdim, zahōd — zahōda), см. также № 3, 7, 9, 10, 20, 26.

3) вѣхѡ^д Сб. 7, вѣ|хѡда 1, вѣхѡду 6, вѣхѡдѡ^м 4, вѣхѡды 1, вѣхѡдѡ^х 1, см. № 2, 7, 9, 10, 20, 24, 26.

4) закѡнь Сб. 26 (закѡнь 1), закѡна — несколько десятков примеров, (закѡна 1), закѡну 13, закѡном¹ 5 (закѡном^м 1), закѡнѣ 6, Ев. 1, (вѣ за|кѡнѣ), закѡны Сб. 7, закѡном^м (Д. мн.) 3, закѡны (Гв. мн.) 3, закѡном^х 2; закѡнь П. 1, Ев. 9, Сб. 15, Ж. П. 2, закѡна Ев. 7. Сб. 5, Ж. П. 1, (по) закѡну П. 1, Ев. 7, Сб. 7, Ж. П. 1, закѡном¹ Сб. 1, (вѣ) закѡнѣ Ев. 11, Сб. 2, закѡны Сб. 2, М. 9, закѡны (Гв. мн.) Сб. 2, закѡном^х 1 (праславян. pomen actionis от глагола *zасѣti с степенью чередования -о-, глаг. основа б а. п. [13, с. 165]; в др.-рус. с накоренным ударением, напрефиксальное ударение В. В. Колесов считает поздним [8, с. 36], ср. рус. закѡн. укр. закѡн — за-

ко́ну, с.-х. за́кон, слов. zákon — zakóna. В др.-серб. напрефиксальное ударение зафиксировано как раз в ранних памятниках — П. XIV в. и Ев. XV в. Заслуживает внимания предположение Б. Конеского, что примеры за́конъ, жи́вотъ, ко́нечъ и др. были «отражением какого-то реального произношения в церковной среде» [17, с. 94—95].

5) зало́гь Сб. 1, зало́гы 1, М. 3; *zálosi* Сб. 1 (исходный глагол *lōžim* [24: 197—81], ле́жи, ле́жём — *b* а. п.), см. [13, с. 127, 184]; в др.-рус. постоянное накоренное ударение в *postverbal* [8, с. 36]; руск. зало́г, укр. зало́г — зало́гу, с.-х. за́лог, слов. zálog — zalóga, lōžiti, lōžim; см. также № 8, 11, 14, 17, 22.

6) затво́рь Сб. 1, затво́ри 1; *zátvorь* П. 1, Сб. 2 (исходный глагол, по всей видимости, *b* а. п.), см. [13, с. 127], хотя слов. storiti, storim и рус. творить, творю́, твори́шь свидетельствуют о *c* а. п.; в др.-рус. *postverbal* с последовательным ударением на корне [8, с. 36]; ср. рус. затво́р, с.-х. *zátvor*, слов. *zátvor* — *zátvóra*), см. № 19.

7) и́сходь Сб. 3, и́схода 2, и́сходоу 2, и́сходы 1; (*на*) и́сходѣ П. 1 (рус. и́сход, с.-х. и́сход, слов. — ; в др.-рус. ударение постоянно на корне, но есть и форма с наконечным ударением до и́схода [8, с. 28, 29]), см. № 2, 3, 9, 10, 20, 21, 26.

8) нало́гь Сб. 1 (рус. нало́г, с.-х. на́лог, слов. nálog — nalóga; в др.-рус. постоянное накоренное ударение [8, с. 36]), см. № 5, 11, 14, 17, 22.

9) нахо́ды Сб. 1 (рус. нахо́д, с.-х. на́ход, слов. náhod — nahóda; в др.-рус. последовательно ударение на корне [8, с. 37]), см. № 2, 3, 7, 10, 20, 21, 26.

10) ѿгхо́ду (Д. ед.) Сб. 1, см. № 2, 3, 7, 9, 20, 21, 26.

11) поꙗло́гь М. 6, см. № 5, 8, 14, 17, 22.

12) по́ймы Сб. 1 (исходн. глагол *jъmǫ, jěti, рус. иму́, имешь, слов. jámet, с.-х. по́jam и по́jam, слов. ро́jem — ро́jma, роjěti, роjámem, роjъmem — *b* а. п. [18, с. 69 и след.]).

13) покрóвь Ев. 1, Сб. 9, Ж. Р. 1, покрóва Сб. 2, покрову́ (Д. ед.) 1, покрóвы 2; *пóкровь* П. 1, Сб. 2, М. 3 (исходн. глагол *a*. а. п. с.-х. крити, криjем, см. [13, с. 202]; но *postverbal* с *o*-огласовкой имел, по-видимому, акц. тип *b*: следы конечноударенных форм находим в славянских языках и диалектах: рус. Покрóв — Покрoвá (праздник), чакав. rokròv — rokròva, слов. ро́kròv — ро́kròva, как, например, *zátvòr* — *zátvóra*; в др.-рус., по утверждению В. В. Колесова, с постоянным ударением на корне [8, с. 28]), см. № 16.

14) по́логь М. 2 (в др.-рус. также с ударением на приставке [8, с. 39], то же в рус. по́лог, укр. по́лог, но с.-х. по́лог, слов. pològ — pológa). Поскольку остальные образования от этой основы (см. № 5, 8, 11, 17, 22) имеют последовательно накоренное ударение, объяснение особенности ударения данного производного, возможно, следует искать в ц.-славян. традиции, ср. за́конъ [17, с. 94—95].

15) поно́сь Сб. 1 (исходный глагол *b* а. п.: с.-х. нòсити, нòсим, см. [13, с. 127]; в др.-рус. с постоянным ударением на корне [8, с. 28]; рус. поно́с, с.-х. по́нос, слов. ronòs — ronósa, ronósi, ronósim), см. № 18.

16) *при́кровомь* (Тв. ед.) П. 1 (слов. prikròv — prikròva, ср. rokròv — rokròva, рус. —, с.-х. —), см. № 13.

17) прило́гь Сб. 1, прило́га М. 5, прило́гомь Сб. 2, прило́гь (Р. мн.) 1, прило́гомь (Д. мн.) 1 (рус. прило́г, с.-х. при́лог, слов. prilòg — prilóga; в др.-рус. постоянное накоренное ударение [8, с. 37]), см. № 5, 8, 11, 14, 22.

18) прино́сь Сб. 1 (рус. прино́с, с.-х. при́нос, слов. prinòs — prinósa; в др.-рус. постоянное накоренное ударение [8, с. 37]), см. № 15.

19) притво́рь Сб. 1, притво́рьѣ 1, притво́ры М. 1, притво́ромь (Д. мн.) Сб. 1, притво́рьѣхъ 1 (рус. притво́р, с.-х. при́твор, слов. —; в др.-рус. с постоянным накоренным ударением [8, с. 37]), см. № 6.

20) прихо́дь Сб. 4, прихо́да 1, прихо́ду 1 (рус. прихо́д, с.-х. при́ход, слов. prihòd — prihóda), см. № 2, 3, 7, 9, 10, 21, 26.

21) прохóда М. 1, прохóду Сб. 1 (рус. прохóд, с.-х. про́ход, слов. rǫhòd — rǫhóda; в др.-рус. с накоренным ударением [8, с. 28]), см. № 2, 3, 7, 9, 10, 20, 26.

22) пр^авльогъ М. 2 (рус. предлѳг, с.-х. прѳдлог, слов. predlōg — predlōga), см. № 5, 8, 11, 14, 17.

23) прѳвѳозъ Сб. 1 (исходный глагол с.-х. вѳзити, вѳзим — *b a. п.*, см. [13, 126—127]; рус. переводз, с.-х. прѳвоз, слов. prѳvoz — prѳvōza, (pre)vōziti, (pre)vōzim; в др.-рус. постоянное ударение на корне [8, с. 37]).

24) прѳстѳоль П. 1, Ев. 2, Сб. 22, Ж. Р. 1, Ж. П. 2, прѳстѳола Сб. 5, прѳстѳолу Ев. 2, Сб. 4, прѳстѳоло^м Сб. 3, (на) прѳстѳолѳ Ев. 3, Сб. 12, М. 3, Ж. П. 1, прѳстѳоле (Зв. ед.) Сб. 2, прѳстѳолы 4, прѳстѳолѳ^х Ев. 1, Сб. 3 (исходное имя с.-х. стѳ — стѳла, рус. стол — столá — *по столу*, слов. stōl — stōla — *b a. п.*; в др.-рус. наряду с обычным накоренным ударением postverbal имеет и конечноударенные формы: на прѳстѳолѳ [8, с. 39], рус. престѳол, с.-х. прѳстѳол — прѳстѳола, слов. prѳstoł — prѳstōla).

25) свѳвѳдѳ (М. ед.) Сб. 1 (исходный глагол с.-х. вѳдити, вѳдим — *b a. п.* [13, с. 126], рус. свѳд — свѳда, с.-х. свѳд — свѳда, слов. svōd — svōda, vōditi, vōdim).

26) сѳхѳѳ Сб. 1 сѳхѳѳду 1 (рус. сѳд — сѳда, с.-х. сѳд — сѳда, слов. shōd — shōda), см. № 2, 3, 7, 9, 10, 20, 21.

Краткосложные postverbal от основ *c a. п.*

1) вѳзѳрѳ^м (Тв. ед.) Сб. 2; вѳзорѳ^м 1 (исходный глагол с.-х. зрѳти, зрим — *c a. п.*, см. [13, с. 161], рус. взѳр), см. подробнее № 3, 14.

2) вѳстѳѳкъ Ев. 2, Сб. 8, вѳстѳѳка Сб. 1, М. 1, вѳстѳѳко^м М. 1, вѳстѳѳцѳ Сб. 5, (на) вѳстѳѳцѳ 1, вѳстѳѳко^м (Д. мн.) Сб. 3; вѳстѳѳкь 1, вѳстѳѳка 4, (на) вѳстѳѳкь П. 1, на вѳстѳѳкь Сб. 1, вѳстѳѳко^мь 1, вѳстѳѳче 1, на вѳстѳѳѳцѳ Ев. 1, вѳстѳѳко^м (Д. мн.) 1 (исходн. глагол в с.-х. *c a. п.* — см. [13, с. 169]; рус. востѳк, с.-х. ѳсток и сток; в др.-рус. с накоренным ударением во всех формах и с колебанием в Д. ед. к вѳстоку и в сочетании «от вѳстока до запада», напрефиксальное ударение, по мнению В. В. Колесова, появляется позже [8, с. 27]), см. № 5, 18.

3) зазѳрѳ Сб. 1, зазѳра 1 (рус. зазѳр, с.-х. зѳзор, слов. zazōr — zazōga; в др.-рус. последовательно накоренное ударение [8, с. 36]), см. № 1 и подробнее № 14.

4) закѳры Сб. 1 (исходн. глагол — *c a. п.*: с.-х. кѳрити, кѳрим, слов. korīti, korīm, см. [13, с. 130]), см. № 27.

5) ѳстоку М. 1 (в др.-рус. ударение постоянно на корне [8, с. 30]), см. №№ 2, 18.

6) нарѳдъ Ев. 5, (нарѳ^м Сб. 3), нарѳда Ев. 5, Сб. 7 (нарѳда 1, наарѳда 1), нарѳдоу Ев. 2, Сб. 7, (наарѳду 1), нарѳдо^м Сб. 3, (въ) нарѳдѳ Ев. 2, Сб. 2, нарѳди Ев. 7, Сб. 5 (нарѳди 1, нарѳди 1), нарѳдомѳ (Д. мн.) Ев. 2, Сб. 2 (въ) нарѳдѳхъ Сб. 1; нарѳдѳ Ев. 14, Сб. 2, М. 3, нарѳда Ев. 2, Сб. 1, Ж. П. 1, (нарѳда) П. 1, (въ) нарѳдѳ Ев. 2, М. 1, нарѳды Ев. 11, Сб. 1, на[рѳдомѳ] (Д. мн.) 1 (исходн. имя и глагол *c a. п.*: с.-х. рѳд — рѳда, рѳдити, рѳди [13, с. 92]; рус. нарѳд, с.-х. нарѳд, слов. nārod — nārōda, rodīti, rodīm, но укр. nārid — nāроду; в др.-рус. наряду с регулярными формами с накоренным ударением, притом с рефлексом нового акута, встречаются в Им. и В. ед. формы с напрефиксальным ударением [8, с. 38]), см. № 28.

7) нарѳко^м (Тв. ед.) Сб. 1 (исходное имя и глагол *c a. п.* или *c/b a. п.*: с.-х. рѳк — рѳка, диал. rēč, rēčēn (Susak 120), литер. *b a. п.* rēчи, речѳм, см. [13: 169]; рус. нарѳк, с.-х. нарѳк, слов. nārok — nāroka), см. № 8, 12, 17, 21, 26, 29.

8) ѳбрѳк¹ Сб. 1, ѳбрѳкѳ 1, ѳбрѳкы (Тв. мн.) Ев. 1 (рус. обрѳк, с.-х. ѳброк, слов. obrōk — obrōka; в др.-рус. с постоянным накоренным ударением [8, с. 30]), см. № 7, 12, 17, 21, 26, 29.

9) ѳкѳвы Сб. 1, М. 2, ѳкѳвы (Тв. мн.) Сб. 2 (исходный глагол — *c a. п.*: рус. ковѳть, кувѳ, кувѳшь, слов. kovāti, kųjem, okōv — okōva, с.-х. ѳков, рус. окѳвы; отмечая в др.-рус. postverbal постоянное ударение на корне, В. В. Колесов считает исходным акц. тип *b* [8, с. 28]).

10) ѳплѳтъ Сб. 1, оплѳтомѳ Ев. 4 (исходный глагол и имя — *c a. п.*:

с.-х. плѣсти, плѣтѣм, см. [13, с. 168], плѣт — плѣта, слов. plōt — plōta — plotū, рус. оплѣт, слов. oplōt — oplōta).

11) острѡвь М. 2, ѡстрѡвь Сб. 1, острѡво^х 1; ѡстрѡвь Сб. 6, ѡстрова 1, ѡстрѡвѣ 4, ѡстрѡвы 7, ѡстро|во^м (Д. мн.) 1 (непроизводн. имя с иной огласовкой — с а. п.: с.-х. стрѹй — стрѹја; рус. ѡстров, болг. ѡстров, но с.-х. ѡстров, слов. ostrōv — ostrōva; в др.-рус. с колеблющимся накоренным/напрефиксальным ударением [8, с. 31]).

12) отрѡкъ Ев. 4, Сб. 10, ѡтрѡка Сб. 13, Ж. Р. 3 [и ѡтрѡкà Ев. 2], Сб. 17, отрѡку Сб. 5 [и ѡтрѡкѹ 1], отрѡкомь 2, отрѡче Ев. 1, Сб. 2, Ж. Р. 1, ѡтрѡци Сб. 5, М. 2 [и отрѡци 3] (отрокѣ Ев. 1), ѡтрѡкѣ (Р. мн.) Сб. 1, (ѡтрѡкъ 1), отрѡко^м (Д. мн.) Сб. 2 [и отрѡкомь 2], отрѡкы (Тв. мн.) 2, отрѡка (Им. дв.) 1 [и отрѡкà 2] (рус. ѡтрок, но с.-х. ѡтрок, болг. отрѡк, слов. otrōk — otrōka; в др.-рус. возможны все три ударения [8, с. 29], А. А. Зализняк отмечает *b* акц. тип этого postverbal в др.-рус. памятнике XIV в. — Мериле Праведном [14, с. 67]), см. № 7, 8, 17, 21, 26, 29.

13) по^дпѡрь Сб. 4, Ж. Р. 1, Ж. П. 1, по^дпѡры Сб. 1 (непроизводный глагол *pertī, рьрѡ, с которым связан этот postverbal, согласно одним данным, — *b* а. п. [13, с. 163, 165], по другим — *c* а. п. [16, с. 69 и др.]; в др.-рус., затрудняясь определить а. п. основы, В. В. Колесов отмечает постоянное ударение на корне [8, с. 29]; слов. podpōr — podpōra, zaprēti, zaprēm, но с.-х. пѡтпор).

14) позѡрь Ев. 2, Сб. 1, позѡро^м Сб. 2; пѡзорь М. 4, пѡзоры Сб. 1, (рус. позѡр, с.-х. пѡзор, слов. pozōr — rozōra, rozrēti, rozrēm; в др.-рус. отмечается редкое ударение на приставке в В. ед. нà позор [8, с. 29]), см. № 1, 3.

15) пѡклонь П. 1 (исходн. глагол *c/b* а. п., см. [13, с. 130] — *c* а. п.). В. В. Колесов считает *b* а. п., отмечая в др.-рус. постоянное ударение на корне [8, с. 28]; рус. поклѡн, с.-х. пѡклон и пѡклѡн; слов. poklōn — poklōna — свидетельствует о *c* а. п., но глагол klōniti, klōnim — о *b* а. п., см. № 22.

16) покѡи Ев. 2, Сб. 15, Ж. П. 1 [и покои Сб. 4], покѡа 1 [и покоя Ев. 2, Сб. 6], (за) покѡи Ев. 2, покѡи (М. ед.) Сб. 1, покѡю (Зв. ед.) 1, покѡи (В. мн.) 1 (исходный глагол *c* а. п., см. [13, с. 92]; на *b* а. п. указывает слов. rōkoj — rokōja и болг. покѡят, на *c* а. п. слов. rokojiti, rokojim).

17) порѡкъ Сб. 1, порѡка П. 1, Сб. 7, Ж. П. 1 (рус. порѡк, с.-х. пѡрок, слов. rōrok — rogōka (*b*), rogōiti, rogōsim (*c*); в др.-рус. постоянное накоренное ударение, исходный акц. тип *b* [8, с. 28]), см. № 7, 8, 12, 21, 26, 29.

18) потѡкъ П. 1, Сб. 1, потѡка Ев. 2, Сб. 2, потѡци Сб. 3; пѡтокъ 2, пѡтока 2, пѡтоци 1 (рус. потѡк, с.-х. пѡток, слов. rōtok — rotōka; в др.-рус. обычно накоренное ударение, но есть и на пѡтоцѣ [8, с. 33]), см. № 2, 5.

19) потѡпь Ев. 2, Сб. 4, пѡтѡпь Ев. 1, потѡпа 1, Сб. 4, потѡпѣ Сб. 1; пѡтопь М. 1 (исходный глагол тѡпити се, тѡпим се — *c* а. п., но восточнославянские языки свидетельствуют о *b* а. п. [13: 130]; в др.-рус. postverbal с постоянным накоренным ударением [8, с. 29], рус. потѡп, с.-х. пѡтоп, слов. rotōr — rotōra (*b*), глагол torīti, torīm (*c*)).

20) причѣтѡ^м (Тв. ед.) Сб. 2; причѣть 1, причѣтѡ^м 1 (исходный глагол в с.-х. чѣтити, чѣтим *c* а. п., см. [13, с. 169]; в др.-рус. причѣть, а в косвенных падежах ударение оттянуто на приставку [8, с. 39]).

21) прѡ^рркъ Сб. 4, прѡ^ррока 1, прѡ^рроку 3, прѡ^рркы 2 и прѡ^рркѣ 1, прѡ^рркѣ (Р. мн.) 1, прѡ^ррко^м (Д. мн.) 1, прѡ^рркы (Тв. мн.) 1, прѡ^ррцѣ^х 1 (рус. прѡрѡк, с.-х. прѡрок, слов. rōrok — rogōka; в др.-рус. с ударением на корне [8, с. 28]), см. № 7, 8, 13, 17, 26, 29.

22) прѣклѡнь Сб. 1 (рус. преклѡнь — Даль² III, 392, слов. preklōn — preklōna), см. № 15.

23) раздѡры Сб. 1 (исходный глагол, судя по рус. драть, дерѹ, дерѣшь, болг. дерà — *c* а. п.; рус. раздѡр, с.-х. рãздор, слов. razdōr — razdōra; в др.-рус. с постоянным накоренным ударением [8, с. 37])

24) съѡборь 'собор' Ев. 2, Сб. 8, М. 4, Ж. П. 2, съѡбра П. 1, Сб. 4, съѡбору Ев. 1, Сб. 4, Ж. П. 1, съѡро^м (Тв. ед.) Сб. 1, съѡбрѣ 1 [и съѡбрѣ 1],

сьбѡре (Зв. ед.) 3, сьбѡры 5, сьбѡровы П. 1, сьбѡръ (Р. мн.) 4, сьбѡрѡ^м (Д. мн.) 1, сьбѡре^х 1 (исходный глагол с а. п., см. [13, с. 168]; рус. собѡр, с.-х. сабор, слов.—), см. № 25.

25) сьбѡрь, 'сбор' Сб. 4 (рус. сбор — сбѡра, с.-х. збѡр и збѡр, збѡра, слов. zbòr — zbòra), см. № 24.

26) ѡузрѡкы Сб. 3; ѡузрѡкъ М. 1 (с.-х. ѡзрок, рус. узрѡк — Даль, слов.—).

27) оукѡръ Сб. 1 (рус. укѡр, с.-х. ѡкор и ѡкор, слов. ukòr — ukòra; в др.-рус. с постоянным накоренным ударением [8, с. 37]), см. № 4.

28) ѡурѡ^х Сб. 1, ѡурѡду 1, ѡурѡде (Зв. ед.) 1, ѡурѡди 1 (рус. урѡд, с.-х. ѡрод, слов. uròd — uròda), см. № 6.

29) ѡуро^к (Р. мн.) Сб. 1 (рус. урѡк, с.-х. ѡрок, слов. uròk — uròka; в др.-рус. с постоянным накоренным ударением [8, с. 37]), см. № 7, 8, 12, 17, 21, 26.

Postverbal от краткосложных основ *b* и *c* а. п. — это образования (часто *po*men actionis) с *-o-* корневой огласовкой. При внешнем сходстве (основная масса примеров и среди образований от основ *b* а. п., и от основ *c* а. п. имеет накоренное ударение по всей парадигме склонения, в обеих группах postverbal встретилось некоторое число дублетных (или изолированных) форм с напрефиксальным ударением — выделены курсивом и отдельные случаи окситонированных форм — заключены в квадратные скобки) даже на уровне анализа др.-серб. материала видно различное происхождение форм с напрефиксальным и наконечным ударением у образований от основ *b* и *c* а. п. Примеры с напрефиксальным ударением в postverbal от основ *b* а. п. отмечены прежде всего в Патерике — памятнике южного происхождения и, следовательно, подверженном влиянию текстов III группы, в которых все postverbal имеют напрефиксальное ударение (зѡконь, зѡлюси, зѡтворь, йсходѣ, пѡкровь, прѣкровѡмь, пѡлогь). Postverbal от основ *c* а. п. с ударением на приставке (в основном — на краткой): прѣчьть, пѡзорь, вѣстокь, пѡтокь, нѡродь, ѡстровь, пѡклонь, пѡтошь, вѣзорь, ѡузрокь, ѡурокь (первые шесть образований имеют соответствия в др.-рус., ѡстровь — в современном русском). В отличие от первой группы примеров данные примеры не имеют территориальной привязанности. К тому же, только среди них встречаются формы-epiclinomena: нѡ вѣстоцѣ, нѡ вѣстокь.

Конечноударенные формы, встретившиеся у образований от основ *c* а. п., не имеют единого объяснения. Ѡтрокъ, как уже говорилось, вообще имел окситонированный акц. тип, возможно, сюда же относился прѡркы. В формах покоя, покой гравис, возможно, имеет не акцентологическую, а графическую функцию, отмечая неприкрытый гласный. Остается один пример в М. ед. сьборѣ, который может быть отнесен к серии подобных форм, наблюдаемых у postverbal от долгосложных основ исконной *c* а. п.

Для понимания основной массы примеров с накоренным ударением обратимся к инославянским параллелям. Словенский материал показывает, что накоренное ударение краткосложных образований *b* и *c* а. п. — разного происхождения. Composita *b* а. п. имеют в косвенных падежах следы нового акута (закрытый ѡ — под долгим восходящим ударением): слов. (zahòd) — zahòda, (prihòd) — prihòda, (shòd) — shòda, (nàhod) — nahòda, (pròhod) — prohòda, (zatvòr) — zatvòra, (prilòg) — prilòga, (predlòg) — predlòga, (zálog) — zalòga, (svòd) — svòda, (zákon) — zakòna, (prévov) — prevòza (в ряде случаев ударение в Им. ед. оттянуто на префикс). Из рассматриваемых образований только у трех отсутствует рефлекс нового акута: (prèstol) — prestòla, (ponòs) — ponòsa, (prinòs) — prinòsa. Однако не исключено здесь наличие а. п. с: ср. рус. пѡ столу; два последних, возможно, объясняются как *o-*ступень чередования от глагола с а. п. несú — несѣшь.

Соответственно слов. параллели к др.-серб. образованиям от основ *c* а. п. имеют в косвенных падежах обычное *-ò-* под долгим восходящим ударением, которое является остаточным свидетельством конечноударенных форм (см. подробно на большом материале о словенских акцентологиче-

ских перестройках в крайне важной для южнославянской исторической акцентологии работе В. А. Дыбо [19]: (zazòr) — zazóra, (pozòr) — pozóga, (otròk) — otróka, (okòv) — okóva, (podpòr) — podpóra, (poklòn) — poklóna, (priklòn) — priklóna, (razdòr) — razdóra, (zbòr) — zbóra, (ukòr) — ukóra. Список лексем, выпадающих из этой системы, даже в рамках рассматриваемых соответствий достаточно велик. Среди них есть основы с колеблющимися акц. типом, т. е. возможные *b a. п.*: (rórok) — ro-ròka (ср. в с.-х. исходный глагол рѣћи, рѣчѣм — *b a. п.*), (prórok) — pro-ròka, (obròk) — obròka, (uròk) — uròka; (národ) — naróda (и в др.-рус. есть формы с рефлексом нового акута нарѣда, нарѣд [8, с. 38]); (pókoj) — pokója (см. № 16) и (ostròv) — ostróva (см. № 11).

Противопоставление основ *b* и *c a. п.* в рассматриваемом слов. материале видно прежде всего в акцентовке образующих глаголов: *b a. п.*: hóditi — hódim, klóniti — klónim, lóžiti — lóžim, vóditi — vódim, vóziti — vózim и т. д.; *c a. п.*: rodíti — rodim, pozrėti — pozrèm, poročiti — poročim, zaprėti — zaprèm, pokojiti — pokojim, topíti — topim и т. д.

Таким образом, материал слов. литер. языка, тоже достаточно стертый, дает возможность предположить, что накоренное ударение появилось в краткосложных *poštverbal* прежде всего закономерно в основах *b a. п.* и затем распространилось на основы *c a. п.*

Следовательно, рассмотренный материал из древнесербских письменных памятников XIV—XVI вв., нашедший поддержку в ряде современных языков (и в др.-рус. материале), несмотря на ряд отклонений ранних эпох и позднего времени, дает некоторое представление о первоначальном принципе построения акцентологических отношений в этой группе образований. Здесь действовало морфонологическое правило выбора акцента производного, характерное для праславянской системы парадигматической организации.

В долгосложных основах: (1) в акц. типе *a* с акутовой корневой интонацией место иктуса сохранялось на корневой морфеме, в то время как (2) *composita* от долгосложных основ *c a. п.* получали ударение на префиксе, независимо от его количественной характеристики.

Краткосложные *composita* от онов *c a. п.* также изначально имели на префиксальное ударение, а от *b a. п.* — накоренное. Но очень рано здесь проявилось действие новой тенденции, характерной для славянской акцентной системы, — развитие категориального акцента. Благодаря общности морфологического строения (огласовка — *o*) краткосложные образования совпали в одном акц. типе с накоренным ударением.

Обращение к сербскому (штокавскому) диалектному материалу (естественно, что отбирались те диалектные системы, которые соотносимы с материалом памятников I группы) не только подтверждает наличие в говорах старого распределения, выявленного на древнесербском материале, но и показывает пути развития этой системы.

Следы старого (исконного) распределения видны в противопоставлении основ *a a. п.* с ударением на корне (I акц. тип) долгосложным основам *c a. п.* со старым ударением на приставке (II акц. тип): I. сусѣд — сусѣда/II. облак — облака; краткосложные основы *b* и *c a. п.* не составляют единого акц. типа, они имеют вперемешку формы, подобные как I, так и II акц. типам. Такая картина наблюдается в периферийных архаичных говорах: славонских XIX в. (Брлич [20]), черногорских (Бока Которска — Томанович [21]), западно-черногорских и далматинских (Решетар [22]).

Эволюция акцентологических перестроек самым тесным образом связана с процессами сокращения долгот и общештокавской ретракцией ударения. Она реализовывалась в форме тенденции к перераспределению акц. типов по долготе/краткости гласного основы. Эта акцентологическая тенденция характерна для сербской штокавской просодической системы. Она выявляется при рассмотрении других морфологических классов основ, например, при анализе истории акцентуации деноминативов на -i- [13, с. 107—112].

Практически эти перестройки происходили (материал см. дальше): 1) в краткосложных основах, восходящих к *a. п.* *b* и *c*, где утверждался

один общий акц. тип: а) с накоренным ударением (зано́с за́ко́н; наро́д покрóв); б) с новым перенесенным с конца ударением на префикс в исходной форме (Им. ед.) и с накоренным ударением во всех остальных (за́лог — за́лога; наро́д — наро́да); в) с новым перенесенным ударением на префикс во всех формах (у́воз — у́воза; наро́д — наро́да); 2) в основах, восходящих к а. п. а, где появлялось новое ударение на префиксе (которое отличалось от старого префиксального ударения в основах, восходящих к а. п. с, и тем самым противопоставление основ а. п. а/а. п. с долгосложным сохранялось); это новое перенесенное ударение могло появляться: а) только в исходной форме, в остальных формах оставалось некоренное ударение (по́рез — порéза); б) во всей парадигме склонения (за́вет — за́вета).

Соответственно, старый акц. тип с был наиболее устойчивым и в большинстве говоров оставался без изменений (о́блак — о́блака).

Наиболее последовательно принцип распределения акц. типов по долготе/краткости корневого гласного проведен в старочерногорских говорах (Пешикан [23]): если в основах, восходящих к а. п. а, корневой гласный под старым акутом сокращался, то эти основы объединялись с краткосложными, восходящими к а. п. б и с, и в этой системе распределение акц. типов по основам выглядело таким образом: (I) с ударением на приставке (долг. с а. п.), (II) с ударением на корне (а а. п., кратк. б и с а. п.).

Следующим этапом было появление нового перенесенного ударения на приставке у основ, восходящих к а. п. а и краткосложных б и с а. п., причем сначала только в исходной форме (Им. ед.) — посавские говоры (Ившич [24], Секереш [25], Баотич [26]), черногорские говоры (Ловрич [27], Чупич [28]). Затем это новое перенесенное ударение распространялось на все остальные формы: новоазарско-сеницкие говоры (Барьяктаревич [29]), шумадийско-сремские (Николич [30]), славонские говоры (Ившич [31]). На всех этих этапах акцентная система *postverbal* продолжала располагать двумя акц. типами, по составу аналогичными тем, что представлены в старочерногорской системе М. Пешкина: (I) акц. тип со старым напрефиксальным ударением (основы, восходящие к а. п. с — долгосложные), (II) акц. тип с новым перенесенным ударением на префиксе (основы, восходящие к а. п. а и краткосложным б и с).

Диалектный материал представлен по исконным акцентным основам. Такая подача материала вполне согласуется с реальными акц. типами в диалектных системах и помогает отчетливее видеть этапы эволюции от праштокавского состояния. Материал из отдельных говоров дается не полностью, но исчерпывающе для объективной оценки ситуации.

Брлич [20]: а а. п. savjêt — savjêta 73, obrâz objêd 74 ∞ с а. п. долг.: ôblâk zâpâdu 71, pøjasevi 102; кратк.: б а. п. prôhòd 73, 90 и prôhod 73; с а. п. pòtok 75 и potòk 74, izbòr 74. В основах а а. п. зафиксирован пример с новым перенесенным ударением на приставке: súsid 151.

Томанович [21]: а а. п. сусjèd — сусjèда 75 ∞ с а. п. долг. о́блаку М. ед. 70, у о́блаке 77; кратк.: б а. п. о́тров — о́трови 74; с а. п. наро́д 59.

Решетар [22]: а а. п. susjèd — susjèда 77, rāzmāk — rāzmāka 78/с а. п. долг. ôblâk — ôblāku 76; кратк.: б а. п. — с а. п. nāròd — nāròdā 13, pròròk — pròròka 77, òtok — òtoka 73.

Пешикан [23]: а а. п. за́лаз за́рез за́вjèt ∞ с а. п. долг. за́пад о́блак по́јас; кратк.: б а. п. за́ко́н — за́ко́на за́но́с дово́д; с а. п. наро́д — наро́да поток покрóв; исто́к о́то́к о́тров (редкие остатки старых форм). Таким образом, эта система состоит из двух акц. типов: I. за́пад (с, а. п.) ∞ II. за́вjèt (а а. п.) за́ко́н (кратк. б а. п.), наро́д (с а. п. кратк.).

Ившич [24]: а а. п. porèz — porèza и pòrez 236, prèstav 163, úsjev 228, pròlev 236 ∞ с а. п. долг. ùgār 209, s prèglèda 164, na zâpâdu 222; кратк.: б а. п. pòkrov 257 — pokròvòm 251, zākòn — zākòna 217 и zaod — zaodu 238, с а. п. ná°rod 180 — nāròda 211; rāzor 219, prozòr 237 и pròzor 257.

Секереш [25]: с а. п. долг. ôblak — ôblaka pøjās — pøjasa 247, zâ pojas ∞ а. п. ôbraz — obrâza 249, pòrez 280; кратк.: б а. п. pónos 280, с а. п. ôdbor — odbòra pòtop — potòpa 249, а также ôdbor — ôdbora pòtok — pòtoka 247 (остатки старых форм).

Баотич [26]: с а. п. долг. о́блак 112, 126, по́јаса 108, 115 ∞ а а. п.

Преф.	Основа	∕	○	/	∖	Преф.	Основа	∕	○	/	∖
ДО-	долг. крат.	1			1 3	ПРА-	долг. крат.	3			
ЗА-	долг. крат.	6		18 17	1	ПРЕ-	долг. крат.	1		8 12	2 1
ИЗ-	долг. крат.	8 1			9 13	ПРИ-	долг. крат.	3	3	6 5	
НА-	долг. крат.	1	1	12 12		ПРО-	долг. крат.	4			2 7
НАД-	долг.			1		РАЗ-	долг. крат.	2	1	5 9	
О- (ОБ-)	долг. крат.	21 (2)			14 9	СА-	долг. крат.	1		1 1	2
ОД-	долг. крат.	3			2 2	У-	долг. крат.		4 1	3	3 9
ПО-	долг. крат.	13			19 18	УЗ-	долг. крат.				2
ПОД-	долг. крат.	1			2						

порез 130 — пореза 121; кратк.: *b* а. п. зятвор 111, 116 — зятвору 120, закѡна 119; *c* а. п. народ 129, потѡком 132.

Ловрич [27]: *c* а. п. долг. облѡк обрѹч 150∞а а. п. порез — пореза 151, кратк.: *b* а. п. залог — залѡга 151, *c* а. п. сабор — сабора закѡн — закѡна 151.

Чупиц [28]: *c* а. п. долг.: вѡздѹх 141∞кратк.: *b* а. п. закон — закѡна 143, *c* а. п. народ — нарѡда 143; *a* а. п. —.

Барьяктаревич [29]: *c* а. п. долг. облѡк обрѹч пѡјас 16∞а а. п. завет прѣлаз (прѣлаз) 9, образ — образа 10 (в архаичных зонах образ — образа и т. д.); кратк.: *b* а. п. зятвор залог/залог — рѡзлога закѡна 110; *c* а. п. народ — нарѡда 9/нарѡда 108.

Николич [30]: *c* а. п. долг. вѡздѹх облѡк пѡјас 36—37∞а а. п. наслан 297 на ѹлазу 246; кратк.: *b* а. п. прикод 251, прѣкрест 298; *c* а. п. прѡзор 209, нарѡд 238.

Ившич [31]: *c* а. п. долг. облѡк — облѡка, Ѡсек — Ѡсека, ѹ Osek 119∞а п. п. —; краткосл.: *b* а. п. ѹvoz — ѹvoza 161, *c* а. п. рѡрод — рѡрѡда 159.

В современном сербохорватском литературном языке, как показывает материал из словаря Вука [32], наличествует акцентная система, прослеживаемая по штокавским говорам в ее конечной стадии — после завершения процесса штокавской ретракции ударения. Эта система может быть представлена как состоящая из двух неравночисленных акц. типов: (I) с неперенесенным старым (˘ кратким нисходящим) ударением на приставке (долгосложные основы, восходящие к а. п. *c*)/(II) с новым перенесенным ударением (˙ или ˘) на приставке (соответственно все остальные основы: исконно *a* а. п. и краткосложные *b* и *c* а. п.). См. таблицу № 4 (в ней отчетливо видно, что в состав акц. типа I с ˘ на приставке входят почти исключительно долгосложные основы).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Vondrak V.* Příspěvky k nauce o praslovanském přízvuku. Brno, 1924.
2. *Vondrak V.* Další příspěvky k nauce o praslovanském přízvuku. Brno, 1924 [Spisy filozofické fakulty Masarykovy University v Brně. Číslo 9].
3. *Kuryłowicz J.* Akcentuacja prasłowiańskich tworów prefiksalnych (tem na-o-). — *Sprawozdania z czynności i posiedzeń Polskiej Akademiji.* 34. 1929, № 4.
4. *Булаховский Л. А.* Порівняльно-історичні розвідки в ділянці слов'янського на-

- голосу. Префиксальні утворення *a*-основ.— Наукові записки Інституту мовознавства АН УРСР, т. I. Київ, 1941.
5. Булаховский Л. А. Из сравнительно-исторического комментария к восточнославянскому ударению. Ударение префиксальных образований имен и наречий.— Питання слов'янського мовознавства, 5. Львів, 1958.
 6. Булаховский Л. А. Сравнительно-исторический комментарий к болгарскому ударению.— Уч. зап. Ин-та славяноведения АН СССР, т. XVII. М., 1959.
 7. Дьбо В. А. Работы Ф. де Соссюра по балтийской акцентологии.— В кн.: Фердинанд де Соссюр. Труды по языкознанию. М., 1977.
 8. Колесов В. В. Ударение префиксальных имен в древнерусском и праславянском.— *Studia Slavica*, XXI. Budapest, 1975.
 9. Булатова Р. В. Акцентуация непроизводных имен существительных *a*-основ в древнесербских рукописях XIV—XVI вв.— В сб.: Славянское и балканское языкознание. Проблемы морфологии. М., 1981.
 10. Булатова Р. В. Акцентуация приставочных *postverbal a*-основ в сербохорватском языке.— В сб.: Славянское и балканское языкознание. Античная балканистика и сравнительная грамматика. М., 1977.
 11. Булатова Р. В. Акцентуация непроизводных имен существительных *o*-основ мужского рода в сербохорватском языке.— В сб.: Историческая акцентология и сравнительно-исторический метод. М., (в печати).
 12. Анализируемый материал почерпнут из рукописей: П.— Патерик алфавитный из Колашина. Устав серед. XIV в., 383 л. ГПБ — собр. Гильф. № 50. Место написания неизвестно. Отдельные языковые особенности указывают на южное происхождение. Выделяется 6 почерков. Материал использован из частей двух первых писцов (лл. 1—196а и 327—328а), у которых прослеживается одинаковая акцентная система и более или менее четкая ее нотация. Ев.— Евангелие-апракос (полный), найденное в Одессе. Крупный славянский полуустав первой трети XV в., 440 л. + III л. (предисловие). ГБЛ — ф. 178 № 7364. Место написания неизвестно. Рукопись писана одним писцом. Сб.— Сборник слов 1509 г. из монастыря Пивы. ГПБ — собр. Гильф. № 56, 561 л. (см. описание акцентной системы этого памятника [13]). Ж. П., Ж. Р.— два отрывка из сборника Гильфердинга. ГПБ — собр. Гильф. F 1) 488. Полуустав нач. XVI в. А. Отрывок из Житейника. Житие преп. Петки и Иллариона Мегленского, писанное патриархом Евфимием (л. 65—83); Б. Отрывок из четырёх-миние. Житие преп. Ионна Рыльского (л. 40—50). М.— Маргарит из монастыря Доволя в Герцеговине. Мелкий полуустав конца XVI в. 296 л. ГПБ — собр. Гильф. № 38. Писалась в монастыре св. Архангелов на реке Таре (юго-вост. Герцеговина) одним писцом.
 13. Булатова Р. В. Старосербская глагольная акцентуация. Сборник слов 1509 г. как памятник истории сербского штокавского ударения. М., 1975.
 14. Замизняк А. А. Акцентологическая система древнерусской рукописи XIV в. «Мерило Праведное».— В сб.: Славянское и балканское языкознание. История литературных языков и письменность. М., 1979.
 15. Дьбо В. А. Опыт реконструкции системы праславянских акцентных парадигм. Докт. дис. М., 1978.
 16. Дьбо В. А. Акцентология и словообразование в славянском.— В сб.: Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов. (Прага, август 1968). Доклады советской делегации. М., 1968.
 17. Конески Бл. Акцентите во един текст од почетокот на 16 век.— Македонски јазик, год. V, кн. 1. Скопје, 1954.
 18. Дьбо В. А. Акцентные типы презенса глаголов с *ъ*, *ь* в корне в праславянском.— ВЯ, 1972, № 4.
 19. Дьбо В. А. О некоторых акцентологических изоглоссах словенско-кайкавской языковой области.— HDZb, knj. VI, 1981.
 20. Berlich I. A. Grammatik der Ilirischen Sprache. Ofen, 1833.
 21. Томашовић В. Акцент у говору Лепетане.— ЈФ, књ. 14, 1935.
 22. Rešetar M. Die serbokroatische Betonung südwestlicher Mundarten. Wien, 1900.
 23. Пешикан М. Староцрногорски средњокатунски и лешански говори.— СДЗб, књ. XV, 1965.
 24. Ivić St. Današnji posavski govor.— Rad Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti, knj. 196, 1913, knj. 197, 1913.
 25. Sekereš St. Govor Našičkog kraja.— HDZb, knj. 2, 1966.
 26. Баговић Ј. Синтакса ладежа у говору старосједилаца Босанске Посавине. ППЈ, № 7, 1971.
 27. Ловрић Н. Акцент именица мушког рода у говору Матешева.— ППЈ, № 7, 1971.
 28. Ђурић Д. Акцент именица у Бјелопавлићком говору.— ППЈ, № 6, 1970.
 29. Барјактаревић Д. Акцент новозазарско-сјеничких говора.— Зборник филозофског фак-та у Приштини, I. Приштина, 1963.
 30. Николић Б. М. Мачвански говор.— СДЗб, књ. XVI, 1966.
 31. Ivić St. Saptinovačko narječje.— Rad Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti, knj. 168. Zagreb, 1907.
 32. Караџић Вук Стеф. Српски рјечник. 3 изд. Београд, 1898. Аббревиатуры: ВЯ — Вопросы языкознания. М. ЈФ — Јужнословенски филолог. Београд. ППЈ — Прилози проучавању језика. Нови Сад. СДЗб — Српски дијалектолошки зборник. Београд. HDZb — Hrvatski dijalektološki zbornik. Zagreb.

Лествица 1434 г. (Београд, Музеј српске православне цркве № 97, 349 л.), памятник II группы (сев.-вост. Сербия).

Долгосложн.: въздоуха 37; възрасть 197, възраста 317а, 318, възрастомь 1а, 214, 331, 345; възкоушь 147а, 181, 294, възкоушь 166, искоушь 8, 73, 177а, 213а, искоуся* 230а, (къ) искоуосу 166а, искоуосомь 316, 338а, (въ) искоуясь 166а, 280, искоушь (Р. мн.) 97а, искоуосомь* (Д. мн.) 105а, 339а; извѣта* 257а; недобугъ 196а, недобуга 140а, 230а, 321 и недоуга* 234, недоугомь 234, 274, (въ) недоузь 247₂, недобугы 267, недобугъ (Р. мн.) 221, недоузьхъ 73; облакъ 348, облакъ* 339а, облакъ (Р. мн.) 249; образъ 38, 97, 103 ... (20 р.) и образъ 181а, 192, 248а ... (8р.), образа 21а, 297а и образа* 168а и образа 164, 205а, образоу 231, 245, 284, 319а, 343, образомь 65а, 171а ... (9 р.) — образомь 245а, образомь* 70а₂, 173, (въ) образъ 220а, 277, 309а, образы 24а, 110а₂,... (9 р.) — образы 214, 220а, 230а, образъ (Р. мн.) 114, 327 — образъ 211, образомь (Д. мн.) 193, (въ) образъхъ 228а — образоухъ* 172, (по двѣю) образоухъ* (Д. дв.) 258; окроугъ 312; овѣтъ 45а, 89, 91а, 140, 200, 271а, (безь) овѣта 243; овѣтъ* 106, 112ч погледомь 169; подвигъ 298а, 348, подвигъ (Р. мн.) 245а; помысль 30, 30а, 37... (17 р.), помысла 316а — помысла* 169, помыслоу 184а, помысломь 35а, 152, 154а ... (12 р.), (въ) помысли* 182а, помысли (Им.—В. мн.) 204а, 245, 271, 305а, помысль (Р. мн.) 151, 172, 237, 240, 273а, помысломь* (Д. мн.) 66а, 77, 124 ... (10 р.), ѿ помыслоу* 204; промышлоу 250; сьмысль 77, сьмысломь* 164, сьмысль (М. ед.) 38а; привезы (В. мн.) 320; прѣдѣль (Р. мн.) 217; раздумъ 30, 60, 211 ... (12 р.), раздума 36, 177а, 208а, 279, 340 — раздума* 138а, (по) раздумоу 118, 237, 252а; сьставомь 19а; соупробугъ 138а, 142а, соупроуга* 287, сьпроугоу 170; сьсоудѣхъ 212а — сьсоудѣхъ* 52; сьсузь 311а, сьсузьомь* 161; оуставъ 54, 147, 154, 155, 162, 320а, 323, оуставъ 232а и оуставъ 308а, 312, 321; оустѣхъ 1а, оустѣхомь* (Д. мн.) 55а.

Краткосложн.: възходъ 8а, 29а, 108а, 137а, 138а, 142, 223а, възхода* 317, възходоу 342а, възходы 11, 317а, 347; възходъ 24, 50а, 151а, 169а, 202, 261, възхода 18а, 40, 41, 60а, (сь) възходомь 2, 6, възходъ 138, 151а; исходъ 105, 136, 151а, 261а, 293, исхода 33а, 71а, 82а, 115, 119а, 337а — исхода* 103а, 104, 152а, 196а, 273а, 303а, исхода 106, 236а, исходомь* 139а, исходъ 25а, 139а, 225, исходѣхъ 288а; оходѣхъ 329а; приходъ 193, приходомь (Д. мн.) 290, приходы (В. мн.) 55а, приходѣхъ 309а; заборы 136; законъ 15а, 218а, 232а, 260а, 323, закону 10, 68—68а, 216, 243; изводѣхъ 249а; (от) народа* 335, 335а; отродъ 142; породъ 114, 140₂; отрокъ 302а, позоръ 128а; покой* 213а, покой* 162а; покровъ 38а, 219а, покрыва 87; порокъ 299а, 300; прилогъ 69, 155, 167а₂, 214а, 300; прѣстоль 208, (на) прѣстоль 112а, 225а; раздоръ 333; сьборъ 140; оузрокъ 335; оукоры 137а.

Лествица XIV—XV вв. (ГБЛ собр. Егорова ф. 98 № 380, 316 л.), памятник III группы (южных областей).

Долгосложн.: въздоуха 33, въздохомь 13а, възрастомь 6а, 196; възкусь 164, йкусь 90а, 164, йкуса 43, 92, йкусоу 63, йкусомь 98, йкусь 153, 159; образъ 77, 79, 95а, образомь 59, 64, 160, образы 80а, 103, образъ (Р. мн.) 107; овѣтъ 130, овѣта 98а; погледомь 156а; подвигъ 17 и подвигъ 9, подвигу 16; помысль 26а, 88, 141, помысла 79, 199, помысломь 71, 115а, 128а, 170а, (въ) помысли 168а, 174, 193, помыслоухъ 186; сьмысль 34а; разоумъ 14а, 70, 97а, 171, 193, разоума 3, 164, разоумоу 111, (въ) разумъ 128а; сьставомь 17а; оуставъ 17, оуставоу 162; оустѣхъ 75, 107а, оустѣхъ 189; исключения: недоузь 117, недбуга 164, недоугомь 95а, (о) недбугъ 140а, 141, 162; сьпроузь 170а, (сьпроузь) 128а.

Краткосложн.: възходъ 5, възходъ 140, (от) възхода 16, (сь) възходомь 7, приходъ 155а; законъ 220, закону 62а, 197а; залогъ 79; прилогъ 63 и прилогъ 155₂, 196; исходъ 140, исхода 22, 140, 180а, исхода 23 и исходъ 97а, исхода 96а, 98; (безь) порока 13а; прѣстоль 190а, (на) прѣстоль 105а; оуродъ 73; оуроку 20; выпадают также покрывъ 34а, (къ) сьходоу 111.

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

КИШКИН Л. С.

ЧЕШСКИЕ СВЯЗИ И. Е. РЕПИНА

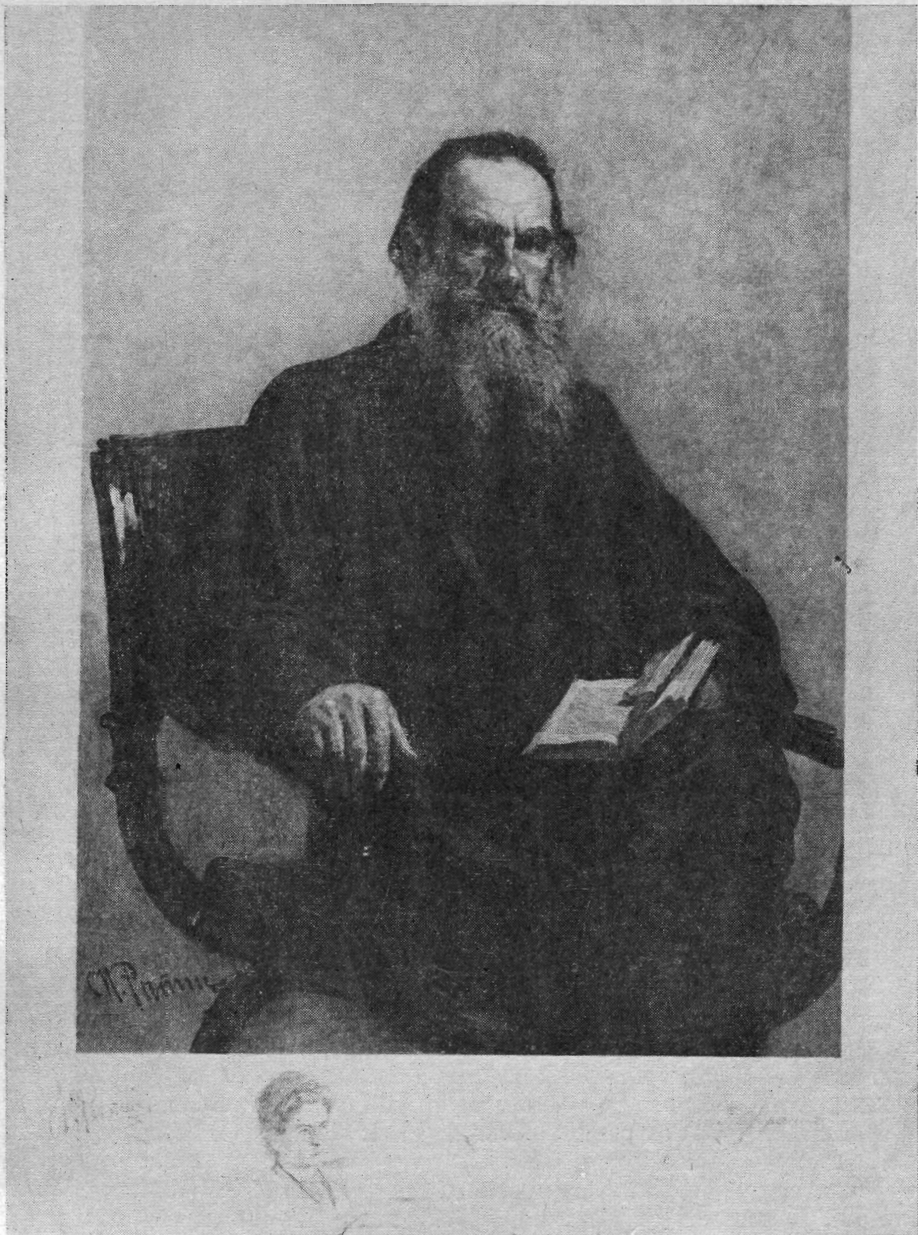
Контакты И. Е. Репина с чешскими художниками еще не получили должного освещения в литературе. Письма Репина к чешским корреспондентам ускользнули от внимания публикаторов его эпистолярного наследия [1, 2]. А между тем чешские связи русского художника представляют несомненный интерес и как существенный факт его биографии, и как достойная внимания страница из истории связей чешского и русского искусства.

Большую роль в привлечении внимания Репина к чешскому искусству, а с другой стороны — внимания своих соотечественников к произведениям русского художника сыграл чешский художник и выдающийся гравер Густав Франк (1859—1923), который долгие годы (с 1890 по 1911 г.) жил и работал в России, поддерживая интенсивные связи со своей родиной — Чехией. Густав Игнатьевич Франк был одним из руководящих сотрудников Экспедиции заготовления государственных бумаг в Петербурге. В свое время по роду своей деятельности он принимал самое активное участие в русской художественной жизни, был знаком и сотрудничал с многими крупными русскими художниками (В. М. Васнецовым, В. Е. Маковским, В. Л. Куйнджи, В. И. Суриковым, В. В. Матэ, И. А. Билибиным, В. М. Кустодиевым и другими), но особенно близко сошелся в России с И. Е. Репиным. За свои заслуги перед искусством в качестве графика, организатора и руководителя образцовых художественных изданий [3, 4, 5] в 1899 г. Франк был избран Санкт-Петербургской императорской академией художеств «своим академиком» [6].

Вскоре по прибытии в Россию, Франк совершил поездку из Петербурга в Москву, где посетил Третьяковскую галерею. Вот что писал он об этом своему товарищу по учебе в Праге и Вене чешскому художнику, краеведу и этнографу Яну Проусеку (1857—1914)¹ в чешский город Турнов: «Больше всего в Москве я проводил время в частной галерее г. Третьякова, о которой ты наверно уже слышал. Третьяков богатый купец, который покупает картины только русских художников. Его галерея дает исключительный образ современной русской живописи... Я хочу гравировать портрет графа Толстого, оригинал которого, написанный Репиным, находится в галерее Третьякова» [7].

Во времени написания этого письма Франк уже встречался с Репиным, так как в том же письме информировал своего турновского приятеля: «Я познакомился здесь уже с несколькими художниками. Среди них Репин. Он по моему, и не только моему, мнению — самый талантливый среди живущих русских художников и в исторической живописи, и в жанре, и в портрете» [7]. После приведенных слов не удивительно, что Франку захотелось гравировать увиденный им в Москве знаменитый ре-

¹ Именно через Проусека, благодаря его переписке с Франком, долгое время осуществлялась связь между русскими и чешскими художниками.

И. Е. Репин. Портрет Л. Н. Толстого (масло, 1887). Гравюра на стали Г. Франка (1892)

пинский портрет Толстого в черной блузе. В процессе осуществления этого замысла знакомство Франка с Репиным упрочилось, переросло в длительные дружеские отношения. Репину, по-видимому, пришлось по душе намерение Франка сделать гравюру с живописного портрета Толстого, и он дал согласие на это. Через пять месяцев после первого упоминания об этом портрете, 9 марта 1892 г. Франк сообщает Проусеку о предстоящем посещении Репина, которому хочет показать «законченного Толстого» [7]. В начале мая того же года Франк пишет, что гравюра портрета Репину очень понравилась, была им отвезена Толстому, который на двух экземплярах своего портрета оставил по просьбе гравера два автографа — русский и французский. Надо заметить, что с просьбой об автографах здесь не все ясно. Очевидно Франк писал о предполагавшемся, как о свершившемся, т. е. считал, что Репин, обещавший раньше

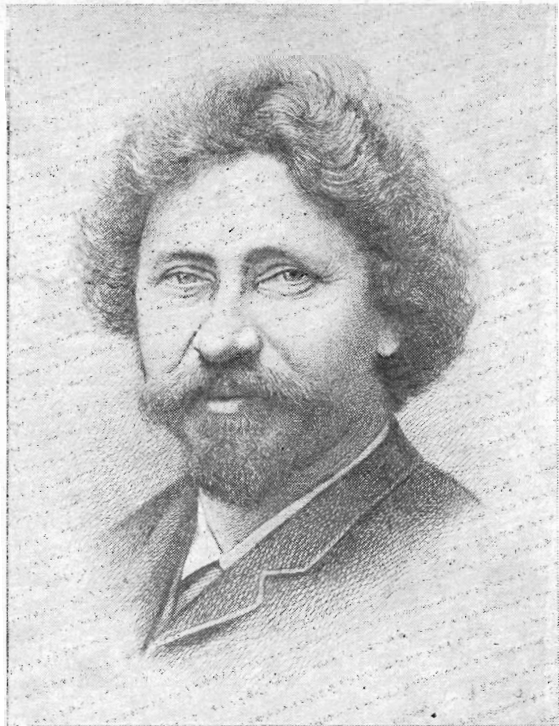

И. Е. Репин. Портрет итальянской актрисы Элеоноры Дузе (уголь, 1892). Офорт Г. Франка (1893).

достать ему автографы Толстого, уже получил их. Об этом позволяет думать письмо Репина от 15 апреля 1892 г. к дочери писателя Татьяне Львовне: «К Вам у меня просьба: граверу Франку нужно два автографа Льва Николаевича. Могу ли я попросить Вас прислать мне их на каком-нибудь лоскутке бумаги? Один по-русски, другой по-французски. Об этом Франк просил меня еще до моего отъезда в Москву; и я, глухой старикашка, все это забыл» [8, с. 22]. Если бы автографы Толстого были у Франка в начале мая, то Репину не нужно было бы обращаться с просьбой о них к Софье Андреевне 18 мая 1892 г.: «Не найдется ли у Вас, графиня, автограф Льва Николаевича? Это очень просит гравер Франк — поместить под гравюрой. Чернилами Лев Толстой — и ничего больше» [8, с. 55]. В письмах от 7 и 21 мая 1892 г. Репин еще и еще раз просил Татьяну Львовну об автографах для Франка [8, с. 58, 60]. В конце концов они были им получены и использованы для разных вариантов гравированного портрета Толстого. Между прочим, один из них вышел с ремаркой — миниатюрным портретом самой Татьяны Львовны вверху, также сопровождаемым ее автографом — «Татьяна» (Рис. 1). Помимо этих автографов, на всех вариантах портрета Толстого под его нижним краем слева была воспроизведена подпись Репина, а справа — Франка. Гравированный портрет Толстого — одна из лучших работ Франка. Она была отмечена наградой на выставке в Чикаго (1892).

Этот портрет, судя по всему, правился не только Репину, но и Толстому. Несколько его экземпляров попали в Прагу², Пльзень и Турнов, где жил Проусек. В 1892 г. Ян Проусек, бывший членом художественного отдела редакции выходившего в Праге журнала «Светозор», опубликовал в нем гравюру Франка с собственным текстом, содержавшим краткие сведения о Франке. Гравированный портрет Толстого, посланный

² В Праге гравированный Франком по картине Репина портрет Толстого приобрела «Умелецка беседа», почетным членом которой русский писатель был с 1888 г.

Портрет И. Е. Репина. Офорт Г. Франка (1893).

«Умелечкой беседе», был сопровожден личной дарственной надписью Репина.

Дальнейшее сближение Франка с Репиным было связано с осуществлявшейся Экспедицией по предложению Франка в 1893 г. работой по подготовке особого номера венского журнала «Die graphischen Künste», посвященного русскому искусству, представленному творчеством Репина. По договоренности Франка с редакцией этого журнала все иллюстрации для специального русского номера готовились в Петербурге. Они должны были познакомить австрийскую публику не только с произведениями Репина, который предоставил для этой цели Франку богатый изобразительный материал, но и со всеми видами новейшей репродукционной техники³, освоенными в Экспедиции. Будучи художественным редактором репинского номера «Die graphischen Künste», Франк лично подготовил для него в технике офорта «Портрет актрисы Элеоноры Дузе» (рис. 2), гравюру на меди «Портрет генерала Драгомирова», а также рисунки для цинкографического воспроизведения с «Бюста хирурга Пирогова», этюдов к картинам «Протодьякон» и «Крестный ход» («Горбу»). Для того же издания Франком был исполнен в технике офорта оригинальный портрет Репина (рис. 3), как нам удалось установить по одной из фотографий начала 90-х годов [9]. Исполненные Франком портреты Дузе, Драгомирова и самого Репина, так же как и портрет Толстого, принадлежат к лучшим его работам, осуществленным в России.

Франк очень требовательно относился к репродуцированию работ Репина и потому подготовка иллюстраций для посвященного его творчеству номера венского журнала продвигалась довольно медленно⁴. Он вышел только в начале 1894 г. с сопроводительным текстом немецкого искусствоведа Г. Нордена.

³ Из писем Франка к Проусеку 1893 г. видно, что работа развернулась в полную силу уже в июне, что при воспроизведении работ Репина Экспедиция демонстрировала девять репродукционных техник (гравюра на меди, офорт, гелиографюра, ксилография — два вида, цинкография — два вида, литография — два вида).

⁴ В одном из писем к Проусеку есть слова Франка о том, что он хотел бы сделать репинский номер журнала «поистине оригинальной и роскошной вещью».

В том же 1894 г., использовав венский иллюстративный материал, Экспедиция заготовки государственных бумаг издала в Петербурге книгу о творчестве Репина с русским и французским текстами [5]. Предполагалось, что она будет первой в серии подобных публикаций, озаглавленной «Русские художники». Это было прекрасное для своего, да и для последующего времени издание, имевшее большой успех не только в России, но и за ее пределами, в частности Париже. Благодаря Франку, оно было хорошо известно и в Праге. Так венским и петербургским изданиями было отмечено пятидесятилетие Репина. Сам художник очень высоко ценил эти издания, особенно последнее [2, II, с. 78]. В предисловии книги — альбома «Илья Ефимович Репин» говорилось: «Экспедиция желала бы издать подобным образом произведения и других выдающихся русских художников, которых в России немало» [5, с. VI]. Успех репинский альбом имел большой и хорошо раскупался, несмотря на высокую цену [7].

Во время подготовки венского и русского изданий о Репине Франк еще более сблизился с ним. Они часто бывали друг у друга. Входивший в русскую художественную жизнь Франк имел в лице Репина хорошего, знающего ее наставника и советника. Оба художника питали друг к другу взаимную симпатию. Франк в письме к Проусеку называет Репина «самым талантливым» из русских художников и «очень милым человеком». Репин же во время подготовки посвященных ему изданий писал Третьякову: «А Франку Вы уж пожалуйста помогите, он очень хороший человек и художник» [10, с. 164]. Такого рода отзывов о Франке в корреспонденции Репина к Третьякову несколько [10, с. 162]. В письме к В. В. Матэ примерно в то же время Репин замечает: «Меня утешает, что Вы довольны Франком. Он хороший мастер, прекрасно образованный в смысле рисовальщика и человек честный, порядочный, симпатичный и душа художника» [1, с. 98].

О том, сколь высоко ценил Репин мастерство и искусство Франка, свидетельствует также и то, что он был одним из инициаторов выдвижения чешского художника в академики, и то, что, будучи профессором и ректором художественной академии, приглашал его преподавать в ней.

В 1893 г. весной во время одного из посещений Франка, Репин за чаем, в течение двух часов сделал пастелью его портрет. В письме Франка к Проусеку от 11/23 ноября 1893 г. есть слова о том, что, хотя портрет и не является каким-то мастерским произведением, однако дает очень хорошую характеристику. Без согласия владельца Проусек опубликовал его портрет в «Светозоре» (1895) вместе с биографией Франка. Последний был недоволен этим, однако благодаря Проусеку портрет хотя и в репродукции, но все же дошел до нас (рис. 4).

Существенным моментом в истории популяризации творчества Репина в Чехии является посылка Франком туда для публикации в журнале «Светозор» семи репродукций работ русского художника («Явленная икона», «Николай чудотворец», «Казак» — этюд к «Запорожцам», «Арест в деревне», портреты С. М. Драгомировой, а также Глинки и Листа)⁵. Все они были постепенно опубликованы в журнале (в 1893 и 1899 гг.), причем большинство (кроме портрета С. М. Драгомировой) впервые. Кроме того, вместе с ними была опубликована и гравюра с картины Репина «Не ждали». Но еще большее значение имел специальный репинский номер журнала «Вольне смеры» (1901), который был также подготовлен при помощи и активном участии Франка.

Журнал «Вольне смеры» был первым чешским журналом, посвященным вопросам искусства. Его издавали манесовцы, т. е. члены Клуба молодых чешских художников «Манес», во главе которого с момента его возникновения (1887) стоял Миколаш Алеш. Журнал начал выходить в 1896 г. Вскоре (18 февраля 1879 г.) его редактор скульптор Сухарда

⁵ Существенно, что считая картину «Арест в деревне» одной из лучших работ Репина, 26 февраля 1893 г. Франк сообщал Проусеку, что ее публичное экспонирование в России было запрещено [7].

И. Е. Репин. Портрет Густава Франка (пастель, 1893).

(1866—1916) написал Проусеку письмо, где были слова: «Мы хотим расширить рубрику о зарубежном искусстве. Не были бы Вы так любезны, не написали ли бы краткий реферат о России» [11, с. 33]. В мартовском номере того же года Проусек поместил информацию об изданной Экспедицией книге о Репине. Проусек посылал Франку номера журнала «Вольные смеры», а тот показывал их Репину. В письме от 2/14 июня 1899 г. Франк сообщил Проусеку, что в этот день у него был Репин и что они беседовали о «Вольных смерах». Во время этой беседы Репин изъявил согласие дать какую-нибудь из своих работ для репродукции в чешском журнале. «Что ты об этом думаешь?», — писал Франк [7].

Предложение Франка, переданное редакции «Вольных смеров» Проусеком, было встречено с воодушевлением. Вместо публикации в журнале какой-то одной репродукции с работы Репина решили подготовить специальный репинский номер. Франк поддержал эту идею и сделал все возможное для ее практического осуществления. 18 апреля/1 мая 1900 г. Франк отправил Проусеку для «Вольных смеров» 26 фотографий и фототипий работ Репина, а также его акварели. Среди этих полученных от Репина материалов было и несколько фотографий, принадлежавших Франку. В январе 1901 г. Франк получил из Праги для просмотра и корректирования пробные оттиски репродукций произведений Репина. Он возвратил их в редакцию «Вольных смеров» в феврале, дополнив новой недавней фотографией художника с его автографом.

Специальный репинский номер «Вольных смеров» вышел в июне 1901 г.⁶ Это был второй по времени выхода и первый по замыслу случай, когда целый журнал редакция посвятила иностранному художнику (в том же году был выпущен специальный номер с репродукциями Родена). До этого таких выпусков не было. В журнале была опубликована 21 репродукция произведений Репина, в том числе и некоторые из гравюр Франка, в част-

⁶ Репинский номер «Вольных смеров» мог выйти раньше, т. е. в 1900 г. Однако по желанию Репина этого не сделали, он не хотел, чтобы журнал вышел накануне выставки передвижников в Праге (май—июнь, 1900).

ности с портрета Элеоноры Дузе. Статью для него «Слово о русском искусстве до Репина» написал видный знаток русской культуры поэт Франтишек Таборский (1858—1940). Так выразили свое позитивное отношение к творчеству Репина и отметили 30-летие его творческой деятельности члены кружка «Манес», а осуществлению публикации активно способствовал Франк. Репинский номер «Вольных смеров», — пишут авторы чешской книги о Репине И. Шамал и Д. Стара, — является доказательством того, что молодые чешские художники не только стремились к оздоровлению чешской художественной жизни, но также понимали ценность искусства великих мастеров мира, прежде всего русского мастера И. Е. Репина [11, s. 38].

Деловое сотрудничество и дружеские связи Франка с Репиным сказанным не исчерпываются. Вместе они были членами жюри на Всемирной выставке в Париже (1900), вместе участвовали в заседаниях Академии художеств. Совместно с Репиным обсуждал Франк возможности организации выставок чешских художников в Петербурге и русских в Праге, к чему стремились и о чем мечтали оба. Кроме того, Франк, постоянно знакомивший Репина с творчеством чешских живописцев и графиков, тем самым несомненно способствовал развитию и укреплению зародившегося у русского художника еще в молодости, в 70-е годы, интереса к искусству братского славянского народа (картина «Славянские композиторы», на которой изображены и чешские музыканты, знакомство в Париже с произведениями чешского художника Я. Чермака и их высокая оценка). Важно и то, что благодаря Франку во время своего пребывания в России многие чехи имели возможность познакомиться с Репиным. К их числу относятся, например, чешский писатель и журналист Я. Кампер (1871—1911), пражская певица Р. Матурова, а также, очевидно и чешские оперные артисты Ярослав Прошек и Бела Горска. При посредничестве Франка (во время посещения Репиным Праги в 1900 г.), с русским художником познакомился известный чешский искусствовед К. Б. Мадл (1859—1932), скульптор Йозеф Маудер (1854—1920) и др. Свое близкое знакомство с Репиным Франк осознавал, как одно из звеньев сближения чешского и русского искусства.

Наиболее крупным и существенным результатом его дружбы и сотрудничества с Репиным, да и всей деятельности Франка по сближению чешских и русских художников и установлению между ними творческих связей была выставка русских художников передвижников в Праге (15 мая — 6 июня 1900), первая их выставка за границей. Разумеется, заслуга в организации этой выставки принадлежит не только Франку и Репину. Помимо них в ее подготовке с чешской стороны инициативно участвовали Ян Проусек, Йозеф Маудер, его жена Юлия, специально изучившая в связи с выставкой русский язык, Ярослав Кампер при поддержке всех чешских художественных объединений («Умелецка беседа», «Кружок художников Манес», «Общество любителей искусств», «Общество художников»), среди которых ведущая роль в этом отношении принадлежала «Обществу художников». Принимали участие в организации выставки и русские художники, в частности И. С. Малинин.

Надо иметь в виду, что идея проведения в Праге выставок русских художников возникла в Чехии еще в 60-е годы, задолго до того, как это осуществилось. Однако дело с проведением таких выставок продвигалось с трудом и очень медленно. Влечение к сближению чешского и русского искусства было взаимным, что подтверждает одно из первых (8 октября 1891 г.) писем Франка к Проусеку из России. «Репин, — писал он, — долго был в Париже и знает также Прагу. Он очень симпатизирует чехам и сказал мне, какая бы это была прекрасная мысль организовать коллективную выставку чешских художников здесь, в Петербурге, а потом в Москве» [7].

Обоюдное желание чешских и русских художников установить связи и сотрудничать особенно усиливается в 90-е годы. И все же осуществление в Праге большой выставки русского искусства долго не удавалось. Тем не менее мысли о ней не покидали ни чешских, ни русских художников.

В конце 1899 г., когда в Петербурге проходила австро-венгерская художественная и художественно-промысловая выставка, на которой впервые за рубежом были отдельно представлены чешские мастера, туда специально для популяризации чешского искусства и переговоров о русской выставке в Праге прибыл Ярослав Кампер. Основная инициатива проведения выставки, которую принципиально поддерживали все чешские художественные организации, исходила от «Общества художников» во главе с его председателем Йозефом Маудером. По приезде в Петербург, Кампер немедленно вместе с Франком направился к Репину.

Подробности об этом визите, состоявшемся 29 ноября 1899 г., мы узнаем из письма Кампера к Маудеру от 2 декабря того же года. Кампер привез Репину от чешских художников альбом репродукций живописца и графика Людека Марольда. Репин был доволен подарком и сказал: «А как же мне отблагодарить чешских художников за их любезность?» На что Кампер ответил: «Можете отблагодарить тем, что покажете им то, что показали берлинским, мюнхенским и венским художникам». Здесь в разговор горячо вступил Франк: «Илья Ефимович, сколько раз Вы уже отклоняли мои предложения выставиться в Праге и сколько раз я Вашу чрезмерную скромность опровергал. Вы не знаете, как благодарны в Праге за каждую вашу работу, как радуются ей, какой там интерес к Вам и Вашему искусству... Вы даже не можете себе представить, как заинтересованы там Вашими произведениями и как там были бы счастливы увидеть выставку Ваших картин и картин других русских художников» [12]. Этот разговор закончился тем, что Репин твердо, по словам Кампера, обещал три вещи: выставить в Праге некоторые свои произведения, принять меры к организации в Праге самостоятельной выставки передвижников и, вместе с Франком, попытаться подыскать бесплатное помещение для чешской выставки в Петербурге в 1901 г. [12]. В заключение полтора-двухчасового визита Кампера Репин показал ему свои работы и произведения других русских художников. В одном из своих писем из Петербурга Кампер предложил избрать И. Е. Репина почетным членом «Общества художников в Праге». Это предложение было принято и избрание состоялось 5 января 1900 г. От имени «Общества» письмо с сообщением о почетном членстве русскому художнику передал Франк. Репин поблагодарил пражских коллег за оказанную ему честь специальным письмом [11, с. 43, 105].

Письменные сообщения Кампера из России и его устный доклад после возвращения были обсуждены в «Обществе художников». Далее, в начале 1900 г. состоялся обмен письмами между Маудером и Франком, а также Проусеком и Франком. В результате этой переписки с русской стороны было выдвинуто предложение экспонировать в Праге проходившую в 1900 г. в Варшаве, а затем в Риге, выставку передвижников, с которым согласились в Праге. На одном из январских заседаний «Общества художников» было принято к сведению поступившее от Франка сообщение о том, что во второй половине апреля русские картины придут в Чехию. К одному из своих писем Маудеру Франк приложил для информации адресованное ему письмо Репина [12]. Приводим его текст:

25 генв. 900

Многоуважаемый Густав Игнатьевич!

На этих днях мы ожидаем точных сведений о числе картин, кот[орые] пойдут в Прагу, тогда можно послать туда и фотографии с главных картин для каталога. А вместо отдельных портретов у нас найдется группа, снятая фотографией, почти всех товарищей вместе; можно приложить ряд прежних статей и краткий очерк.

Уважение к Вам и всему Обществу
чешских художников

И. Репин.

Обращаясь непосредственно к Маудеру 17 февраля 1900 г. Репин писал [12]:

17 февр. 1900

Глубокоуважаемый Милостивый Государь Господин Маудер.

Спешу известить Вас, что выставка картин Товарищества Передвижников из Риги направится прямо в Прагу и поспеет к назначенному Вами времени, без опоздания. Относительно проводника (сопровождающего) я постараюсь убедить товарищей не посылать его.

А что касается выставки лично моих произведений, то она не могла бы состояться теперь, так как я не имею в виду ни одной свободной картины своей, сколько-нибудь стоящей выставки. Выставлять же одни этюды и портреты значит рассчитывать только на одно великодушное хорошо расположенных людей, а этим злоупотреблять непростительный грех.

Очень буду счастлив, если мне удастся побывать в Праге.

Прошу Вас верить чувству моей искренней признательности и глубокого уважения к Вам и всему Обществу Чешских художников.

И. Репин.

Из приведенного письма видно, что кроме большой коллективной выставки русских художников в Праге, деятели чешского искусства думали еще и о проведении персональной выставки произведений Репина.

Для проведения выставки передвижников в Праге «Обществом художников» была создана специальная комиссия. В конце апреля вместе с 226 картинами в Прагу прибыл представитель Товарищества передвижных выставок художник И. С. Малинин. Выставка была открыта в залах «У Штайгру» (Водичкова улица) 15 мая 1900 г. и продолжалась 23 дня, до 6 июня включительно. На ней были представлены работы сорока русских художников, в том числе В. Н. Бакшеева, Н. П. Богданова-Бельского, Ф. А. Бронникова, А. М. Васнецова, С. В. Иванова, Н. А. Касаткина, А. А. Киселева, М. П. Клодта, А. М. Корина, И. Н. Крамского, И. И. Левитана, А. В. Маковского, В. Е. Маковского, В. М. Максимова, Г. Г. Мясоедова, М. В. Нестерова, Н. В. Неврева, И. Е. Репина, А. С. Степанова, И. И. Шишкина, Н. А. Ярошенко и др.

Наиболее полно (26 работ) был представлен на выставке Шишкин, его картины, наряду с полотнами Левитана, давали широкое представление как о русской пейзажной живописи, так и о русской природе. Одно из центральных мест на выставке занимал известный портрет Шишкина работы И. Н. Крамского. Экспозиция выставки включала в себя картину основателя Товарищества передвижников Г. Г. Мясоедова «Чтение рукописи „Крейцеровой сонаты“...», шестнадцать произведений Н. А. Ярошенко (портреты, пейзажи, бытовая живопись), а также несколько жанровых картин В. Е. Маковского. Сам Репин выставил четыре произведения: портреты Стрепетовой и Ге, картины «Дуэль» и «В одиночном заключении» («Революционерка перед казнью»). Последняя привлекала не только своими художественными качествами, но и новым для чехов революционным содержанием. Ряд экспонировавшихся в Праге произведений — «Революционерка перед казнью» Репина, «Перед отдачей в приют» Касаткина, несколько рисунков Шишкина и др. были куплены и навсегда остались в Чехии.

И на выставку и на посвященные ей издания — каталоги и книгу «Русские художники» [13] — широко откликнулась пресса. Судя по откликам, наибольший успех имели Крамской, Шишкин и Репин. И хотя отклики о всей выставке не были однородными, тем не менее они показывают, что выставка удалась и была весьма значительным событием в чешской художественной жизни. Вот что, например, говорилось о ней в журнале «Освета»: «Русская выставка... привлекла внимание широких кругов общества не только своей новизной и не только потому, что представила творчество великого славянского народа, но и самой основой и характером искусства, образцы которого содержала. Это искусство, доступное чувствам, искусство, которое народно, потому что хочет быть таким искусством, которое считается с интересами широких масс...» [14, с. 53]. Подобные положительные суждения высказывались и в других периодических изданиях. Авторы чешской книги о Репине пишут, что выставка

передвижников ознаменовала собой «самый большой для своего времени успех, какой был достигнут в братском сближении чешского общества с русским изобразительным искусством» [11, с. 53]. Выставка передвижников действительно явилась крупным событием в культурной жизни Чехии. Одним из ее результатов стало устройство передвижных выставок чешских художников (например, Б. Кочи). Проведение выставки 1900 г. как бы открыло путь к последующим экспозициям русских художников в Праге (Рериха в 1906 г., Поленова в 1910 г., художников из группы «Мир искусств» в 1912 г. и др.)

Вскоре после выставки, в начале июля Прагу посетил Репин, хотя раньше предполагалось, что он приедет во время ее. В Праге его приветствовали знакомые Франка и Проусека — Маудер и Кампер, кроме них русский художник встречался с директором Национального театра Густавом Шморанцем, с художником Витезславом Машеком и некоторыми преподавателями художественно-промысловой школы, а также с другими деятелями чешской культуры. Во время своего краткого пребывания в Праге (7—9 июля) в сопровождении Маудера и Кампера Репин посмотрел в Национальном музее картины Брожика и Гинаиса, побывал в Тынском храме и храме св. Якуба, посетил Национальный театр, где ему показали фойе со знаменитыми люнетами, воспроизводящими легендарно-патриотический цикл Алеша «Родина», а также расписанный Гинаисом занавес. Затем русский художник познакомился с Бельведером, собором св. Вита, часовней св. Иржи на Градчанах. В Страговском монастыре он видел известное произведение Дюрера «Rozen Kranzfest». Репина живо интересовало в Праге все — книги Зейера, Врхлицкого и Чеха, музыка Сметаны и Дворжака, интерьеры готических храмов, история Чехии и т. д. При проходах на вокзате чешские художники подарили ему букет роз. Оставив себе одну, остальные Репин роздал своим пражским коллегам. Обо всем этом Маудер подробно написал редактору «Нового времени» В. П. Сватковскому, который был женат на чешке [12]. Репин остался доволен своим посещением Праги. Покидая ее, он сказал, что «она приросла к его сердцу» [7].

К сожалению, имена всех чешских художников, с которыми встречался Репин в Праге, неизвестны. Мы не знаем, например, виделся ли он с Миколашем Алешем. Но если личного знакомства тогда и не состоялось, то несомненно Репин познакомился с творчеством этого выдающегося чешского художника, причем не только по воспроизведенному в фойе Национального театра циклу «Родина». Много лет спустя чешская актриса Бела Горская, бывавшая у Репина в Пенатах, вспоминала, как он однажды сказал ей: «Я видел некоторые рисунки Вашего чешского Алеша и, вспомнив о нашем Билибине, сказал себе: „Ну, брат чех, да ты просто русский человек“. Билибинские бояре выглядят сказочными, а чешские воеводы Алеша и плотью и кровью выглядят русские бояре. А его святой Венцеслав никакой не польский святой, а самый настоящий русский из Киевского княжества...» [15].

О посещении Репиным Праги в 1900 г. и состоявшихся там встречах напоминают два его письма к супругам Маудер. Первое из них адресовано к жене чешского скульптора Юлии и было написано вскоре после возвращения из Праги.

4 генв. 1901 г.

Очень обрадовали Вы меня, искренне уважаемая пани Юлино, Вашим любезным письмом. Желаю Вам и Пану Маудеру, в Новом веке, сделать новые блестящие успехи. Дай бог, чтобы дружба наша укреплялась с пользой.

Ондричек очень милый, красивый юноша; очень жалею, что не удалось услышать его скрипку.

Концерт здесь, наших друзей чехов, прешел восхитительно. Уже не говоря о главном — какой кuartет!

От всей души желаю Вам всяких благ. Искренне преданный Вам

И. Репин.

Прошу передать мой дружеский привет Паву и Пани Камперовым.

В этом письме Репин упоминает состоявшийся 2 января 1901 г. в Петербурге «Первый большой симфонический чешский концерт», главным инициатором и организатором которого была русская оперная актриса М. И. Горленко-Долина. В концерте принимали участие знаменитый Чешский квартет, ряд известных чешских певцов и музыкантов, оркестр Петербургской оперы, которым дирижировал чешский композитор Оскар Недбал (1874—1930). В подготовке к концерту приняли участие и чешские художники, которых побудил к этому председатель Общества художников в Праге Й. Маудер. Программу концерта украшали рисунки М. Алеша, Ц. Клоучека, В. Машека и др., а также Й. Манеса, концерт имел большой успех и стал заметным явлением в русской и чешской культурной жизни своего времени.

Добрые дружеские отношения Репина с пражскими знакомыми продолжались, о чем свидетельствует еще одно его письмо, на сей раз к Йозефу и Юлии Маудер [12]:

Дорогие друзья Пани Юлия и Пан Йозеф!

Вы меня очень растрогали! — Не забыли дня моего рождения...

Адрес от Jednota Umelci⁷ по этому же поводу — моего 60-ти летия — так значителен и серьезен! Дай мне Бог быть достойным его.

Примите мой горячий благодарный привет и передайте мое братское спасибо всем нашим общим друзьям.

Всегда Ваш

Илья Репин.

29 июля

1904 г.

Это письмо явилось ответом Репина на телеграфное поздравление четы Маудер к его шестидесятилетию. Оно было не единственным, полученным им из Чехии. В упоминаемом Репиным поздравительном адресе Общества художников (Jednota Umělců Výtvarných) говорилось: «Позвольте от имени всех членов „Общества чешских художников в Праге“ передать Вашей Чести почтительные и сердечные благопожелания. Позвольте пожелать Вам еще много и много лет, чтобы и далее Вы победно шли к своей цели в искусстве, к той бескомпромиссной правде, которую всегда искали и находили в жизни и творчестве, чтобы к славе своего народа и славянского искусства вообще Вы смогли изобразить русскую жизнь, ее славянскую и общечеловеческую сущность, в ряде дальнейших своих живописных эпопей — нам в пример, а потомкам для изучения и удивления» [12].

Обещанная Репиным Камперу и Франку выставка оригинальных работ чешских художников в Петербурге не состоялась, как можно думать, только из-за финансовых трудностей: не было уверенности, что картины будут раскуплены, о чем Франк предупредил Проусека. Однако ее в какой-то мере все же заменила выставка чешских художественных публикаций, которая была организована вместе с очередной передвижной выставкой в начале 1901 г. О чешских экспонатах сообщала русская печать [16]. Таким образом, хотя и не вполне так, как думали Франк и Репин еще в 1891 г., все же их замысел о взаимном обмене выставками произведений чешских и русских художников был осуществлен.

Собранные нами данные не являются полными и исчерпывающими, но и из них видно, что интерес и любовь Репина к Чехии и чешскому искусству не были чем-то временным или случайным. Они характерны не только для рубежа веков, но и для последующих лет его жизни. Картины Репина еще не раз выставлялись в Праге⁸, о нем было опублико-

⁷ Так у Репина.

⁸ Самостоятельно и совместно с другими художниками произведения Репина выставлялись в Праге и разных городах Чехословакии в 1923, 1925, 1928 и 1930 гг. Кроме того, до войны было еще несколько посмертных экспозиций картин Репина (1932 в Градце Кралове, Брно и Братиславе; 1935 в Праге). Некоторые из выставок сопровождались распродажей. Репин был одним из популярнейших в Чехословакии русских

но много статей, деятели чешского искусства поздравили русского художника и с семидесятилетием, и с восьмидесятилетием. В 20-е годы Репин продолжал поддерживать связи с Чехией, переписывался со своими пражскими знакомыми. Известно, например, что в 1923 г. он писал устройтелю большой выставки своих картин в Праге В. Леви, а в 1924 г. — Т. Магличу, купившему его картину «Крестный ход» (третий вариант). Оба письма содержали теплые воспоминания о Праге и чешских друзьях художника. В письме к Леви были такие строки: «Когда-то в 1900 году я провел несколько божественных дней в Праге в кругу друзей художников. И это незабываемо, неповторимо» [17, с. 79]. «О как бы я хотел приехать к Вам в Прагу», — говорилось в другом письме [11, с. 93]. Где находятся теперь эти письма, к сожалению, установить не удалось.

Нам осталось сказать, что сотрудничество между чешскими и русскими художниками на рубеже XIX и XX вв., одним из инициаторов и непосредственных участников которого были И. Е. Репин, сделало возможным и дальнейшее развитие чешско-русских художественных связей, ставшее в новом своем качестве столь интенсивным и плодотворным в наши дни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Репин И. Е. Письма к художникам и художественным деятелям. М., 1952.
2. Репин И. Е. Избранные письма в двух томах. 1867—1930. М., 1969.
3. Великокняжеская и царская охота на Руси... СПб., 1896, т. I; 1898, т. II.
4. Пушкин А. С. Песнь о вещем Олеге. Рисовал В. Васнецов. СПб., 1899.
5. Илья Ефимович Репин. СПб., 1894.
6. Центральный Государственный исторический архив в Ленинграде, ф. 789, оп. 12, ед. хр. № 3—II—1899.
7. Muzeum Českého ráje v Turnově. Pozůstalost Prouskova.
8. Письма И. Е. Репина. И. Е. Репин и Л. Н. Толстой. Переписка с Л. Н. Толстым и его семьей. М.—Л., 1949.
9. Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи. Фонд И. Е. Репина.
10. Письма И. Е. Репина. Переписка с П. М. Третьяковым. 1873—1898. М.—Л., 1946.
11. Samal J., Stará D. Repin a Praha, 1956.
12. Literární archiv Památníku národního písemnictví v Praze. Pozůstalost Maudrova.
13. Ru. tí umělci. Praha, 1900.
14. Osvěta, 1900, č. 7.
15. Obrana zemědělců, 1937, 18 XI.
16. Новое время, 1901, 15/28 III.
17. Fiala V. J. I. Repin. Praha, 1952.
18. Русская живопись в собраниях Чехословакии. Составитель и автор текста Владимир Фиала. Л., 1974.

художников, поэтому там оказалось значительное число его работ (около 70). Среди них, кроме упоминавшихся, портреты матери (1867), отца (1881), дочерей Надежды (1876) и Веры (1925), «Автопортрет» (1915), «Сад в Здравнице» (1896), «А. С. Пушкин на акте в лице 8 января 1815 года...» (1911), этюды к картинам «Садко в подводном царстве», «Проводы новобранца», «Вечорницы», «Торжественное заседание Государственного совета...» и многие другие [18, с. 57, 58, 113—131].

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Советско-болгарские отношения и связи. Документы и материалы.

Т. II. Сентябрь 1944 — декабрь 1958. М., 1981, 767 с.

Рецензируемый том является продолжением публикации документальных материалов о советско-болгарских отношениях с 1917 г. до наших дней, осуществляемой совместно советскими и болгарскими научными и архивными учреждениями¹. В этом издании комплексно освещается история взаимоотношений двух стран на основе широкого привлечения разнообразных материалов, значительная часть которых еще не вводилась в научный оборот. По замыслу составителей издание призвано отразить все многообразие советско-болгарских отношений: государственных, общественно-политических, партийных, экономических, научных и культурных. При этом преследуется цель содействовать еще более интенсивной разработке истории советско-болгарских связей, а также разоблачению буржуазных идеологов, искажающих характер взаимоотношений братских народов СССР и НРБ и стремящихся подорвать дружбу двух братских социалистических стран. Первый том издания, охватывающий период с 1917 г. по 9 сентября 1944 г., уже получил признание широкой общественности как в СССР, так и в Болгарии.

В рецензируемом томе содержится 630 документов, в том числе важные совместные заявления, коммюнике о визитах советских и болгарских партийных и государственных делегаций, договорные акты, соглашения, протоколы о сотрудничестве в политической, экономической, культурной и других областях, документы переписки между представителями различных ведомств и учреждений, приветствия, письма общественных организаций и отдельных лиц. Особую ценность

представляют впервые вводимые в научный оборот документы из центральных и местных государственных и партийных архивов СССР и НРБ.

Материалы, включенные во второй том, ярко показывают, как Советский Союз, основываясь на принципах социалистического интернационализма, помогал братскому болгарскому народу в строительстве социализма, в обеспечении благоприятных внешних условий для мирного, независимого развития Болгарии по социалистическому пути.

Советский Союз давал решительный отпор всем посягательствам западных империалистов в конце войны и первые послевоенные годы на суверенитет и территориальную целостность Болгарии, пресекал их попытки вмешиваться во внутренние дела страны через своих представителей в Союзной контрольной комиссии, воспрепятствовал намерениям западных держав навязать Болгарии кабальный мирный договор, не допустить Болгарию в ООН. 10 февраля 1947 г. в Париже был подписан наиболее благоприятный в тех условиях мирный договор с Болгарией. Документы тома свидетельствуют, что именно твердая позиция Советского Союза обеспечила сохранение государственной независимости и территориальной целостности Болгарии. Ее международное положение значительно укрепилось.

Важной вехой в истории развития советско-болгарских отношений стал подписанный 18 марта 1948 г. Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между двумя странами, текст которого приводится в томе. Заключенный в напряженной международной обстановке, в условиях «холодной войны» и сколачивания империалистами агрессивных военных блоков договор послужил важным фактором в борьбе за мир. Он поднял советско-болгарские отношения на качественно новую ступень.

Большую группу составляют документы, характеризующие экономические связи между СССР и НРБ. Они, в частности, показывают огромное значение экономической помощи СССР болгарскому народу в трудные для него периоды развития. Формы этой помощи, сыгравшей большую роль в укреплении материальной базы молодого народно-демократического государства, были, как видно из до-

¹ Главная редакция издания: советская часть: [Л. Б. Валеv] (отв. редактор), В. В. Аникеев, К. С. Кузнецова, Р. В. Сушкина, [И. М. Шептунов]; болгарская часть: Хр. Христов (отв. редактор), Ст. Колев, Й. Панайотов, И. Пейков, В. Хаджиников. Редакционная коллегия тома: советская часть: Р. П. Гришина (отв. редактор), [Л. Б. Валеv], М. Е. Позолотин, [И. М. Шептунов]; болгарская часть: В. Божинов (отв. редактор), М. Димитров, Т. Добриянов, А. Наков, И. Пейков, В. Хаджиников.

кументов, весьма разнообразны: займы и предоставление кредитов, деятельность смешанных советско-болгарских обществ и предприятий, передача научно-технической документации, непосредственное участие советских специалистов в строительстве промышленных предприятий и других важных народнохозяйственных объектов, в подготовке болгарских научно-технических и производственных кадров. Незамедлительно направлявшиеся из Советского Союза по просьбе болгарского правительства зерно, минеральные удобрения, сельскохозяйственная техника, топливные материалы, хлопок и другое сырье помогли народно-демократической власти в Болгарии сравнительно быстро преодолеть в первые послевоенные годы экономические трудности, восстановить и наладить производство на промышленных предприятиях.

Огромное значение имела советская экономическая помощь и в дальнейшем. За годы первой и второй болгарских пятилеток (1949—1957) СССР поставил НРБ комплексное оборудование для 39 важнейших промышленных объектов. При помощи СССР в этот период были построены такие крупные предприятия, как химкомбинат в Димитровграде, свинцово-цинковые заводы в Кырджали и Пловдиве, металлургический завод им. Ленина в Пернике, машиностроительный завод в Софии, ряд электростанций, шахт, водохранилищ.

Представляют интерес материалы о производственных связях между двумя странами. В них нашло отражение сотрудничество новаторов производства, действие советских специалистов научно-техническому прогрессу в Болгарии, освоение производственного, технического и организационного опыта трудящихся СССР. Составители привлекли также немало документов, свидетельствующих о том, что советский народ, в свою очередь, постоянно проявлял интерес к болгарскому производственному опыту, извлек много полезного для совершенствования советского производства, в частности в области сельского хозяйства. Важной формой советско-болгарского сотрудничества стало участие болгарских трудящихся в освоении цели-

ны, строительство ряда промышленных объектов в Советском Союзе.

Широко освещены в томе разнообразные связи между советскими и болгарскими научными и культурными учреждениями и организациями. Ценны документы о развитии контактов между Академией наук СССР и Болгарской Академией наук. Они увенчались в рассматриваемый период подписанием 27 ноября 1958 г. соглашения о научном сотрудничестве между АН СССР и БАН, текст которого приводится в томе (док. 624).

Важное значение имеют материалы о деятельности болгаро-советских обществ в Болгарии и образованного в Софии в феврале 1957 г. Всенародного комитета болгаро-советской дружбы, председателем которого была избрана Ц. Драгойчева (док. 523). В томе также публикуется текст постановления Собрания учредителей Общества советско-болгарской дружбы, состоявшегося в марте 1958 г. в Москве (док. 587).

Через все документы тома красной нитью проходит идея социалистического интернационализма. Она пронизывает все формы взаимоотношений между двумя братскими народами, является движущей силой взаимного сближения и всестороннего сотрудничества.

Тщательно подготовлен составителями вспомогательный аппарат к тому. Он открывается обстоятельным введением, в котором характеризуются главные особенности исторического развития двух стран в рассматриваемый период, показывается, по каким основным направлениям подбирались материалы. Том снабжен подробными комментариями, существенно облегчающими усвоение документов. Имеется именной указатель, а также указатель периодических изданий и список сокращений.

Рассматриваемый том совместной советско-болгарской публикации, как и первый том, значительно расширяет документальную основу для освещения истории советско-болгарских отношений и будет способствовать дальнейшему развитию дружественного сотрудничества двух братских социалистических стран.

Вознесенский В. Д.

Л. В. ВЛАСОВА. Молдавско-польские политические связи в последней четверти XVII—начале XVIII в. Кишинев. 1980, 166 с.

Исследование истории международных отношений в Юго-Восточной Европе, в том числе в период феодализма, является одной из важных задач советских историков. Разработка этой проблематики предполагает как выявление взаимосвязи и взаимовлияния исторических факторов, определявших многосторонние отношения государств в указанном регионе, так и изучение двусторонних отношений между ними. В русле второго направления исследований и находится рецензируемая монография.

Актуальность освещаемой в ней темы определяется не только общим направлением исследований по истории международных отношений в Юго-Восточной Европе в эпоху феодализма. Прослеживая эволюцию внешнеполитической истории Молдавского княжества в конце XVII в. на примере отношений его с Польшей, автор приходит к заключению о том, что переориентация на Россию в планах освобождения княжества от османской зависимости была объективно обусловлена рядом международных и внутриполитиче-

ских факторов. Этот вывод приобретает особое значение в современных условиях, когда в зарубежной историографии предпринимаются попытки умалить значение России и русско-турецких войн в освободительной борьбе балканских народов против султанского владычества, исказить историю отношений России с Дунайскими княжествами.

Представляется чрезвычайно плодотворным проведенный Л. В. Власовой анализ политических отношений Молдавского княжества с Польшей в конце XVII в. в органической связи с его социально-экономическим и внутривнутриполитическим положением в этот период.

Монография выполнена с учетом всей имеющейся исторической литературы по данной проблематике, основана на широком круге источников, в том числе и архивных материалов из фондов ЦГАДА.

Автор поставила перед собой задачу проанализировать международные и внутренние факторы, влиявшие на внешнюю политику правящей боярской партии и других групп господствующего класса молдавских феодалов.

В работе прослеживается обусловленность для конца XVII в. внешнеполитических программ соответствующих феодальных группировок их социально-экономическим положением и вытекающими отсюда интересами. В этом свете подробно анализируются два основных варианта внешней политики княжества, отстаивавшихся сторонниками «протурецкой» и «прохристианской» партий молдавских бояр. Особое внимание уделяется молдавской эмиграции в Польшу, выявлению ее социального состава и политической программы в антиосманской борьбе княжества (с. 12—20).

Весьма важным представляется наблюдение Л. В. Власовой о том, что принадлежность крупного молдавского боярства к той или другой группировке не была постоянной и часто менялась в зависимости от международной обстановки и внутривнутриполитического положения в княжестве. Большое внимание автор уделяет характеристике политических взглядов одного из лидеров «прохристианской» группировки, бывшего великого логофета княжества Мирона Костина, принадлежавшего ранее к числу сторонников «протурецкой» ориентации внешней политики молдавских господарей. Отдавая должное выводу своих предшественников (П. П. Панаитеску, Е. М. Руссева), исследовавших деятельность и политические взгляды М. Костина, Л. В. Власова уточняет эти выводы, выдвигает и обосновывает мнение, что М. Костин и его окружение выступали не за включение Молдавского княжества в состав Польши, а за унию с Речью Посполитой как реальной возможностью освободить княжество от османской зависимости и обеспечить интересы боярства внутри страны и во внешнеполитическом плане (с. 31—37). Автор показывает активное противодействие сторонникам Польши «протурецкой» группировки бояр, возглавлявшихся господарем Константином Кантемиром; рассматривает его политику в период похода польского короля Яна Собеского в кня-

жество в 1686 г., в частности отношения с Портой и крымским ханом. Всесторонний анализ относящихся к этому времени документов позволил Л. В. Власовой сделать вывод о «протурецкой» позиции господаря еще задолго до начала похода польской армии в княжество, хотя он, на всякий случай, допуская возможность военной удачи Собеского, предпочитал вести с ним переговоры (с. 47—49). Представляет интерес попытка по-новому осмыслить деятельность одного из видных представителей «прохристианской» партии — молдавского митрополита Досифея во время пребывания польских войск в княжестве (с. 65—68).

Изучив материалы, касающиеся политических отношений Молдавского княжества с Польшей и Австрией в 1687—1690 гг., Л. В. Власова пришла к заключению, что отношения между К. Кантемиром и Я. Собеским определялись недоверием друг к другу и были довольно холодными, иногда даже враждебными. Тем самым опровергается бытовавшее среди буржуазных историков мнение об установлении в указанный период союзных отношений между Молдавским княжеством и Польшей с целью общих антиосманских действий (с. 77). Под углом зрения изменений в соотношении сил в антиосманской борьбе стран «Священной лиги» и неудач польской армии в Молдавском княжестве показывается переориентация группировок молдавского боярства на Австрию, обострение польско-габсбургских противоречий из-за права на обладание Дунайскими княжествами.

В действиях молдавского боярства и господаря К. Кантемира во время вторжения польских войск на территорию Молдавского княжества в 1691 г. автор подчеркивает решимость противостоять планам Собеского, энергичные меры молдавского господаря по организации сопротивления польской армии со стороны всего населения княжества (с. 97—98). При характеристике поведения М. Костина в этот период Л. В. Власова привлекает все имеющиеся материалы, вводит в научный оборот новые документы и показывает, что суть его позиции состояла в том, чтобы не присоединяться к польской армии и в то же время показать себя сторонником короля (с. 103—109).

Автор отмечает ухудшение политических отношений Молдавского княжества с Польшей в последнем десятилетии XVII — начале XVIII в., особенно после казни братьев Мирона и Величко Костина, выясняет причины расправы с Костинами и ряд связанных с ней обстоятельств (с. 113—119). Во внешней политике молдавских господарей Константина Дуки и Антиоха Кантемира автор выявляет сочетание «прохристианской» и «протурецкой» линии, что определялось в значительной мере изменением международной обстановки в результате заключения в 1699 г. Карловацкого мира. Л. В. Власова останавливается на его последствиях для княжества, подчеркивает ухудшение как экономического, так и политического положения княжества после 1699 г. (с. 122—128).

Оценивая в целом работу Л. В. Власо-

вой, следует сказать, что она представляет собой интересное и хорошо фундированное исследование, хотя и вызывает некоторые замечания и размышления. Прежде всего, в ней преувеличивается степень внешнеполитической самостоятельности Молдавского княжества в конце XVII в. Во введении автор пишет, что «во время турецкого ига Молдавия лишь формально мирилась со своим положением вассала Порты. Княжество постоянно активно искало союзников, с чьей помощью можно было бы освободиться от турецкого владычества» (с. 4). Такая оценка внешнеполитического положения княжества в изучаемый период связана с несколько упрощенной трактовкой автором отношений княжества с Османской империей. Автор характеризует их однозначно как «турецкое иго» или «турецкое господство» в княжестве.

На наш взгляд, с середины XVI в., со времени включения Молдавского княжества в систему Османской империи, отношения его с Портой постоянно эволюционировали, испытывая влияние международных факторов, а также внутриполитического развития в империи и в самом княжестве. В XVII в. Порта ограничивала государственные функции, особенно во внешнеполитическом плане, Молдавского княжества, как и Валахии, несмотря на сохранение ими автономии [1]. К концу XVII в. Молдавское княжество фактически было лишено права на самостоятельную внешнюю политику, ибо любая неудобная султану внешнеполитическая акция грозила государю потерей власти в княжестве. Поэтому какие бы внешнеполитические варианты не выдвигали отдельные партии молдавских бояр, в конечном итоге решающим фактором международного положения княжества в рассматриваемое время оставалась зависимость от Османской империи. Поиски союзников, — о чем пишет автор, — были не проявлением самостоятельности, а результатом положения княжества в системе Османской империи.

Проведенный Л. В. Власовой анализ молдавско-польских политических связей конца XVII в. показывает, что при всем различии интересов феодальных группировок внешнеполитическое положение Молдавского княжества в тот период определялось международными отношениями в Европе и ее юго-восточном регионе. Во второй половине XVII в. решающая роль в консолидации европейских сил для отпора османскому давлению принадлежала Габсбургам, стремившимся к созданию в Дунайском бассейне силь-

ного монархического государства [2]. В этом контексте представляются неточными утверждения автора о том, что после венской победы 1683 г. у членов «Священной лиги», в том числе и у Австрии, появилось «стремление вытеснить турок из Европы и разделить между собой освобожденные территории» (с. 22) и что «в начале войны у Австрии еще не было определенных политических планов в отношении Молдавии и Валахии» (с. 23). Соперничество Габсбургов с Османской империей за обладание Дунайским бассейном было еще раньше. К концу XVII в. оно становится главным узлом в сложной ткани международных отношений в Юго-Восточной Европе [3], в которую вплетались и взаимоотношения Молдавского княжества и Польши.

Следует отметить, что весь комплекс проблем исследуемой автором темы касается только конца XVII в. В названии же книги в качестве конечной хронологической грани указано начало XVIII в. По существу, отношения Молдавского княжества с Польшей в это время автором не рассматриваются, а приводятся лишь некоторые материалы, свидетельствующие о появлении среди «прохристиански» настроенных бояр княжества сторонников русской ориентации. Думается, что на основании только этих материалов выносить в заглавие работы период начала XVIII в. едва ли правомерно.

Все выказанные замечания не умаляют, однако, основных достоинств рецензируемой книги. Результаты исследования Л. В. Власовой представляют несомненный интерес для специалистов-историков, преподавателей вузов, студентов и аспирантов.

Семенова Л. Е.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Gemil T.* Considerations sur les rapports politiques roumano-ottomans au XVIIe siècle.— *Revue Roumaine d'Histoire*, 1976, № 4, p. 658.
2. *Королюк В. Д.* Турецкая агрессия в страны Юго-Восточной и Центральной Европы и формирование многонациональной Дунайской монархии (XVI—XVII вв.).— В кн.: Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма. Кишинев, 1973, с. 142—149.
3. *Семенова Л. Е.* Дунайские княжества в международных отношениях Юго-Восточной Европы в конце XVII в.— *Revue bulgar d'Histoire*, 1979, № 2, p. 42—50.

ЗАРУБЕЖНЫЕ СЛАВЯНСКИЕ ЛИТЕРАТУРЫ НА СТРАНИЦАХ «ВЕСТНИКА ЛГУ» (70-Е ГОДЫ)

Почти в каждом номере «Вестника Ленинградского государственного университета (Серия: история, язык, литература)» публикуются статьи, посвященные зарубежным славянским литературам. В них освещаются как некоторые общие вопросы истории этих литератур, так и конкретные явления литературного развития, творчество отдельных писателей, вопросы литературных связей и т. д.

Большое место в журнале занимают статьи, рассматривающие литературу в контексте революционного процесса XX в. Влиянию Великой Октябрьской революции и идей ленинизма на болгарскую и словенскую литературы посвящены статьи В. Д. Андреева «Борьба за ленинский принцип партийности в социалистической прозе Болгарии 1930-х гг.» (1970, № 8) и М. Л. Бершадской «В. И. Ленин и словенская литература 1918—1929 гг.» (1970, № 20). В 20—30-е годы, в условиях острой идеологической борьбы, в период формирования и развития революционной литературы ленинское учение о классовой, партийном подходе к явлениям литературы имело исключительное значение. Оно помогло словенским и болгарским писателям встать на революционный путь, углубить свое понимание действительности, отражать в своем художественном творчестве проблемы общественной жизни. В. Д. Андреев показывает процесс становления принципа коммунистической партийности в болгарской литературе, рассматривая при этом два аспекта становления революционной литературы в Болгарии. С одной стороны, это развитие сети рабоче-крестьянских корреспондентов, вовлечение их в процесс формирования новой литературы, отвечающей требованиям времени. С другой — трактовка в произведениях передовых писателей (Г. Караславова, К. Велкова, Л. Стоянова и др.) сложных и злободневных проблем того времени (в частности, проблемы героя и народа, проблемы национального характера и т. д.), которые искаженно преподносились буржуазной пропагандой. М. Л. Бершадская прослеживает проникновение ленинских идей в сознание словенских писателей, что «было не кратковременным и простым актом, а весьма сложным процессом». В статье раскрывается становление творчества передовых словенских писателей, сгруппированных вокруг журнала «Младина» (1924—1929) — М. Клопчича, Й. Грахора, Б. Крефта, их борьба против социального гнета и буржуазной идеологии, за обновление литературы. В обеих статьях подчеркивается роль русских и советских писателей в развитии болгарской и словенской литератур.

Эволюцию хорватского писателя А. Цесарца, на творчество которого большое влияние оказала Октябрьская революция, прослеживает Р. А. Тотоева в работе «Август Цесарец и Советский

Союз» (1972, № 20). Все творчество Цесарца было неразрывно связано с Советским Союзом. В своих произведениях Цесарец писал об истории развития русской революционной мысли, о встрече с В. И. Лениным, о советской культуре и литературе. С другой стороны, он знакомил советских читателей с историей развития революционной мысли в Хорватии, с прогрессивными деятелями Югославии.

Большое внимание уделяется в журнале участию литературы в антифашистской борьбе. В статьях Р. А. Тотоевой «Антифашистская тема в югославской публицистике межвоенного периода» (1975, № 20), В. Б. Оболевича «Поэзия нового польского войска (1943—1945)» (1975, № 14), М. Л. Бершадской «Драматургия и театр словенского антифашистского Сопротивления (1941—1945)» (1975, № 20), В. Д. Андреева «Литература антифашистского Сопротивления в Болгарии» (1975, № 14) освещается роль литературы в борьбе против фашистской идеологии и агрессии.

На страницах прогрессивной прессы Югославии межвоенного периода активно выступали писатели и публицисты Б. Аджия, О. Кершовани, О. Прица, А. Цесарец. Вскрывая сущность гитлеровской пропаганды, бесчеловечность фашистской морали, они призывали к объединению всех демократических сил для предотвращения катастрофы.

Дух сопротивления в польском народе поднимала польская армейская поэзия военных лет, призывая к активной борьбе и к созданию новой, демократической Польши. Стихи поэтов-воинов, являясь своеобразным дневником военных действий, отражали чувства и мысли бойцов, всего польского народа.

Особый интерес представляют материалы о драматургии словенского антифашистского Сопротивления. Драмы, написанные в перерывах между боями, ставились на сценах как профессиональных, так и самодеятельных театров, развернувших свою деятельность на освобожденной территории и в партизанских бригадах. В годы войны в Словении было написано 230 пьес (сохранилось из них около 120).

Творчество болгарских писателей в годы антифашистского Сопротивления отразило сдвиги, происшедшие в общественном и художественном сознании интеллигенции. Использование писателями-антифашистами традиций классики и фольклора, обращение к исторической тематике, к общенародным идеалам национального возрождения, новая трактовка гуманизма, возрастание антибуржуазной, антифашистской направленности литературы, становление ряда писателей (С. Загорчинов, Л. Стоянов) на идейно-эстетические позиции социалистического реализма — характерные черты болгарской антифашистской литературы.

В статье болгарского исследователя Б. Ценкова «Академик Тодор Павлов как публицист» (1972, № 8) рассматривается одна из сторон творческой деятельности болгарского ученого, революционера, историка, критика литературы и искусства. Как отмечает Б. Ценков, основной чертой, характеризующей деятельность Павлова-публициста, является тесная взаимосвязь его публицистики с задачами коммунистического движения, сочетание высокого теоретического уровня с освещением практических задач. Особо выделяет автор статьи произведения, в которых Павлов разоблачает сущность фашизма и расовых теорий, разрабатывает проблемы войны и мира, патриотизма и интернационализма.

В журнале освещается литературный процесс не только современной эпохи, но и более раннего периода.

Польской литературе эпохи Возрождения посвящены статьи В. Б. Оболевича «Народные истоки поэмы Яна Кохановского „Сатир, или дикий человек“» (1973, № 14), «„Фрашки“ Я. Кохановского» (1971, № 2), «Творчество Миколая Рея» (1978, № 14). Характеризуя творчество польских поэтов-гуманистов Я. Кохановского и М. Рея, отмечая народность их творчества, автор статей выражает несогласие с мнением о том, что в произведениях этих «шляхетских писателей» отсутствуют социальные мотивы. В творчестве этих поэтов, сыгравшем большую роль в развитии национального языка и национальной культуры, затрагивались важные политические, социальные, национальные, моральные, бытовые проблемы, отражались жизненные интересы всего польского общества.

А. К. Монастырская в статье «Из славяно-молдавско-византийских литературных связей второй половины XVII в.» (1977, № 8) развивает мысль о том, что XVII в. является периодом наиболее интенсивного распространения народной хронографической литературы. Исследователь рассматривает молдавскую историографию и ее связи с историографиями русской и византийской, сопоставляет различные мнения о происхождении, авторстве молдавских хроник, их переводах на другие языки.

Значительное внимание исследователей привлекает классическая литература XIX—XX вв.

Г. К. Волошина в работе «Межстиховые переносы ранних романтических поэм Ю. Словацкого» (1979, № 20) анализирует структуру произведений польского поэта-романтика. Автор отмечает важность раннего этапа в технике стихосложения поэта, подготовившего начало нового периода в творческой эволюции Словацкого. В первый период своего творчества поэт применяет принцип такого построения стиха, при котором границы предложения оказываются внутри стихотворной строки, в месте цезуры, что придает большую динамичность повествованию. Изменение традиционной формы стихосложения позволяет также сильнее акцентировать основную мысль произведения, раскрыть сложный внутренний мир романтического героя.

Одному из явлений в развитии болгарской прозы первых десятилетий XX в. посвящена статья В. Д. Андреева «О некоторых особенностях поэтики „Легенд Старой Планины“ И. Йовкова» (1973, № 14), раскрывающая роль народного творчества в развитии и обогащении национальной болгарской литературы. Автор отмечает историко-литературную значимость «Легенд», национальный характер которых, тематика, содержание, демократическая направленность оказали влияние на появление в болгарской литературе эпических произведений с «философским осмыслением судеб народа».

В творческом наследии словенского писателя Иво Брнчича (1912—1943) значительное место занимают критические статьи, эссе, рецензии, в которых затрагиваются многие важные вопросы литературного и общественного развития 30-х годов, разоблачаются модернистские, идеалистические тенденции в словенской литературе. Новеллы и стихотворения Брнчича проникнуты жизненным оптимизмом, духом сопротивления антигуманистическим силам. Все это как бы подготовило его драму «В четырех стенах» (1936). Автор статьи «Иво Брнчич и его драма „В четырех стенах“» (1979, № 14) М. Л. Бершадская, отмечая традиционность словенского писателя в изображении конфликтных ситуаций, в мотивировках поступков героев, в области формы, выявляет новаторство Брнчича-драматурга, которое проявляется в перерастании семейно-социального конфликта в социально-политический.

Широко представлена в «Вестнике» проблема взаимосвязей и взаимодействия литератур славянских народов.

В статье С. И. Николаева «Поэма С. Твардовского „Dariusz w drzewo bobkowe przemienienia cie“ в русском переводе начала XVIII в. (из истории польско-русских литературных связей)» (1977, № 8) подробно анализируется русское переложение поэмы, датируемое 1710 г., элементы композиции, стиха, размеров, рифм, отмечается такой интересный факт, как трансформация жанра (произведение Твардовского было написано как поэма, а в переводе это драма). И хотя перевод поэмы не дает полного представления о всех ее достоинствах, этот факт из истории польско-русских литературных связей, по мнению автора статьи, является «значительным примером рецепции поэзии польского барокко в русской литературе первой четверти XVIII в.».

В начале XIX в. усилилось обращение деятелей чешского национального движения к России. Но в условиях того времени знакомство чешских будителей с русской культурой и просветительской мыслью было ограниченным, что приводило к формированию не всегда правильных представлений о жизни царской России. Прогрессивные взгляды на сущность русского самодержавия проникают в среду чешских патриотов после 1830 г. Большую роль в этом сыграл поэт и переводчик Ф. Л. Челаковский. На основе фактов о его деятельности Г. А. Лилич в сообщении «Из истории чешско-русских

литературных связей начала XIX в.» (1974, № 14) показывает формирование в чешской среде объективных представлений о русской действительности, знакомство с прогрессивными направлениями русской мысли.

В кратком сообщении Н. К. Жаковой «Восприятие творчества М. Ю. Лермонтова в словацкой литературе» (1974, № 8) прослеживается постепенное возрастание в Словакии интереса к русскому поэту. Опираясь на работы словацких исследователей Э. Пановой и Д. Дюришина, автор статьи показывает причины, обусловившие интерес к творчеству Лермонтова в словацкой среде в разные периоды.

О восприятии творчества Горького в сербской литературе пишет Г. И. Егоров — «Еще раз о Горьком в Югославии» (1973, № 14). Прогрессивные сербские и хорватские писатели высоко ценили революционный оптимизм произведений Горького, творчество которого оказало влияние на многих из них (Б. Станкович, Б. Нушич, П. Кочич). Опыт Горького побудил писателей обратиться к герою, ранее для них необычному, к людям низов, жертвам социального зла», показать в своих произведениях широкую

панораму жизни с острыми социальными проблемами.

Взаимопроникновению польской и советской культур посвящена статья М. П. Малькова «Советская культура в „Беседах о книгах“ Я. Ивашкевича» (1977, № 20). «Беседы», отражающие впечатления писателя от поездок и встреч, его воззрения на искусство и литературу, свидетельствуют, как отмечает автор статьи, о богатой интеллектуальной и духовной жизни польского писателя. В этом своеобразном дневнике Ивашкевич неоднократно обращается к деятелям русской (Пушкин, Толстой, Чехов, Мусоргский, Чайковский) и советской культуры (Блок, Ахматова, Рыльский, Шагинян, Шолохов). Взаимосвязи польской и русской культур — главная тема этого «важного документа писательской мысли».

Статьи по славянским литературам, опубликованные в «Вестнике ЛГУ», не охватывают в равной мере все аспекты в развитии литератур. В то же время в своей совокупности они являются заметным вкладом в исследование литературного процесса в славянских странах.

Осипова Н.

И. В. ПОЗДЕЕВА, И. Д. КАШКАРОВА, М. М. ЛЕРЕНМАН. Каталог книг кириллической печати XV—XVII вв. Научной библиотеки Московского университета. М., 1980, 359 с.

Первое, что поражает при чтении этого каталога — это богатство представленной в нем русской и восточнославянской старопечатной книжной традиции. Уступая размерами своих коллекций крупнейшим национальным книгохранилищам — ГБЛ и ГПБ, библиотека старейшего русского университета уже к началу 1977 г. насчитывала более 900 кириллических изданий XV—XVII вв. Особенно ценно, что в университетском собрании представлены все этапы раннего славянского и русского книгопечатания, в нем хранятся шедевры лучших печатников — три из четырех изданий Швайпольта Фиоля, первенцы кириллической печати 90-х годов XV столетия; оно по праву гордится четырьмя книгами из Скоринной Библии; имеются здесь и венецианские издания XVI в., и книги, вышедшие в свет в Белоруссии и в Молдавии в 1562 и 1563 гг. Отечественное книгопечатание в его начальной стадии представлено с завидной полнотой: из 16 учтенных в Сводном каталоге А. С. Зерновой московских изданий XVI в. здесь имеется 11, многие — в нескольких экземплярах, в том числе 3 экземпляра «Апостола» Ивана Федорова. Подборка Федоровских изданий на редкость богата: 6 экземпляров острожской «Библии», 5 — львовского «Апостола», по 2 — заблудовского «Евангелия учительного» и острожского «Нового Завета с Псалтирью» и редчайший экземпляр составленного Тимофеем Михайловым к Новому Завету

указателя «Собрание вещей нужнейших» — всего, вместе с московским «Апостолом», 18 экземпляров шести изданий первопечатника.

Наиболее полно представлены в каталоге издания московского Печатного двора; если к этому добавить книги, вышедшие в свет в Александровской слободе, Вильне, в типографии Иверского монастыря, в Киеве, Кутеине, Могилеве, Рохманове, Уневе, Чернигове, то представительность описанного в каталоге собрания станет вполне очевидной. Не обладая исчерпывающей полнотой (в рамках одного хранилища едва ли достижимой), собрание кириллической книги МГУ дает достаточно полное представление о раннем восточнославянском книгопечатании. Ценность его определяется не только тем, что его украшают редчайшие памятники типографского искусства, но и адекватным отражением репертуара печатной книги XV—XVII вв.: в нем наличествуют главнейшие типы и образцы изданий этой эпохи, с учетом специфических особенностей различных книгоиздательских центров.

Это богатство и разнообразие коллекции кириллических книг не унаследовано от седой старины, как можно было подумать. Известно, что в первые десятилетия своего существования библиотека Московского университета (как, впрочем, и иные университетские книгохранилища) не имела возможности специально собирать редкие старопечатные изда-

ния; те же, что были ей пожертвованы, в большинстве погибли во время пожара 1812 г. Лишь отдельные поступления в составе частных книжных коллекций пополнили небольшое собрание кириллической старопечатной книги в конце XIX — начале XX в. Некоторые печатные издания XVI — XVII вв. были переданы в библиотеку МГУ в 20—30-е годы из Государственного фонда и из различных учреждений. Но в основе своей, отраженный в рецензируемом каталоге книжный фонд — результат активного и целенаправленного комплектования послевоенных десятилетий. Здесь особой признательности заслуживает деятельность Н. Н. Мельниковой, которая сумела приобрести для Отдела редких книг библиотеки, которым она заведовала на протяжении ряда лет, немало редких изданий через московские букинистические магазины. Известно, что активное и заинтересованное отношение библиотекарей к обогащению книжного фонда способствует росту авторитета книгохранилища и привлекает к нему внимание других библиотек и владельцев частных коллекций. Большую помощь в пополнении фонда кириллической книги МГУ оказали Государственная библиотека им. В. И. Ленина, Государственная Публичная историческая библиотека, Государственный Исторический музей, музей Московского Кремля: благодаря их щедрым дарам в хранилище Отдела редких книг в 50—60-е годы поступило около 120 книг, по большей части весьма ценных экземпляров. Свидетельством признания культурного значения университетской библиотеки явились и пожертвования московских библиофилов.

Но особо значительную роль в пополнении и развитии старопечатного фонда Научной библиотеки МГУ сыграли археографические экспедиции. Эта работа была начата в 1966 г., по примеру Древлехранилища Пушкинского Дома АН СССР, руководимого энтузиастом отечественной археографии В. И. Малышевым, и других научных библиотек страны. Особенно значительный размах она приобрела в 1971 г., с организацией археографической группы при кафедре источниковедения исторического факультета МГУ — при активной поддержке тогдашнего ректора МГУ акад. И. Г. Петровского (его «памяти великого книголюбца, инициатора «собрания редких книг» — составители с благодарностью посвятили свой каталог). Благодаря неутомимой энергии возглавившей эту работу И. В. Поздеевой комплексные экспедиции, включавшие историков, филологов, искусствоведов, фольклористов и музыковедов из многих научных учреждений Москвы, изучали старообрядческие поселения целого ряда областей страны и создали территориальные коллекции рукописных и старопечатных книг. В результате, не говоря о многочисленных рукописных находках (частично отраженных в только что вышедшем в свет каталоге [1]), университетское собрание кириллической печати за десять лет увеличилось вдвое (рукопись каталога была сдана в издательство в 1975 г., поэтому в основной части его

отражены находки 1966—1970 гг.; поступления 1971—1976 гг., в количестве 238, учтены в Приложении; пополнение собрания успешно продолжалось и в последующие годы).

Итоги археографической работы библиотек многообразны. Прежде всего, она способствует осуществлению Закона об охране памятников истории и культуры, часто спасает их от забвения и гибели, делая достоянием науки бесценные рукописи и старопечатные книги. Она содействует пополнению фондов научных книгохранилищ; в результате деятельности археографов МГУ в университетском собрании имеются теперь такие уникальные памятники, как безвыходные московские издания так называемой «анонимной» типографии предшественников Ивана Федорова и множество других книг второй половины XVI — начала XVII вв. Не меньший научный интерес представляют найденные археографами и описанные в каталоге уникальные экземпляры изданий московского Печатного двора, до сих пор не известные специалистам и не учтенные в библиографии. Это «Часовник» от 13 XI 1623 г. (Приложение 1, № 681), «Часовник» около 1654 г. (№ 510), «Псалтирь» 1640-х годов (№ 683) и 1660 г. (№ 533), а также отсутствующий в Сводном каталоге А. С. Зерновой «Часовник» 1643 г. Некоторые из новонайденных книг были ранее известны всего в одном-двух экземплярах. Для воссоздания в полном виде истории московского книгопечатания XVII в. эти находки имеют первостепенное значение. Но главный интерес собранных археографами материалов — не в сенсационных открытиях книжных редкостей и даже не в пополнении университетской коллекции, а в историко-культурной ценности всей совокупности найденных ими книг.

По своей сохранности, по физическому своему состоянию эти экземпляры порой уступают парадным образцам, издавна бережно хранившимся в государственных, монастырских, церковных книжных сокровищницах или в собраниях любителей книжной старины. Здесь преобладают более скромные переплеты, здесь много неполных экземпляров, фрагментов, носящих следы домашней реставрации (впрочем, весьма умелой и тщательной). На протяжении нескольких столетий своего существования они были не объектом библиофильского любования, но верой и правдой служили многим поколениям читателей и владельцев. Именно специфические особенности экземпляров, отражающие многовековую судьбу книг, придают неповторимое своеобразие книжному собранию в целом и определяют его значение как источника для изучения истории отечественной культуры.

Самая успешная собирательская деятельность утратит добрую половину своей ценности, если сосредоточенные в книгохранилище сокровища не будут введены в научный оборот. Поэтому так важны своевременное создание и публикация научных описаний книжных коллекций наших библиотек (к сожалению, не всегда в должной мере получающая поддержку со стороны издательств). Рецензируемый

каталог — весьма удачный, если не сказать — образцовый, пример своевременного ознакомления научной общественности с одной из важнейших книжных коллекций московской университетской библиотеки.

Составителями каталога проделана обширная и тщательная работа по детальному обследованию и описанию всех 680 книг, составляющих основную часть коллекции (еще три уникальных экземпляра из находок 1972 и 1977 гг. описаны в Приложении 1). Описание изданий выполнено в соответствии с правилами, принятыми в работе крупнейших отечественных книгохранилищ, но без той детализации, которая необходима и целесообразна при описании изданий одной типографии или книгоиздательского центра. В тех случаях, когда издание достаточно подробно описано в существующих научных каталогах (прежде всего это относится к московским изданиям, а также белорусским и острожским) составители не повторяют его, а ограничиваются ссылками на соответствующие пособия, оглашая имеющиеся отличия. В других — описание делается со всей необходимой полнотой и тщательностью.

Основное внимание составителей уделено поэкземплярному описанию. «Задачей данной книги, — отмечено в предисловии, — определяющей методику описаний, является максимально возможное выявление особенностей экземпляров старопечатных изданий, хранящихся в МГУ» (с. 4). Прежде всего это касается степени сохранности экземпляров, наличия в них рукописных дополнений, характеристики переплета, а главное — владельческих и читательских записей и помет. Воспроизведенные со скрупулезной точностью записи позволяют воссоздать историю каждого экземпляра, вызвать судьбу каждой книги, условия ее бытования, ее место в духовной жизни своего времени. Материал записей дает обильную и чрезвычайно ценную информацию. Достаточно сказать, что записи имеются в 528 экземплярах из 683, описанных в каталоге. Только к XVII столетию относится 637 записей, 183 записи датированы, в 50 случаях указаны цены книг. В текстах записей упоминается 712 имен, в том числе 348 владельцев книг. 23 имени справщиков и наборщиков московского Печатного двора позволяют вернуть из векового забвения тех «потрудившихся о Господе» мастеров, которыми были созданы эти шедевры типографского искусства. Имена владельцев — от царских вкладных записей до имен крестьян, купцов, мещан, помещиков, служилых людей, лиц духовного звания позволяют представить распространение книги в читательской среде, а также и географическое распространение ранних печатных изданий. Все эти богатые сведения сами по себе могут и должны явиться предметом дальнейших обстоятельных исследований.

Пользование каталогом значительно облегчается включением в него вспомогательных указателей, составляющих обя-

зательную и весьма ценную часть самого справочника. Этих указателей семь: прежде всего, указатель изданий по месту выхода, типографии, печатникам и времени выхода; указатель названий книг; указатель имен авторов, печатников и лиц, упомянутых в описании изданий. Если эти три указателя относятся к описаниям изданий, то три последующих касаются записей в книгах и не только облегчают пользование каталогом, но и сами представляют ценнейший материал, сведенный воедино и не менее интересный для изучения, чем основная часть каталога. Это указатели владельцев книг и лиц, упомянутых в записях, указатель упомянутых в них мест, монастырей и церквей, и, наконец, указатель датированных записей и помет — от 6 октября 1591 г. до 28 мая 1950 г., но преимущественно XVII—XVIII столетий. Со структурой территориальных коллекций и одновременно с картиной экспедиционной археографической работы знакомит последний указатель экспедиционных находок по территориальным коллекциям. К научно-справочному материалу каталога принадлежат и 32 иллюстрации: это не украшение книги (хотя книга издана на заvistь хорошо, в тисненном переплете, с изображением марки московского Печатного двора на форзацных листах, со стилизованными заставками и инициалами, что лишний раз свидетельствует о высокой издательской культуре и об уважительном отношении к труду составителей, к научному уровню издания и к читателям каталога), а научная публикация фрагментов наиболее ценных книг из коллекции МГУ, образцов книжной графики, переплетного искусства и наиболее интересных и важных записей.

Весьма сжатая вступительная статья знакомит с историей собрания и основными принципами описания книг. Правда, в похвальном стремлении подчеркнуть преимущества московского университетского собрания, авторы не вполне корректно утверждают, что Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ, созданный в первые послевоенные годы — первый отдел этого типа в университетских библиотеках страны (с. 15): в Ленинградском университете кабинет раритетов был создан еще в 20-е годы, официальное же наименование Отдела редких книг и рукописей получил в 1944 г.

Рецензируемый каталог заслуживает самой высокой оценки и может и должен послужить образцом для других научных описаний старопечатных книг.

Горфункель А. Х.

ЛИТЕРАТУРА

1. Славяно-русские рукописи XV—XVI веков Научной библиотеки Московского университета (Поступления 1964—1978 гг.). (Сост. Н. А. Кобяк, И. В. Поздеева). М., 1971, 224 с.

Э. СЕКАНИНОВА. Семантический анализ приставочного глагола в русском и словацком языках

Монография Э. Секаниновой посвящена актуальной для современной аспектологии проблематике изучения способов глагольного действия (СД): их образованию, семантике, грамматической характеристике. Следуя за А. В. Бондарко, автор рассматривает лексико-грамматические разряды СД в рамках функционально-семантической категории (ФСК) аспектуальности. Под СД понимаются глаголы, формально выражающие модификацию действия; обозначенного простым мотивирующим глаголом (с. 37). В обширной аспектологической литературе лишь единичные работы содержат полное описание систем СД отдельных языков (ср. описание СД русского языка [1] и болгарского [2]); для большинства славянских языков эта задача остается пока не выполненной. Предложенная Э. Секаниновой классификация приставочных глаголов является в настоящее время единственным полным описанием системы префиксальных СД словацкого языка, что само по себе имеет большую научную ценность и обуславливает актуальность монографии.

В работе освещается ряд важнейших вопросов, связанных с проблематикой глагольного видо- и словообразования: дается характеристика грамматической сущности имперфективации и перфективации, рассматривается соотношение грамматического и лексического при префиксации, анализируется вопрос о семантическом содержании понятий «совершенность» и «несовершенность» действия.

Рецензируемая работа выполнена в сопоставительном плане: в ней дается анализ приставочного глагольного словообразования в русском и словацком языках. Исследование Э. Секаниновой представляет собой первую попытку сопоставительного анализа СД, сделанного на основе столь обширного материала — до сих пор сравнение проводилось на уровне отдельных глагольных групп¹. С широтой поставленных автором задач связан методологический план работы, вызывающий большой интерес. Сравнение базируется на выделении единых для русского и словацкого языка сем, содержащихся в ФСК аспектуальности и, следовательно, в системах СД этих языков: это семы локализованности, темпоральности и «модальности» (модальности) действия. Классифицируя СД сравниваемых языков с точки зрения их отношения к указанным семам, автор выделяет 18 СД в рамках семантического поля локализованности действия, 12 СД — в рамках поля темпоральности и 28 СД — в рам-

ках поля «модальности» действия, причем последнее включает семы количества, интенсивности, тотальности и модуса.

Единицей сопоставления является лексическое значение приставки (или, что в данном случае одно и то же, словообразовательное значение производных приставочных глаголов), устанавливаемое на основе метода субституции приставки различными лексическими средствами. Применяемый метод толкования глагольных значений предполагает описание значения не только приставки, но и мотивирующего глагола. Исследование семантики компонентов приставочного глагола — приставки и мотивирующего глагола, а также их сочетаемости и составляет основное содержание работы. Исходя из единого словообразовательного значения сравниваемых глаголов, автор устанавливает сходства и различия в плане выражения при передаче тождественных элементов плана содержания в русском и словацком языках.

В центре внимания исследователя находятся не только особенности значения и формы структурных компонентов сравниваемых глаголов, но и синтаксический аспект, связанный со словообразовательными процессами. Детальному анализу подвергаются изменения сочетаемости свойств глагола при префиксации.

В книге Э. Секаниновой отразились и некоторые трудности, с которыми сталкивается современная славянская аспектология. Рассматривая СД как самостоятельную языковую категорию, исследователь неизбежно должен решить вопрос о статусе СД и критериях их выделения. Однако на практике независимо от того, причисляются ли СД к лексико-семантическим группам, лексико-грамматическим категориям или словообразовательным разрядам, особым образом связанным с грамматикой (видом), критерии выделения СД остаются весьма расплывчатыми. Объем самого понятия СД трактуется различными учеными по-разному². Автор рецензируемой работы относит к СД словообразовательные разряды, содержащие указанные выше семы, на том основании, что эти семы присущи ФСК аспектуальности в целом. Вряд ли, однако, можно согласиться с тем, что сема локализованности действия характеризует не только приставочные глаголы движения, но и всю ФСК аспектуальности. Кроме того, при современном состоянии вопроса о семантическом содержании видов и недостаточной четкости таких понятий, как «целостность», «иредельность», «комплексность» действия и др., семантический подход неизбежно ведет к известной произвольности при ус-

¹ Из работ последнего времени см., например, [2—4], а также статьи Э. Секаниновой, приводимые в библиографии исследования.

² Ср. наборы СД, выделяемые в [1, 5, 6].

тановлении наборов СД в конкретных языках. Что же касается семы «модальности» действия как одного из параметров аспектуальности, то она, по-видимому, в той или иной мере может содержаться в лексическом значении любого (в том числе и бесприставочного) глагола. Как видим, объем понятия «СД» в концепции автора монографии достаточно широк. В связи с этим остается не ясным, почему в сферу рассматриваемых СД включены не все разряды префиксальных глаголов (за рамками исследования остаются, например, глаголы типа русск. *предвидеть*, *предсказать*, эквивалентами которых являются словц. *predviďat'*, *predpovedať*, содержащие сему темпоральности, а также некоторые другие глаголы с вычленимой приставкой).

Вызывает некоторые замечания методика сопоставления, применяемая автором книги. Э. Секанинова исходит из несомненно правильного, на наш взгляд, положения о том, что при сравнении следует основываться на едином лексико-семантическом значении глагольных префиксов, выражаемом различными формантами. Хотелось бы, однако, чтобы избранный принцип применялся более последовательно. Так, например, вряд ли следует объединять в рамках одного девертного СД, характеризуемого семой «направление действия от чего-либо», глаголы типа русск. *отлететь*, словц. *odletieť* «летя, удалиться на некоторое расстояние» (с. 59), глаголы типа словц. *odfarbit'*, *odvodnit'*, где приставка имеет значение «лишить кого-либо или что-либо определенного признака, обозначенного исходным глаголом» (с. 62) и глаголы со значением «поместить что-либо на определенном месте»: русск. *упечатать*, *уписать*, *усадить* и др. (с. 63). В подобных случаях в пределах одного СД оказываются глаголы, в составе которых приставки имеют различные значения. Идя по такому пути, автор избегает дробности в описании, однако материал оказывается сгруппированным на основе формального, а не семантического тождества форманта.

В рецензируемой монографии встречаются некоторые неточности в толковании значений русских глаголов. На наш взгляд, определенные различия имеются в значении словообразовательных формантов, входящих в состав глаголов с приставкой *за-* и постфиксом, отнесенных в работе к одному СД с элементом значения «чрезмерная занятость действием» (с. 120—121). Например, глаголы *заговориться*, *заработаться*, *заучиться* имеют значение «довести действие, обозначенное мотивирующим глаголом, до отрицательного результата»; глагол *задуматься* можно толковать как «начать думать и думать дальше», *залягаться* — как «в результате осуществления действия, названного мотивирующим глаголом, прийти в состояние полной поглощенности этим действием», *засидеться* — как «осуществлять действие, обозначенное мотивирующим глаголом, дольше, чем следует».

Глаголы делимитативного СД типа русск. *посидеть*, *поговорить* (с. 114—

116), на наш взгляд, не выражают интензивности действия и должны рассматриваться в рамках поля темпоральности. С другой стороны, вызывает сомнение причисление к темпоральным СД глаголов *отучить*, *отвинтить* и пр., обозначающих уничтожение результата предшествующего действия (с. 95—96).

Особо следует сказать о выделенных автором результативном СД («достижение результата действия путем его осуществления во времени», с. 97—100) и лимитативном СД («достижение внутреннего предела, перфективности предельного действия», с. 100—104). Лимитативный СД образуют приставочные глаголы, составляющие видовые пары с мотивирующими бесприставочными глаголами, т. е. глаголы с чистовидовыми приставками. В связи с этим, как нам кажется, включение лимитативного СД в систему СД русского и словацкого языков не вполне согласуется с высказанным автором пониманием природы СД. Что же касается результативного СД, то сюда включены глаголы, префиксы которых выполняют различные функции. Так, в составе ряда глаголов приставка имеет чисто видовое значение: ср. русск. *вянуть* — *увянуть*, *комплектовать* — *укомплектовать*, словц. *vädnuť* — *zvädnuť*, *kompletizovat'* — *skompletizovat'* (с. 100). Аналогичные приведенным глаголы русск. *оголупить*, *окрепнуть* (с. 100), словц. *očerveniet'*, *ohluchnuť* (с. 102) и *scentralizovat'*, *scivilizovat'* (с. 103) автор относит к лимитативному СД. В некоторых случаях приставка имеет и другие значения: сему начальности действия содержат глаголы *заснуть*, *задремать* (с. 99); к словообразовательному типу «путем осуществления действия, названного мотивирующим глаголом, довести объект действия до смерти», относятся глаголы *забить*, *заколоть*, *зарезать* (с. 99). У таких глаголов, как *заглохнуть*, *заночевать*, *записать* (с. 99) результативное значение приставки вряд ли вообще усматривается.

Монография Э. Секаниновой «Семантический анализ приставочного глагола в русском и словацком языках» представляет значительный вклад в славянскую сопоставительную аспектологию. Наши замечания ни в коем случае не принижают научную ценность книги.

Осипова М. А.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шелякин М. А. Приставочные способы глагольного действия и категория вида в современном русском языке (к теории функционально-семантической категории аспектуальности). — Автореф. докт. дисс. Л., 1972.
2. Деянова М. Из сърбо-хърватско-българската съпоставителна аспектология. Български език, 1976, № 6.
3. Соколов О. М. К характеристике способов глагольного действия (на материале русского и болгарского языков). — В кн.: Вопросы сопоставительной аспектологии, вып. 1. Л., 1978.

4. *Смирнов Л. Н.* К проблеме аспектологической славянской аспектологии. *Materiály z II. symposia o bohemistice v zahraničí.* Universita Karlova. Praha, 1980.

5. *Иванова К.* Начини на глаголното действие в съвременния български език. София, 1974.

6. *Авилова Н. С.* Вид глагола и семантика глагольного слова. М., 1976.

К. АНДРЕЙЧИНА, С. ВЛАХОВ, С. ДИМИТРОВА, К. ЗАПРЯНОВА.
Русско-болгарский фразеологический словарь. 5695 словарных статей. Под редакцией С. Влахова. М. — София, 1980, 582.

За последние двадцать лет исследование фразеологической проблематики в Болгарии достигло больших успехов. Болгарская фразеология активно изучалась в теоретическом плане и в то же время добротнo и последовательно систематизировалась лексикографически. Синтез теории и практики в этой области, как и следовало ожидать, оказался весьма продуктивным: сотрудниками Института болгарского языка АН НРБ создан тезаурус национальной фразеологии [1], а виднейшие германисты и русисты выпустили в свет весьма полные словари [2; 3; 4]. Несомненным свидетельством зрелости является и рецензируемый «Русско-болгарский фразеологический словарь» под редакцией известного лексикографа и переводчика Сергея Влахова.

Этот словарь — результат пятнадцатилетнего труда болгарских филологов. Выпуском этого словаря издательство «Русский язык» и издательство «Наука и искусство» продолжают традицию совместных изданий двуязычных словарей. [Рецензируемый словарь, как и вышедший в 1974 г. Болгарско-русский фразеологический словарь, «призван удовлетворять потребности болгарского и советского читателя, растущие по мере укрепления культурных, научных и экономических связей между нашими странами» (Предисловие).

Авторы поставили перед собой и успешно решили следующие задачи: 1) отбор достаточной по объему и характеру фразеологии; 2) расположение фразеологизмов в порядке, удобном для отыскания любой единицы; 3) максимально точное и полное раскрытие смыслового и экспрессивно-эмоционального содержания каждой фразеологической единицы (ФЕ) при помощи соответствующих сходств выражения (перевод, иллюстративный материал), а также 4) иллюстрация ее употребления в контексте. Критерии отбора материала были приняты с таким расчетом, чтобы в словарь могло войти максимальное число устойчивых словосочетаний, встречающихся в русском тексте и способных затруднить его понимание и перевод. К таким критериям относятся раздельноформленность, воспроизводимость и цельность номинации (выражение понятия). Принятие последнего критерия обуславливает исключение из состава словаря пословиц и подобных им ФЕ (афоризмов, сентенций и т. п.).

С учетом этих критериев в словарь включается несколько типов ФЕ: идио-

матика национального происхождения, крылатые слова и характерные для интернациональной фразеологии выражения мифологического, библейского и исторического происхождения, ограниченное число поговорок (хотя сам термин поговорка в словаре не оговаривается) и под. Довольно широко представлена в словаре грамматическая фразеология (условное название), т. е. отличающиеся высокой частотностью составные предложения, союзы, частицы, наречия, местоимения. Хотя, как справедливо указывает С. Влахов, принадлежность таких оборотов к фразеологии является спорной, составители включают их в словарь по чисто прагматическим соображениям: болгарского читателя обычно затрудняет их перевод, в основном в силу близости их к соответствующим свободным словосочетаниям.

В указателе, который предпослан словарю, все ФЕ, в него включенные, расположены строго в алфавитном порядке слов, входящих в состав ФЕ: «Каждый фразеологизм представлен в указателе по первому слову (какой бы частью речи оно ни было) и по всем знаменательным (не служебным) словам, входящим в его состав» (с. 33). В некотором противоречии с этим утверждением в разделе «Как найти фразеологизм в словаре» (с. 33) подчеркивается, что «в указателе фразеологизм можно найти практически по любому из его компонентов».

Словарная статья состоит из трех групп элементов: 1) русская часть, в которой представлены русская ФЕ, принятая в качестве заголовочной, и ее варианты; 2) переводная часть, т. е. болгарские соответствия для заголовочной ФЕ и ее вариантов и 3) иллюстративная часть, показывающая употребление ФЕ и ее болгарских соответствий в контексте.

В корпусе словаря статьи, как правило расположены в алфавитном порядке по одному из компонентов заголовочной ФЕ: по первому (при наличии других) существительному, если нет существительного — по первому глаголу, если нет и глагола — по первому прилагательному и т. д. Варианты даются после заголовочной ФЕ со знаком ~.

В словаре дано 5695 словарных статей, причем часто в одной статье сгруппировано несколько совпадающих по значению ФЕ, в результате чего общее их число в несколько раз превышает указанное количество.

Стремление авторов к максимальной полноте отражения в словаре ФЕ вообще

следует отметить особо. По количеству содержащихся в нем ФЕ это самый полный фразеологический словарь русского языка, изданный в советское время, ибо единственный пока большой «Фразеологический словарь русского языка» под редакцией А. И. Молоткова содержит лишь четыре тысячи словарных статей.

Максимализм в отражении материала для переводного словаря особенно оправдан, ибо переводчик ищет в нем не только нормативные, широко известные носителям русского языка обороты, но и всю стилистическую гамму русской идиоматики, отражаемую писателями. Вот почему можно лишь приветствовать включение в словарь многих ФЕ, не отраженных словарем под редакцией А. И. Молоткова: *лошадиная доза, терпеть фиаско, просидеть штаны* и др. При этом как вновь включенные в словарь обороты, так и ФЕ, описанные в других русских фразеологических словарях, иллюстрируются по возможности новыми и свежими контекстами, почерпнутыми как из художественной литературы, так и из современной периодической печати. Положительным моментом является и введение ими в словарь типовых контекстов, собственных русской живой речи: это особенно уместно именно для фразеологии, насквозь пронизанной разговорно-речевой и просторечной стихией. Не все такие контексты, создаваемые составителями, правда, можно признать удачными. Такова, как кажется, иллюстрация к ФЕ *танцевать от печки*, мало и к тому же недостаточно точно проясняющая смысл русского иронически-шутливого оборота: «О новых методах с этим бюрократом говорить не приходится: он привык танцевать от печки» (с. 390).

Важнейшим критерием качества любого словаря является семантическая интерпретация включаемых в него единиц. И в этом отношении рецензируемый словарь заслуживает самой высокой оценки. Составители последовательно стремятся отразить болгарскими эквивалентами всю семантическую емкость русских ФЕ. Это сделано как с помощью подбора наиболее полных синонимических рядов из болгарского фразеологического фонда, так и путем тонкой семантической детализации внутри словарной статьи. Применяя самые разные виды перевода, авторы стремятся максимально использовать именно фразеологические ресурсы болгарского языка. В подборе фразеологических синонимов, градуированных таким образом, чтобы оттенить семантико-стилистическое и экспрессивно-эмоциональное содержание русской ФЕ, чувствуется рука опытного теоретика и практика перевода — редактора словаря С. Влахова. Вот, например, какой фразеологический ряд предлагается для передачи русской ФЕ *после дождика в четверг: на кукоден, на куково лято, на Върба, на Върбница в сряда, на конски великден, когато цъфнат нальмите, когато дойде четвъртък подир петък, друг път, неизвестно кога, кой знае кога* (с. 237). Естественно, что приведенные болгарские ФЕ имеют различную образность, различный экспрессивный

заряд и различную стилистическую характеристику. Однако в комплексе они дают возможность любому переводчику подобрать нужный эквивалент для различного контекстуального употребления русской ФЕ.

При отсутствии фразеологических эквивалентов и аналогов составители прибегают и к другим способам передачи семантики русских ФЕ на болгарском языке — к толкованию, описанию, объяснению или переводу с помощью лексических эквивалентов. В таких случаях составители пытаются сохранить столь ценные свойства ФЕ, как метафоричность и экспрессивность, например, *наломать дров — направа, наизвѣрша [куп] глупости; змея подколадная — усойница, змея попелянка*. Если же и такой перевод русской ФЕ невозможен, то она передается словом или свободным словосочетанием: *отбиться/отбиваться от рук — престана/преставам да слушам, да се подчинявам; кормить застрахами кого — залъгвам с (празни) обещания някого*.

Опыт практического перевода ФЕ мастерами художественного слова подсказал составителям словаря и оригинальные творческие пути передачи русской фразеологии в тех редких случаях, когда другие способы им казались неэффективными. Иногда они прибегают к составлению «искусственного фразеологического соответствия», используя осколки болгарских ФЕ: *из молодых да ранний — млад, ама рогат; все шишки валятся на кого — всички камъни (все) по (моята) глава, всички тояги (все) по (моя) гръб*. Иногда в таких случаях составители смело пользуются дословным переводом, учитывая, что если образ, лежащий в основе ФЕ, достаточно прозрачен, жив и ярок, то такой перевод даст читателю достаточную экспрессивную информацию о русском обороте: *развязать/развязывать узел чего — букв. развързва/развързвам възела*. При всей принципиальной спорности такого выхода из трудных фразеологических ситуаций, нельзя не признать его уместным для данного случая. Это тем более оправдано, что, как известно, возрождение болгарского литературного языка нового времени осуществлялось под сильным влиянием русского языка и калькирование было одним из активных путей обогащения национального фразеологического фонда. Поэтому и «свежие» кальки, предлагаемые как вид лексикографического перевода в рецензируемом словаре, органично вписываются в болгарскую фразеологию. И главное — в рецензируемом словаре дословный перевод никогда не переходит в буквализм, искажающий нормы болгарского языка.

Переводческое мастерство составителей и редактора ярко проявилось и в передаче иллюстраций из русской художественной литературы средствами болгарского языка. Объективная трудность словарного перевода по сравнению с художественным заключается в том, что ФЕ обязательно должна быть переведена, в то время как в ткани литературного текста ее можно опустить в соответствии с теорией и практикой «языкового ключа»

компенсирован в другом месте. Кроме того, лексикографу приходится строго придерживаться текста иллюстрации и в то же время избегать буквализма. Эти трудности с успехом преодолены составителями. Подавляющее большинство переводов ими сделано блестяще — точно и творчески. Переводом иллюстраций болгарские лексикографы зачастую еще более расширяют диапазон средств семантической интерпретации русских ФЕ.

К числу мелких недостатков словаря относится несоблюдение принципа включения только оборотов, выражающих понятия (в словаре много ФЕ со структурой предложения, выражающих суждение: *пожалел волк кобылу; вот где собака зарыта; кусок в горло не лезет кому; молоко на губах не обсохло* и др.), отдельные расхождения в фиксации ФЕ в указателе и в корпусе словаря, отсутствие списка использованных авторов и произведений.

Наши замечания ни в коей мере не снижают большой ценности рецензируемого словаря. Его характерными чертами являются полнота русской фразеологии непословичного типа, тщательно разработанная подача материала, продуманная система помет, богатый иллюстративный материал, высокое качество перевода

русских ФЕ на болгарский язык и отличный указатель. Рецензируемый словарь — первый опыт создания русско-болгарского фразеологического словаря. И опыт на редкость удачный. Это одновременно и первый опыт большого русско-славянского фразеологического справочника вообще. Несомненно, этот труд болгарских коллег станет стимулом для дальнейшего развития славянской двуязычной фразеологии.

Кунин А. В., Мокиенко В. М.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ничева К., Спасова-Михайлова С., Чолакова Кр. Фразеологичен речник на българския език, т. I. София, 1974; т. II, 1975.
2. Николова-Гълбова Ж., Гълбов К. Немско-български фразеологичен речник. София, 1958.
3. Николова-Гълбова Ж., Гълбов К. Българско-немски фразеологичен речник. София, 1968.
4. Кошелев А., Леонидова М. Българско-руски фразеологичен речник. София — Москва, 1974.

ИРЛАНДСКАЯ АССОЦИАЦИЯ СЛАВИСТОВ (ИАС)¹

Ирландская Ассоциация славистов была основана в мае 1975 г. с целью содействия изучению славянских языков и культур в Ирландии и исследовательской работе в этой области. Этой же задаче служит проведение с 1975 г. ежегодных конференций, на которых заслушиваются доклады и проходят дискуссии по проблемам славяноведения. Членами Ассоциации являются главным образом преподаватели отделений русистики и славистики в ирландских университетах — Королевском университете (Белфаст), Тринити-колледже (Дублин), Новом университете Ольстера (Колрейн), а также других отделений в Университи-колледж (Дублин) и Национальном институте высшего образования (Лимерик). Школьные преподаватели русского языка, научные работники-слависты и другие лица, проживающие в Ирландии и интересующиеся славянскими языками и культурами, также имеют право на вступление в ИАС. В настоящее время Ассоциация насчитывает 40 членов, половина из которых работает в высших учебных заведениях.

Первая конференция ИАС состоялась в мае 1975 г. На ней были прочитаны два доклада: «О становлении М. А. Шолохова как писателя» (М. Мэтьюз) и «О некоторых аспектах движения декабристов» (д-р Патрик О'Мара, преподаватель русского языка Тринити-колледжа). Информация проф. М. Уилера (Королевский ун-т) об этой конференции была помещена в журнале «Русский язык за рубежом» (1976, № 2, с. 119). В июне 1976 г. на второй конференции выступили д-р Л. Хьюз (Королевский ун-т) с докладом «Западное влияние в русской архитектуре конца XVII века» и д-р Р. Дж. Хилл (Тринити-колледж) на тему «Политическая наука и реформа избирательной системы в СССР». На третьей конференции, состоявшейся в мае 1977 г., были заслушаны следующие доклады: д-ра К. Б. Робертса (Тринити-

колледж) «Еще раз о двух точках: безударные гласные в современном русском языке»; д-ра Р. Дж. Дейника (Королевский ун-т) «Польское культурное влияние в России XVII века»; д-ра Р. Киза (Новый ун-т Ольстера) «Андрей Белый и Р. В. Иванов-Разумник: их дружба и переписка».

Три доклада были сделаны на четвертой конференции в мае 1978 г.: Р. Уэллс, урожд. Марш (Королевский ун-т) «Диспут о генетике в советской литературе 1953—1964 гг.»; У. Гринвуда (Тринити-колледж) «Последние пьесы Веры Пановой»; Б. Фалуна (Национальный ин-т высшего образования) «Бюрократический аппарат царизма в сельской местности (земства)».

Пятая конференция (май 1979 г.) заслушала д-ра Пирсона — «Выборгский комплекс: русские либералы и русский народ в 1906—1917 гг.», Р. Рида — «„Демон“ Лермонтова» и А. Тески — «Андрей Платонов — воронежский период».

В мае 1980 г. конференция впервые длилась целых три дня, что позволило расширить ее программу, которая включала доклады проф. Б. Мэрфи (Новый ун-т Ольстера) «Научная жизнь в отражении современной советской художественной литературы», К. Роулстона (Ольстерский политехнический ин-т) «Советские дебаты о планировании в 1920-х гг.», д-ра В. Чапковой «Кельтско-славянские лексические параллели», д-ра Дж. Мак-Нейра (Новый ун-т Ольстера) «Романы П. Д. Боборыкина: теория и практика». Преподаватель отделения славянских языков Австралийского национального ун-та Р. Айрленд сделал сообщение о деятельности этого отделения и об общем состоянии славяноведения в Австралии. Это было первое выступление иностранного гостя перед членами ИАС, открывающее путь к развитию международных связей Ассоциации. Пять докладов было прочитано на последней, седьмой конференции (май 1981 г.).

По приведенному перечню докладов на конференциях можно судить о широком диапазоне научных интересов членов ИАС. В последние годы важнейшей новой стороной в деятельности ИАС явилось начало издания журнала-ежегодника «Irish Slavonic Studies» («Ирландское славяноведение»). Решение о его выпуске было принято на конференции 1979 г., проводившейся в Белфасте, в основном благодаря инициативе преподавательского состава отделения славистики в белфаст-

¹ Находясь в марте 1981 г. в научной командировке в Москве, автор статьи, секретарь ИАС, был приглашен сделать сообщение о состоянии ирландского славяноведения в Институте славяноведения и балканистики АН СССР. Это сообщение переработано в настоящую статью, предназначенную для более широкого круга советских славистов.

ском Королевском университете. Был избран редакционный комитет в следующем составе: Н. Корнуэлл (Королевский ун-т) — председатель, Б. Фалун (Национальный ин-т высшего образования), Дж. Мак-Нейр и П. О'Мара (Тринити-колледж). Первый том журнала увидел свет в 1980 году и включал шесть статей (пять из которых основываются на докладах, сделанных на состоявшихся ранее конференциях ИАС), один перевод, критические статьи и рецензии на книги. Во втором выпуске (1981) под редакцией Н. Корнуэлла намечается опубликовать статьи «Славянизмы в „Поминках по Финнегану“», «Переводы произведений Джойса в Восточной Европе: библиографический указатель», «Образы птиц в „Тарасе Бульбе“», «Ленин и государство коммуны», «Поляки и польский язык в России XVII века», а также перевод и ряд рецензий.

Среди планов дальнейшей деятельности ИАС — организация Европейской конференции по славянским и восточноевропейским исследованиям, которая пройдет в 1983 г. в Национальном институте высшего образования в Лимерике, и объединенной конференции ИАС и Ассоциации славистов британских университетов в 1984 г. в Белфасте. Очередная (восьмая) конференция ИАС устраивается сотрудниками Университи-колледж (д-р В. Чапкова, М. Кэссиди, Дж. О'Коннелл) и будет проведена в Дублине в мае 1982 г. Проф. М. Уилер (Королевский ун-т) сейчас работает над составлением указателя опубликованных трудов ирландских славистов и тематики ведущихся ими научных исследований. Намечается присылка этого указателя советским коллегам, интересующимся нашей деятельностью.

О'Мара П.

26 декабря 1981 г. после продолжительной и тяжелой болезни скончался выдающийся советский историк-славист, талантливый исследователь и организатор науки, д-р ист. наук профессор Владимир Дорофеевич Королук. Весьма значителен и многосторонен вклад Владимира Дорофеевича в историческую науку: ему принадлежит около 450 научных работ, посвященных необычайно широкому кругу проблем исторического развития нашей страны и зарубежных государств Центральной и Юго-Восточной Европы, начиная с поздней античности и вплоть до XIX в. В их числе монографические исследования, статьи, разделы коллективных трудов по истории славяно-германских отношений, внешней политике Русского государства, раннефеодальной государственности и народностям в Центральной Европе и на Балканах, по истории советского славяноведения и др. Как исследователя В. Д. Королука отличала необыкновенная широта интересов, способность оригинальной постановки проблем, точность источниковедческого анализа.

В. Д. Королук родился 28 февраля 1921 г. в г. Кутаиси в семье служащего, в 1938 г. поступил на исторический факультет Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, где избрал специализацию на кафедре истории южных и западных славян.

После окончания Университета в 1943 г. он включился в работу коллектива историков-славистов, созданного в рамках Института истории АН СССР. С образованием 1 января 1947 г. Института славяноведения АН СССР В. Д. Королук стал его сотрудником. В 1948 г. он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Избрание Августа II на польский престол и вступление Речи Посполитой в Северную войну». Это было одно из первых в советской науке специальных исследований по истории международных отношений в эпоху позднего феодализма, новаторское по своему замыслу и методике работы. Тогда же в сферу его интересов вошел комплекс проблем, связанных с политическим развитием Восточной Европы в XVI в. Новая оригинальная трактовка взаимоотношений государств этого региона во второй половине XVI в. была дана в его книге «Ливонская война», вышедшей в 1954 г.

В 1949—1956 гг. В. Д. Королук принимал деятельное участие в создании «Истории Польши» — первого капиталь-

ного марксистского труда по истории этой страны, получившего высокую оценку в СССР и за рубежом. В. Д. Королук был одним из создателей общей концепции этого труда и автором большей части разделов по истории Польши периода феодализма. В эти же годы им была написана первая в марксистской науке обобщающая работа по истории становления классовых отношений и государства в Польше — «Древнепольское государство».

В начале 50-х годов В. Д. Королук выступил с инициативой углубленного изучения истории славяно-германских отношений, организовал и возглавил коллектив исследователей этой проблематики, который стал ядром сектора истории славяно-германских отношений. Цикл работ В. Д. Королука по истории международных отношений в период раннего феодализма получил свое завершение в работе «Западные славяне и Киевская Русь», опубликованной в 1964 г. и защищенной в 1965 г. как докторская диссертация. В ней была глубоко и всесторонне показана самостоятельная роль славянских народов в становлении средневековой Европы, собран большой материал о тесных связях этих частей славянского мира в период раннего средневековья. За время существования сектора славяно-германских отношений коллективом исследователей, работавшим под руководством В. Д. Королука, было подготовлено большое количество исследований по истории славяно-германских отношений от эпохи раннего феодализма до XX в. включительно.

Руководя с 1970 г. сектором древней истории и истории средних веков, В. Д. Королук возглавил изучение широкого круга проблем, связанных с историей народов Центральной и Юго-Восточной Европы в период феодализма. Особое его внимание привлекли проблемы этногенеза. Им опубликован ряд работ теоретического плана, где была выявлена роль этнического самосознания как решающего признака существования этноса. Коллектив исследователей под руководством В. Д. Королука реализовал эту общую установку на конкретном материале в подготовленной к печати работе «Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья» — первом комплексном интердисциплинарном труде такого плана не только в советской, но и в зарубежной историографии.

В 1965—1981 гг. В. Д. Королук активно участвовал в работе редколлегии журнала «Советское славяноведение». Большое внимание уделял Владимир Дорофеевич публикации исторических источников и источниковедческим разысканиям наших славистов; он приложил много усилий для развертывания источниковедческих исследований по славяноведению в качестве члена редколлегии серии «Памятники средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы», редколлегии сборников «Славянский архив» (в 1958—1959).

Весьма велика роль Владимира Дорофеевича также и в подготовке научных кадров историков-славистов, в координации и развертывании исследований по истории славянского и восточнороман-

ского этногенеза и этнической истории, чему во многом способствовала его работа в качестве председателя Бюро секции по этногенезу Научного совета по комплексным проблемам славяноведения и балканистики, активного участника работы Научного совета АН Молдавской ССР по истории славяно-волошских связей и молдавской народности.

В. Д. Королук был человеком талантливым, полным энергии, обаяния, чутким, отзывчивым. Общение с ним всегда было большой радостью для всех знавших его. Друзья В. Д. Королука, его коллеги и ученики навсегда сохранят светлую память о крупном советском ученом, выдающемся исследователе, добром друге и учителе.

CONTENTS

Orekhov A. M. The Proletariat — the first party of the Polish working class (to the centennial anniversary of the foundation). *Volokitina T.* Georgy Dimitrov and some problems of development of the Patriotic Front in Bulgaria, 1944—1948. *Getmanova N. G.*, *Kuzmin M. S.* Soviet-Czechoslovakian cultural and scientific connections, 1934—1938. *Desiatskov S. G.* The Balkans in the schemes of the English Policy of the Economical Appeasement of the Hitlerite Germany. *Grishina R. P.* The Petry Bourgeois Radical-Democratical Party at the Arrangement of Political Forces in Bulgaria (Decembre, 1921 — May, 1923). *Nosov N. E.* A new investigation on the feudal history of Russia. *Drosneva A.* (Bulgaria). Joachim Osogovskii's Live as the Historical Source. *Zlydneva N.* Ivan Generalic's creative work. *Bulatova R. V.* Accentuation of prefigated «postverbal» *ǝ*-stems in Serbo-Croatian 3

PEOPLE, EVANTS, FACTS

Kishkin L. S. Czech connections of I. E. Repin 98

REVIEW — ARTICLES AND REVIEWS

Voznesenskii V. D. Советско-болгарские отношения и связи. Документы и материалы. Т. II. *Semenova L. E.* Л. В. Власова. Молдавско-польские политические связи в последней четверти XVII — начала XVIII в. *Osipova N.* Foreign Slavic Literatures on the Pages of the Viestnik LGU (the 1970 s.). *Gorfunkeľ A. Kh.* И. В. Поздеева, И. Д. Кашкарова, М. М. Леренман. Каталог книг кириллической печати XV—XVII вв. Научной библиотеки Московского университета. *Osipova M. A.* E. Sekaninová. Sémantická analýza predponového slovesa v ruštine a slovenčine. *Kunin A. V.*, *Mokiyenko V. M.* К. Андрейчина, С. Влахов, С. Димитрова, К. Запрынова. Русско-болгарский фразеологический словарь. 5695 словарных статей. Под редакцией С. Влахова 110

SCIENTIFIC LIFE

O'Meara P. (Irish) The Irish Slavists' Association (ISA) 124
Vladimir Dorofejevich Korolyuk 126

Технический редактор *Е. В. Силицкина*

Сдано в набор 12.04.82 Подписано к печати 18.06.82 Т-10529 Формат бумаги 70×108^{1/16}
 Высокая печать Усл. печ. л. 11,2 Усл. кр.-отт. 13,4 тыс. Уч.-изд. л. 13,5 Бум. л. 4,0
 Тираж 1159 экз. Зак. 1553

Издательство «Наука». 103717, ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
 2-я типография издательства «Наука». 121099, Москва, Шубинский пер., 10

Цена 1 р. 20 к.
Индекс 70891